ISSN 2658-7920

ВЕСИ

№ 1,
2025

А.О.Россет
Худ. А.О.Кипренский. 1830 г.

А.О.Смирнова-Россет
Худ. Н.М.Алексеев (Сыромянский). 1844 г.

Анна Федоровна Тютчева

Худ. О.Петерсон. 1851 г. **Фото А.И.Деньер. 1865 г.**

ФРЕЙЛИНЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Многочисленные сериалы о жизни императоров, а особенно императриц сформировали у значительной части наших современников стойкий стереотип о фрейлинах, как особах, занимающихся исключительно дворцовыми интригами и любовными похождениями. В то же время несомненно, что среди дам, служивших при дворе, было немало не просто достойных женщин, но и личностей весьма примечательных. О некоторых из них мы сейчас и расскажем.

Во-первых, многие оставили после себя бесценные воспоминания, дневники и письма. Эти записи рисуют достоверную и яркую картину не только дворцовой жизни, но и российской действительности, а также словесные портреты многих выдающихся людей прошлого. В качестве примера приведем рассказ о двух из них.

Бывшая фрейлина Александра Осиповна Россет, известная впоследствии скорее как мемуаристка А.О.Смирнова-Россет, поскольку вышла замуж за Николая Михайловича Смирнова, являлась близким другом Н.В.Гоголя. Его она регулярно принимала у себя, как в Петербурге, так и заграницей в Баден-Бадане и Париже. Александра Осиповна в деталях рассказала о первых прочтениях им глав, тогда еще не опубликованных, «Мертвых душ»[1].

Вторая мемуаристка – дочь Федора Ивановича Тютчева Анна, фрейлина цесаревны Марии Александровны. Она служила при дворе с 1853 по 1866 год, т.е. до своего замужества. Анна Федоровна застала правление двух императоров – Николая I и Александра II. Обладая несомненным литературным талантом, давала меткие и острые характеристики многим своим современникам. Кроме того, она длительный период (с 1853 по 1882 год) вела дневник.

Из воспоминаний Анны Федоровны Тютчевой мы узнаем о том, что очень многие придворные дамы оказывали помощь участникам Крымской войны: «В Севастополе недостаток почти во всем. Здесь делается все возможное. Усиливаем сборы денег, отправляем огромные посылки чая, сахара, белья и медикаментов»[2].

Став любимой фрейлиной цесаревны, она впоследствии служила гувернанткой царских детей: Марии, Сергея и Павла. Переход к деятельности педагогической был характерен для многих бывших фрейлин.

Наталья Пакшина.

(Окончание на стр. 4–9)

[1] Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания. – М.: Наука, 1989. 789 с. С. 28.

[2] Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. – М.: ООО АСТ, 2022. 288 с. С. 110.

УЧРЕДИТЕЛИ:

Администрация Восточного управленческого округа Правительства Свердловской области (623850, Свердловская область, г. Ирбит, ул. Елизарьевых, 23)

Учреждение культуры «Банк культурной информации» (620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
Т.Е.Богина

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

д.и.н. Е.Т.Артёмов
д.и.н. С.В.Голикова (Екатеринбург)
В.Н.Ермолаев (Тавда)
д.и.н. В.В.Запарий
к.и.н. С.А.Корепанова
д.и.н. Г.Е.Корнилов
к.и.н. В.Н.Кузнецов
Л.А.Ладейщикова
Я.С.Недвига (художественный редактор)
к.и.н. Б.Б.Овчинникова
О.В.Птиченко
чл.-кор. РАН, д.и.н. И.В.Побережников
д.и.н. Д.А.Редин (Екатеринбург)
С.П.Садовников (Москва)
Б.В.Соколов (Ярославль)
С.И.Симонов (Каменск-Уральский)
А.А.Федотов (Саратов)
Е.А.Фролова (Москва)
С.Тенятников (Москва)
Е.И.Щупова
Ю.В.Яценко (Екатеринбург)

Корректор номера
Анна Андреева

ИЗДАТЕЛЬ И РЕДАКЦИЯ:
Учреждение культуры «Банк культурной информации»

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ И РЕДАКЦИИ:
620100, г. Екатеринбург, п/о 100, а/я 51
сайт: www.ukbki.ru
e-mail: ukbkin@gmail.com

Зарегистрирован Управлением Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Уральскому федеральному округу 1 апреля 2005 года, ПИ № ФС11-0139.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Редакция не возражает против перепечатки материалов, опубликованных в журнале, при обязательном соблюдении их целостности, указания имени автора и со ссылкой на журнал «Веси».
Электронный вариант журнала размещается в Интернете: www.ukbki.ru.

Рукописи, направленные в журнал «Веси» по почте, по электронной почте или переданные лично, редакция рассматривает как предложенные для издания и оставляет за собой право их публиковать на страницах журнала без дополнительного согласования с автором.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Материалы, иллюстрации и фотографии публикуются в журнале на безгонорарной основе.

Материалы, отмеченные знаком , печатаются на правах рекламы.

На обложке: (1) Портрет Авроры Карловны Демидовой-Карамзиной Художник К.Брюллов. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал»..

Выпущен в свет 29.01.2025 г.

18+

Отпечатано в ООО Универсальная типография «Альфа Принт» 620049, Екатеринбург, пер. Автоматики, 2ж. www.alfaprint24.ru

Тираж 2500 экз.

Распространяется бесплатно.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

А вы часто ленитесь?

И как вы себя чувствуете, когда находитесь в этом состоянии?

Далеко не все из вас сказали, что плохо. А если заглянуть, например, в русские пословицы и поговорки, то лень оказывается там уж очень отрицательным явлением. «Лень добра не делает, без соли обедает, без причин спит». «От лени человек хворает, а от труда здоровье закаляет». «Труд человека кормит, а лень портит». «Лень за пазухой гнездо свила». «Лень прежде нас родилась». «Лень, лежа на печи, замерзла».

А когда мы ленимся, то почему-то даже в кресле не замерзаем. И ни о какой хвори речь не идет, наоборот – сплошное удовольствие.

Если обратиться к ученым, то получим такие характеристики лени, что даже лениться не захочется. Они считают лень злом в любом ее проявлении. Связывают ее с неэффективной работой некоторых отделов нашего головного мозга. Считают, что с помощью лени человек стремится отказаться от преодоления трудностей. Лень связывают с прокрастинацией и даже с глупостью человеческой. И что для меня не понятно, лень практически всегда рассматривают с точки зрения психологии или социологии.

Вот я считаю лень замечательным качеством, обладающим лечебным эффектом, восстанавливающим силы, уверенность в завтрашнем дне, повышающим самооценку и порой обеспечивающим нашу безопасность. Поленились мы ввязаться в опасную ситуацию – живем спокойно, без проблем и стрессов. Наш организм мудрый, это он время от времени заставляет нас лениться, чтобы не было перенапряжения и выгорания, чтобы восстановить силы и пополнить ресурсы. Зачем же этому противиться? Отдохнувший от всего человек в дальнейшем значительно быстрее справится со всеми задачами и останется в хорошей творческой форме. А еще лень открывает для людей творческие каналы, помогает увидеть с неожиданной точки зрения, а порой – даже создать шедевры. Я искренне верю, что лень дарит нам здоровье и долголетие. Она позволяет человеку выходить из безумного несущегося современного потока жизни и накапливать силы для любимой работы и для решения важных и нужных вопросов.

Да, не нужно путать лень с бездельем. Ведь лень – это тоже занятие и даже работа. Просто во всем нужно знать меру. Помните, как у Парацельса: «Яд от лекарства отличается только дозой». Я считаю, что к лени это тоже относится.

Так что ленитесь себе на здоровье и для пользы дела.

Татьяна Богина,
главный редактор.

ВЕСИ

№ 1
(213)` 2025
январь–
февраль

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Пакшина
Фрейлины императорского двора в воспоминаниях современников 1
Александр Больных
Дракон смеется 10
Игорь Ермаков
Уходили уральцы в партизаны 22
Елена Чёрная, Ольга Халяева
Неизвестные страницы «Окопной правды» Павла Петровича Бажова 31
Александр Юдин, Сергей Юдин
Курьи ноги 40
Стефан Садовников
Рассказы 48
Олег Чебыкин
Татарская песня 55
Владлен Козинец
«Фрески» 59

Журнал награжден медалями:

Российской Генеалогической Федерации «За вкладъ въ развитіе генеалогіи и прочихъ спеціальныхъ историческихъ дисциплинъ» 2-й степени

имени Н.К.Чупина

имени Л.К.Татьяничевой

Журнал награжден почетными знаками

Российской академии естественных наук «Звезда успеха»

Союза старателей России «Заслуженный старатель России»

United Nations Educationa, Scientific and Cu tura Organization

Wor d Federation of UNESCO c ubs, centers and associations

РОССОТРУДНИЧЕСТВО · ROSSOTRUDNICHESTVO ·

Издается под патронатом Всемирной федерации ассоциаций, центров и клубов ЮНЕСКО, Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству.

ФРЕЙЛИНЫ ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ

Наталья ПАКШИНА.

Кандидат технических наук, доцент Арзамасского политехнического института (филиала) НГТУ им. Р.Е.Алексеева. Автор семи монографий исторического и краеведческого характера, член СВРТ, действительный член общества «Нижегородский краевед».

(Окончание. Начало на стр. 1)

Во-вторых, нередко фрейлины занимались благотворительностью и помогали нуждающимся людям, используя свою близость к кому-то из представителей императорской семьи.

Младшая дочь историографа Елизавета Николаевна Карамзина стала фрейлиной в 1839 году, будучи восемнадцатилетней девушкой, и прослужила много лет. Впоследствии она тесно общалась с юным Александром Александровичем (будущим императором Александром III). У Елизаветы Николаевны было в обычае хлопотать через него за кого-то, находясь на каком-нибудь балу или обеде. А крестников, крестниц и просто знакомых бедных студентов, врачей и духовенства было у нее несметное множество.

Сам Александр III много лет спустя рассказывал о том, как это делалось: «Она всякими жестами показывала, что хочет со мною говорить. Когда я к ней подходил, она быстрым движением вынимала из корсажа пачку бумажек и на мой строгий вопрос «Сколько?», неизменно говорила: «Сегодня не очень много всего пять». Я знал, что если говорит «пять», их будет десять, а если Елизавета Николаевна сознавалась в десяти, то их было штук пятнадцать, двадцать»[1].

Елизавета Николаевна, рассказывая о подобных просьбах, отмечала, что Император (Александр III) был «самый добрый, отзывчивый и простой из всех братьев. Она просила его исполнить просьбы всех этих несчастных людей; а он в ответ говорил: “Елизавета Николаевна, Вы отлично знаете, что все, что можно сделать, будет сделано.”»[2].

Среди фрейлин и бывших фрейлин были и такие, которым за счет своего обаяния и ума удавалось помогать не только отдельным нуждающимся, но и большим группам людей и даже целым нациям.

Это, прежде всего, Аврора Карловна Шернваль (Демидова, Карамзина), уроженка Финляндии, по происхождению шведка, с 1830 года фрейлина императрицы Александры Федоровны и с 1835 придворная камер-фрейлина. Она также стала статс-дамой при императрицах Марии Федоровне и Александре Федоровне в 1898 году. Таким образом, она была лично знакома с четырьмя императорами: Николаем I, Александрами II и III и Николаем II и их семьями[3].

Аврора Карловна считалась и была на самом деле одной из красивейших женщин в Петербурге. При виде этой дамы никто не оставался равнодушным, женщины завидовали ее красоте, мужчины приклонялись и боготворили.

[1] Фрейлина Вера Клейнмихель, графиня Екатерина Клейнмихель. В тени царской короны. – Симферополь: Бизнес-Информ, 2019. 352 с. С. 66.

[2] Фрейлина Вера Клейнмихель, графиня Екатерина Клейнмихель. Указ. соч. С. 67.

[3] Тютчева А.Ф. При дворе двух императоров. Воспоминания и фрагменты дневников фрейлины двора Николая I и Александра II. – М.: ООО АСТ, 2022. 288 с. С. 110.

Елизавета Николаевна Карамзина

Худ. В.Видер. 1840-е гг. **Фото Г.Ф.Штейнтберг. 1860-е гг.**

Среди ее поклонников были П.А.Вяземский, В.А.Жуковский, А.С.Пушкин, М.Ю.Вильегорский, Е.А.Баратынский, да и сам император Николай I[1]. Поэты посвящали ей стихи, а живописцы писали ее портреты. Композитор М.Ю.Вильегорский написал романс и мазурку с символическим названием «Аврора». Она была не просто красивой и эффектной внешне, но отличалась простотой и тонким вкусом. И это неизменно отмечали многие ее современники. Но в данной статье мы расскажем не об этом, а скорее об ее умении помогать своим соотечественникам, в то время, когда она уже овдовела в 1854 году и проводила значительную часть своей жизни в Финляндии в своем имении Тресканда.

Аврора Карловна легко завязывала отношения и умела мудро распоряжаться имеющимися связями и при дворе, в частности. И благодаря этим способностям она не только обеспечивала благополучие своего ближайшего окружения, но и сыграла важную роль в решении судьбы Финляндии.

В качестве примера рассмотрим визит императора в Финляндию. 4 сентября 1863 августейшая чета с сыновьями, свитой и министрами двора прибыли в имение Тресканда. После блестящего завтрака состоялась трехчасовая охота. На последовавший за охотой торжественный обед были приглашены все члены открывающегося сейма, сенаторы и генералы. Стол был безупречен, танцы продолжались до утра. Император остался приемом удовлетворен и сердечно благодарил хозяйку.

А 6 сентября, открывая сейм, Александр II в программной речи окончательно провозгласил Финляндию конституционной страной, имеющей выборное правительство и все конституционные права и свободы. Не вызывает сомнения, что дипломатия Авроры Карамзиной сыграла в этом немалую роль[2].

В 1867 году, когда на севере России и в Финляндии страшный голод убивал целые семьи, в имение А.К.Карамзиной шли и шли толпы голодных, истощенных людей, и она пыталась

[1] Демидовы. Кн. 2. Россия Демидовых / Т.Е.Богина, А.Ю.Бондаренко; под ред. В.В.Алексеева. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2022. – 176 с. С. 128.

[2] Хеникен Л. Аврора Карамзина и ее Тресканда // Интернет-журнал «Лицей». – URL: https://gazeta-licey.ru/blogs/larisa-heninen/81863-avrora-karamzina-i-eyo-treskanda (дата обращения 30.08.2024)

А.К.Демидова. Худ. К.Брюллов. 1838 г. НТМЗ «Горнозаводской Урал»

А.К.Карамзина. Фото 1860–1870 гг.

их накормить. Организовала доставку продовольствия из Петербурга и с южного Урала, все, что доставлялось, отдавала несчастным.

Что в этих случаях было определяющим? Не только ее финансовые возможности, но и организаторские способности, гибкость, умение собрать нужных людей в нужном месте, умело организовать диалог. Были ли они исключительно врожденными? Очень многие фрейлины обладали именно такими же качествами, что наводит на мысль, что приобрели они их на своей службе при дворе. Приведем рассказ еще о двух придворных женщинах, с целью подтвердить это предположение.

Одна из организаторов литературного салона Карамзиных – его старшая дочь историографа Софья Николаевна Карамзина. Наряду со своей матерью она являлась душой этого салона. В.А.Соллогуб так отзывался об этом салоне: «Здесь... царствовал элемент чисто литературный... Все, что было известного и талантливого в столице, каждый вечер собиралось у Карамзиных; приемы отличались самой радушной простотой»[1]. Русский публицист А.И.Кошелев писал, что там «собирались литераторы и умные люди разных направлений... Вечера начинались в 10 и длились до 1 и 2 часов ночи; разговор редко умолкал. Эти вечера были единственные в Петербурге, где не играли в карты и где говорили по-русски...»[2].

То, чем вспоминают салон люди, его посещавшие – это чаепитие. Разливать чай за круглым столом, вокруг которого рассаживались гости, входило в обязанности старшей дочери Софьи Николаевны. На одном вечере ей пришлось налить 138 чашек чая. Но главное – в умении организовать и занять собравшихся. Не случайно писатель И.И.Панаев назвал С.Н.Карамзину «Рекамье этого салона»[3].

Анна Тютчева вспоминала салон так: «Обстановка приема была очень скромная и неизменно одна и та же. Гостиная освещалась яркой лампой, стоявшей на столе, и двумя стенными кенкетами на противоположных концах комнаты; угощение состояло из очень

[1] Воспоминания графа В.А.Соллогуба. – П., 1887. – URL: https://tarhany.ru/lermontov/zhenschini_adresati_liriki_m_ju__lermontova/karamzina_sofja_nikolaevna (дата обращения 25.08.2024).

[2] Пушкин и семейство Карамзиных // Пушкин в письмах Карамзиных 1836–1837 годов. – М.; Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1960. 436 с. С. 23.

[3] Зажурило В.К. Свидетели последних лет. – URL: http://a-s-pushkin.ru/books/item/f00/s00/z0000021/st053.shtml (дата обращения 25.08.2024).

Софья Николаевна Карамзина

Худ. К.Брюллов. 1838 г. **Худ. Т.Райт. 1844 г.**

крепкого чая с очень густыми сливками и хлеба с очень свежим маслом, из которых Софья Николаевна умела делать необычайно тонкие тартинки, и все гости находили, что ничего не могло быть вкуснее чая, сливок и тартинок карамзинского салона»[1].

Но все же главное в салоне Карамзиных был не чай, а то, что за всем этим стоял хороший «дирижер». Та же Анна Федоровна Тютчева дает исчерпывающую характеристику организаторскому дару Софьи Карамзиной: «...Перед началом вечера Софи, как опытный генерал на поле сражения и как ученый стратег, располагала большие красные кресла, а между ними легкие соломенные стулья, создавая уютные группы для собеседников; она умела устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У ней в этом отношении был совершенно организаторский гений. Бедная и дорогая Софи, я как сейчас вижу, как она, подобно усердной пчелке, порхает от одной группы гостей к другой, соединяя одних, разъединяя других, подхватывая остроумное слово, анекдот, отмечая хорошенький туалет, организуя партию в карты для стариков, jeux- d'esprit для молодежи, вступая в разговор с какой-нибудь одинокой мамашей, поощряя застенчивую и скромную дебютантку, одним словом, доводя умение обходиться в обществе до степени искусства и почти добродетели...»[2].

Очень похожую характеристику ее организаторскому таланту дал мемуарист и близкий Карамзиным человек князь А.В.Мещерский: «Софья Николаевна была, поистине, движущей пружиной, направляющей и оживляющей разговор как в общей, так и в частной беседе. Она имела удивительный талант всех приветствовать, рассадить и группировать гостей согласно их вкусам и симпатиям, находя вечно новые темы для разговора и выказывая ко всему живейшее и непринужденное участие. Разговаривая с людьми, даже не очень знакомыми, она не старалась блеснуть своим остроумием или познаниями, а умела вызывать то и другое в собеседнике, так что он после разговора с ней оставался всегда как-то очень доволен собой, подобно каждому слабому смертному, чувствующему бессознательно,

[1] Тютчева А.Ф. Указ. Соч. С. 21.

[2] Тютчева А.Ф. Указ. Соч. С. 18.

почему-то, что он имел какой-то успех[1].

Софья Николаевна с одинаковым интересом и таким же вниманием беседовала как с человеком самым умным, так и с самым ограниченным, что нередко нас изумляло. Она в этом случае напоминала знаменитую г-жу Рекамье. Когда ея знакомая спросила, каким образом она могла беседовать с одним господином, который известен был в обществе своей глупостью? Она отвечала: по фр-ки (Мой друг, вы не можете представить себе все то, чего этот человек не знает)»[2].

Было ли это исключительно врожденное чутье? Или все же какой-то навык, осознанность, может быть начитанность? Дело в том, что Петр Андреевич Вяземский как-то в начале 1850-х упомянул в одной из своих записных книжек, «что число гостей за обедом не должно быть менее числа граций и выше числа муз (за дополнительной информацией обращайтесь к Софье Карамзиной)»[3]. Отсюда напрашивается предположение, что подбор персон и планирование их количества за одним столом производился ею осознанно.

До сих пор мы рассматривали тех женщин, которые большую часть жизни провели в Санкт-Петербурге или Царском Селе и вращались среди людей известных и даже знаменитых. А сейчас расскажем о женщине, которую жизнь из Таврического дворца занесла в нижегородскую глубинку, где она на протяжении почти сорока лет вела уединенный образ жизни и общалась с представителями среднепоместного дворянства. Какой она казалась им? Можно ли было разглядеть в ней придворную даму?

Речь пойдет о Екатерине Павловне Веселовской (урожд. Шан-Гирей). Родилась Екатерина в 1823 году на Кавказе в семье Павла Петровича и Марии Акимовны Шан-Гирей. Детство свое и юношеские года провела в Пензинской губернии в имении Апалиха, что располагалась совсем рядом с Тарханами. И это не случайность. Мать Екатерины доводилась родной племянницей Елизавете Алексеевне Арсеньевой, бабушке знаменитого поэта, а сама Екатерина была троюродной сестрой Михаила Юрьевича Лермонтова. Арсеньевы и Шан-Гиреи, жившие по соседству, постоянно общались между собой, детей воспитывали вместе. Впоследствии бабушка Михаила Юрьевича Е.А.Арсеньева в своем духовном завещании в 1845 году оставила ей значительную сумму, употребив при этом «внуке моей Екатерине Павловне Шан-Гирей»[4].

Екатерина Павловна после смерти своей матери в 1845 году была отвезена в столицу и взята во дворец. Об этом мы узнали из дела «О помещении дочери отставного майора Шангирей девицы Екатерины в число живущих во Дворце с фрейлинами», которое датировано 11 и 12 июня 1845 года[5]. Судя по найденным документам, она была фрейлиной «вне штата», т.е. жила в Таврическом дворце, пользовалась квартирой и экипажами наряду с другими фрейлинами, а также получала столовые деньги.

В начале 1860-х годов к ней посватался нижегородский дворянин, губернский секретарь В.П.Веселовский (1834–1911), и она ответила согласием. Владимир Павлович был очень интересным человеком. Он виртуозно играл на виолончели, любил стихи, сам сочинял и публиковал свои произведения. Веселовский по матери происходил из дворян Демидовых и приходился родным внуком основоположнику нижегородской ветви рода Демидовых[6]. Поселились моложены на хуторе Веселовских Пиган (Пигон), что располагался в Васильсурском (Васильском) уезде Нижегородской губернии. В 1864 году у них родилась дочь Екатерина[7].

Екатерина Павловна была удивительной во многих отношениях женщиной. Сохранилось несколько ее портретов.

Но, кроме этих портретов существуют и словесные описания того, каким она была человеком. Приведем в этой статье воспоминания жены и дочери двоюродного брата ее мужа – Платона Александровича Демидова: Ольги Владимировны и Ольги Платоновны Демидовых.

В мемуарах О.В.Демидовой (урожд. Даль) есть такие строки, относящиеся к концу 1860-х годов и посвященные Е.П.Веселовской: «Жена Володи Екатерина Павловна была премилая особа, а на родственных съездах ей просто цены не было. Немного старинного светского воспитания из высшего общества... ...В самом тесном кругу, при большинстве сборищ она никогда себе не позволяла просидеть весь вечер с кем-нибудь по выбору, как делали это многие из нас грешных. Со всякими она была любезна: за обедом, перекидывалась иногда словами с примолкнувшей молодежью, втягивала в общий разговор...»[8].

---

[1] Мещерский А.В. Воспоминания Александра Васильевича Мещерского. – М.: Книга по требованию, 2023. 206 с. С. 153.

[2] Труггве Г. Нижнетагильский горнозаводской округ Демидовых на Урале и его владельцы в первой половине XIX века // Демидовы в России и в Италии. – М.: Изд-кий центр «Концепт-Медиа», 2013. С. 234–245. С. 238.

[3] Вяземский Петр. Старая записная книжка. Часть третья (X том собрания сочинений, составляющий книжки 15–32 за 1853–1878 годы) – URL: http://az.lib.ru/w/wjazemskij_p_a/text_0080.shtml (дата обращения 27.08.2024).

[4] Пакшина Н.А. Шан-Гиреи на Нижегородской земле // Вопросы исторического и экологического регионоведения: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции в 2-х томах, Том 1.– М.: Эдитус. 2024. С. 156–164., С. 162.

[5] РГИА. Ф. 469. Оп. 5. Д. 3519. ЛЛ. 1, 1 об.

[6] Пакшина Н.А. Штрихи к портрету Екатерины Павловны Веселовской // Память рода. 2023. № 3–4 (59–60). С. 4.

[7] Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 639. Оп. 125. Д. 7261. ЛЛ. 4–5.

[8] ОР РНБ. Ф. 1141. Оп. 1. Д. 400. Л. 38 об.

Екатерина Павловна Веселовская (урожд. Шан-Гирей)

По воспоминаниям О.П.Демидовой (в замуж. Вейсс), относящимся уже к 1880-м годам, Екатерина Павловна была старше мужа, с годами пополнела, и ее ярко выраженный восточный тип выделял ее из окружающих женщин, «но старинное воспитание, манеры, обходительность и приветливость со всеми, умение найти интересную тему для разговора и интересно его поддержать, делали ее ande dame нашего уезда. Думала она всегда по-французски и говорила по-французски везде, где могла; правильному русскому языку не научилась до конца дней»[1].

Описания того, как Е.П.Веселовская могла организовать вечера, на которых собирались многочисленные родственники Демидовых, удивительно похоже на то, как это делала С.Н.Карамзина, встречая гостей в своем литературном салоне.

Итак, мы рассмотрели истории шести бывших придворных дам. Мы не представили полных биографий, а привели только отдельные эпизоды и детали, характеризующие этих женщин. Увидели, что некоторые из них проявили себя как талантливые мемуаристки, другие как благотворительницы и как хорошие организаторы литературных салонов, частных вечеров и встреч. Для всего перечисленного, безусловно, необходимы определенные природные задатки, соответствующее семейное воспитание, но жизнь и служба при дворе и знание этикета сыграли свою немаловажную роль, позволив развиться потенциальным способностям и привить необходимые навыки, привычки и манеры.

Возможно, кому-то из читателей показалось, в тексте слишком много цитат. Да, действительно использовались большие фрагменты воспоминаний современников наших героинь. Поскольку автор сама не жила в веке XIX и не является романистом или приверженцем альтернативной истории (иногда этот жанр называют исторической фантастикой), пришлось обратиться к свидетельствам участников описываемых событий, к знакомым и родственникам этих дам. И сделано это было исключительно из желания описать все более достоверно.

[1] Демидова (в первом браке Вейс) Ольга Платоновна. Воспоминания [Рукопись]: главы I–VIII, X–XV / Демидова (в первом браке Вейс), Ольга Платоновна, внучка В.И.Даля. – [Б. м.], 1922. – URL: https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01010824236?page=96&rotate=0&theme=white (дата обращения: 26.03.2023).

ДРАКОН СМЕЕТСЯ

Александр БОЛЬНЫХ

**Член Союза писателей России с 1993 года.
Лауреат литературной премии им. Александра Беляева.
Родился 1 февраля 1954 года в Таллине.
Живет в г. Екатеринбурге.**

Фото из архива автора

Аксель мрачно разглядывал двухэтажные корпуса туристического лагеря. Ничего хорошего для себя он от этого семинара не ожидал, хотя учителя рассказывали о нем, как о чем-то совершенно фантастическом. Школа «Zukunft heute» была примечательна не только своим названием, но и тем, что занятия в ней вели приглашенные преподаватели из Геттингена, Бонна, Берлина. Поэтому предпочтение отдавалось тем, кто хоть в какой-то степени владел языком Гёте и Шиллера. Парень фыркнул, вспомнив беседу у директора гимназии. Лично он стихам предпочитал работы Пола Дейтела и Нейла Смита, пусть его называли за это бесчувственным сухарем.

Вообще эта затея у него вызывала сильнейшие сомнения. Не видел он среди ребят своего семинара единомышленников и настоящих специалистов. Нет, было бы глупо отрицать, что некоторые представления о программинге они имели, но вот в том-то и дело, что «некоторые». В основном они прикатили сюда, чтобы приятно провести две недели, оторвавшись от школьной рутины, потусить, пообщаться с симпатичными девчонками. А что, на литературном семинаре есть очень даже красивые. Парни пересекались с ними только в столовой, но руководство обещало дискотеку на выходных, где можно будет от души оттянуться. А пока еще только четверг.

Аксель раздраженно фыркнул, ругая себя за проявленную слабость. Не следовало поддаваться на уговоры. Это не семинар, а чистая потеря времени, Макс ведь его предупреждал, как в воду глядел. Похоже, он раньше что-то слышал об этой школе. Конечно, пока еще время не поджимает, но и лишнего тоже нет. Они с Максом ввязались в конкурс «Андроид девелопер Челлендж», так что отступать просто стыдно. Понятно, на успех они не особо рассчитывали, куда двум парням против профессиональных команд, но ведь помечтать-то можно? И вообще, лучше жалеть о том, что сделано, чем о том, что не рискнул сделать. В конце концов, хотя бы подтянет хохдойч с преподавателями, а то здесь у половины он на уровне «Дас ист айн компуутер». Не знают даже, когда следует ставить «айн», когда «дер». Даром что ли герр Штроменгер на каждом занятии кривится, словно его лимоном накормили. Аксель даже хихикнул, от переизбытка витамина Ц еще никому не поплохело, здоровее будет.

Кстати, о здоровье, что-то он размечтался, пора наматывать круги, ведь завтрак через сорок минут, а еще сполоснуться нужно будет. Он резко выдохнул и стартовал по маршруту, который нарисовал себе еще вчера. Вокруг корпусов, финишировать на спортплощадке, там небольшая разминка – и день, считай, начался. Скорость не требуется, неспешный, размеренный бег, почти что волчий шаг, только для того, чтобы прогреть мышцы и привести их в тонус.

Нет, Аксель не спортсмен и не качок, он охотно не стал бы этим заниматься. Как ни странно, повлияла одна книжка, которую год назад подсунул Макс, фэн до мозга костей. Не стоит путать фэнов с придурковатыми футбольным фанатами, фэн это любитель фантастики, как говорится, всякой и разной. Как он ухитряется совмещать фантастику с изучением и практикой «Андроида» – тай-

на великая есть. Но совмещает и очень даже успешно.

Книжечка ничего, занимательная оказалась, хотя вспомнить сейчас подробности он не сумеет ни за какие коврижки. Однако кое-чем она зацепила. Макс потом объяснил, что это стандартный сюжетный ход, который авторы просто обожают повторять из раза в раз: главный герой попадает в самого себя ребенка, в возрасте этак лет десять-двенадцать. После этого, умудренный опытом прожитых лет, начинает спасать все прогрессивное человечество или, как минимум, кроить и перекраивать собственную судьбу, исправляя действительные и мнимые ошибки.

Исправлять пока что Акселю нечего, по молодости лет не успел наошибаться, но вот одну здравую идею он из этой книги вынес. Разве обязательно разменять седьмой десяток лет, чтобы понять, как полезно было в молодости заниматься физкультурой для поддержания тонуса и здоровья? Не спорт, которым ты сам себя к тридцати в развалину превратишь, а нечто пограничное. Заметно больше утренней зарядки, но много меньше ежедневного марафона, это и в шестнадцать можно начать. Попробовал и, знаете, ведь понравилось, втянулся. Конечно, позволяет себе под плохое настроение пропустить пару дней, но не чаще раза в месяц. Так сказать, завис комп, мы его перезагрузили и пашем дальше.

Пробежка двадцать минут, это километра три, отдышаться и турник. Вот здесь можно побольше. Пятнадцать раз? Не смешите, год занятий – и двадцать влегкую. Потрясти руками, расслабиться, затем отжимания, благо скамеечка рядом. Потом коронка – качать пресс. Кстати, вон какие-то лица в окнах мелькают, девчонки что ли? Принимают за дурачка? Так это их проблемы. Оп-па, а времени почти и не осталось, в душ галопом!

За завтраком Аксель сосредоточенно вспоминал последнюю главу из талмуда Марка Мэрфи, в которой пытался разобраться вчера вечером. Вообще-то просто чудовищная книга, больше четырех тысяч страниц, нужно лишь отсортировать то, что тебе не потребуется. Аксель вздыхал, но платил за все учебники из собственного невеликого заработка. Нужно ведь, куда денешься? Благо электронный вариант хорошо весит в метрах, но не в килограммах. Страшно представить такую книгу в бумаге. Задумавшийся парень не обратил внимания на сдержанное хихиканье за соседним столом, где сидели девчонки, пока сосед не пихнул его локтем.

– Тебя ведь обсуждают.

Аксель непонимающе уставился на него, Толик, с которым они жили в одной комнате, повторил:

– Тебе косточки моют. Засветился ты во время своих занятий.

– Да не спортсмен я, – досадливо поморщился Аксель. – Просто привык, вот и занимаюсь понемногу.

– Ну-ну...

Аксель лишь поморщился, торопливо проглотил чай и вылетел из столовой, хотя спиной ощутил чей-то любопытный взгляд. Не пристальный, никто не пытался его просверлить глазами насквозь, но явно заинтересованный. Это ерунда, нужно успеть еще раз перелистать главу Мэрфи по дебаггингу, хотя Вальтер этого не задавал.

Вальтер? Ах, да, Доктор дер Натурвиссеншафтен Вальтер Штроменгер. Он позволил себя называть по имени после недолгой беседы в первый же день, тем более, что герр доктор был неприлично молод, всего двадцать семь. Вальтер даже намекал, что вполне вероятно, на летние каникулы пришлет приглашение на стажировку в свой университет. Какой? А не надо быть слишком любопытными!

Дискотеки Акселя не слишком привлекали, на школьные он ходил, можно сказать, по обязанности. Нерационально отрываться от коллектива, будут считать тебя никчемным ботаном, и это создает лишние проблемы. Танцевал... Если это можно назвать танцами, прыгай в толпе со всеми, стараясь попасть в ритм и не оттоптать ноги никому, особенно девушкам, а то ведь стыда не оберешься. Удовольствие сомнительное. Медленные танцы были приятнее, тем более, что девушки никогда не отказывались от приглашения, да и его не обходили приглашениями, если объявлялся белый танец. Некая прелесть в медленном была, только Аксель твердо придерживался правила: не светиться, где живешь, ведь можно и дотанцеваться. Девчонки были не слишком довольны, но старались этого не показать слишком явно. Свои проблемы он предпочитал решать помимо школы.

В полутемном зале по потолку метались разноцветные пятна лазерных лучей и зайчики от большого зеркального шара, медленно вращающегося где-то вверху. Немного удивило, что рядом с дверями не стояли учителя, но Аксель резонно предположил, что университетским преподавателям совершенно безразлично, как именно развлекаются чужие гимназисты. Он едва заметно скривился. Все как всегда. Народ судорожно дергается, искренне считая, что танцует. Ну да ладно.

К нему подскочил Толик.

– Почему опаздываешь?

– А зачем спешить? Скушно, господа, скушно.

Приятель покачал головой.

– Слушай, а ты вообще веселиться умеешь? Или это нерационально. – Насмешка была совершенно откровенной, и Аксель сжал губы, чтобы не ответить. – Ты вообще человек или кто?

– Человек, и ты прекрасно это знаешь.

– Не уверен. Точнее, что ты человек я знаю, но иногда возникает подозрение, что ты отсчитываешь девятый десяток, и тебя уже ничто в этой жизни не интересует. Ну и черт с тобой, – неожиданно сорвался Толик и растворился в полутьме и суете.

Разозлившийся Аксель отошел к стене. Понятно, он не собирался торчать здесь столбом, но приятель откровенно выбил его из колеи, требовалось немного успокоиться. А потом можно будет и размяться слегка.

Кажется, он что-то пропустил, потому что зазвучала медленная

музыка, и к нему устремилась толпа девчонок. Нет, конечно, не толпа, но где-то около десятка. Он даже поежился слегка, вспомнив «тебя ведь обсуждают». Первой успела высокая темноволосая девушка, которая достаточно крепко схватила его за руку и немного бесцеремонно выдернула на середину зала.

– Потанцуем? – весело улыбнувшись, поинтересовалась она, но так, что Аксель сразу понял – отказа не примут.

– У меня есть выбор? – немного вымученно улыбнулся он в ответ.

– Полагаю, есть, но это будет очень некрасиво.

– Нельзя не согласиться.

– Светило программирования, оказывается, может выражаться вполне изящно, – хитро прищурилась она.

Пары медленно кружились, причем многие нежно ворковали о чем-то. Кое-кто из парней явно смущался, что было заметно по их закаменевшим лицам, однако большинство вело себя совершенно свободно, и дистанция между партнерами фактически отсутствовала. Аксель себе такого не позволял, но держаться на целомудренном расстоянии тоже не собирался. Он был чуть выше нее, и если бы рискнул чуть притянуть девушку к себе, то ткнулся бы носом между бровей. Похоже, она поняла, что он чувствует, и чуть улыбнулась, и взяла инициативу в свои руки, поведя его в танце, чему Аксель, откровенно признаться, был рад.

– А ведь мы незнакомы, – неожиданно спохватился он.

– И когда это волновало мальчиков? – невинно поинтересовалась она.

Аксель слегка покраснел, но уверенно ответил:

– Позвольте представиться: Аксель.

– Как церемонно. А попроще нельзя? Впрочем, как я сказала, ваше имя на слуху. А меня зовут Лена. Я здесь на литературном семинаре.

В какой-то момент Аксель почувствовал, что на них заинтересованно поглядывают, и нетрудно было догадаться, что такое внимание привлекает вовсе не он. Впрочем, это его не слишком обеспокоило, пусть завидуют. На лицах некоторых парней это читалось довольно ясно. Да, он танцует с красивой девушкой, и что? Хотя неприятно резанул взгляд высокого блондина – снисходительно-насмешливый, с каплей презрения, словно парень знал что-то такое, о чем Аксель не догадывался. И никакой зависти, самое странное.

Они продолжали кружиться, и Лена переложила свои руки с его плеч на шею, чуть притянув парня к себе. Акселя словно током ударило, он дернулся и перехватил изумленный взгляд девушки.

– Что-то случилось?

– Нет, ничего, – кое-как выдавил он, глядя прямо в ее бездонные глаза, которые теперь были совсем рядом.

Ему вдруг страшно захотелось поцеловать Лену, однако он сдержался. Похоже, девушка все прекрасно поняла, потому что еле заметно улыбнулась и чуть отстранилась, совсем чуть-чуть. Только от этого парня затрясло еще сильнее.

С облаков его спустил сильный тычок в бок. Аксель вскинулся – рядом стоял Толик и широко ухмылялся.

– Ты что, не заметил, что танец кончился? А вы все стоите, обжимаетесь.

– Ничего не обжимаемся, – смущенно пробормотал Аксель.

– Действительно, не сочиняй, – неожиданно подхватила Лена, и потянула Акселя за рукав. – Идем, постоим пока спокойно, поговорим.

Аксель послушно пошел за ней, провожаемый двусмысленной ухмылкой приятеля. Лена уверенно вышла из зала, глянула через плечо на парня и выскочила из здания клуба, коротко бросив: «Тут слишком жарко». Аксель не стал спорить, тем более, что вдыхать прохладный ночной воздух было приятно после душноватого зала. Сначала он немного растерялся, посмотрел ей вслед неуверенно, но потом догнал и взял за руку.

Лена едва заметно вздрогнула, но руку отнимать не стала. Более того, она сама увлекла его следом за собой на боковую дорожку, петляющую среди кустов. Остановились, и Аксель обхватил девушку за талию, почувствовав, как его встряхнуло, словно от удара тока. Это было непонятно, непривычно и неправильно. Лена мягко, но решительно высвободилась и, чуть прищурившись, насмешливо поинтересовалась:

– И что дальше?

Аксель растерялся, в конце концов, это ведь она привела его сюда, поэтому он лишь невнятно промычал что-то, покраснел и умолк. Однако неловкое молчание не затянулось, потому что девушка вдруг спросила:

– Это тебе преподы обещают грант на обучение в Германии?

– Это только сплетни, – промямлил он.

– И все равно, я тебе завидую, – качнула головой она. – Это так интересно.

– Но ведь и ты можешь, – он замялся. – Я слышал краем уха, что твою работу хвалят.

– Ерунда, – отмахнулась Лена. – Видишь ли, между нами огромная разница, целая пропасть. Кому там нужен новый анализ «Тристана и Изольды»? Свои не знают куда деть.

– А это кто такие? – осторожно поинтересовался Аксель.

– Так ты не знаешь? – Она широко раскрытыми глазами уставилась на парня. – Я-то думала ты из «Гугла» не вылазишь.

– И что, мне делать нечего, кроме как тристанов каких-то искать? Время попусту тратить, – оскорбился он.

– Дурачок, – усмехнулась она. – Ты все-таки найди, почитай. На немецком, кстати, ты ведь его знаешь отлично, не так ли?

Аксель угрюмо кивнул.

– В мир надзвездный рвется сердце! Здесь мой Тристан! – процитировала она.

Аксель снова покраснел, когда она вдруг притянула его к себе. Лена была чуть ниже, и он вдохнул свежий запах ее шелковистых волос. А девушка коротко поцеловала его в губы, потом резко оттолкнула и убежала, обронив только:

– Не провожай.

Аксель остался стоять на месте и ощущал себя полным дураком.

Что-то в происшедшем ему казалось странным, лишним, нерациональным. Но поискать в «Гугле» этих самых Тристана и Изольду все-таки придется. Не любил он чувствовать себя неграмотным папуасом. Найдет, выяснит и, скорее всего, забудет. Ненужную информацию ведь положено стирать, не так ли?

Аксель мрачно смотрел на лежащую перед ним папку и никак не мог решить, что же ему делать. С одной стороны, это всего лишь распечатка файла, копию можно сделать за пару минут, не слишком долгая работа. С другой стороны, на титуле стоят все нужные подписи и печати, вот их уже никак не скопировать. Нет, конечно можно отсканить в цвете и распечатать, воспроизведя все автографы и печати, но Вальтер говорил, что далеко не везде принимают копии, присланные по факсу, или сканы, обязательно предъявить оригинал. Но даже оригинал можно восстановить, хотя непонятно, сколько это времени займет, особенно если учесть, что фрау Рехель придется каким-то образом разыскивать в Германии. И дернул же его черт подобрать забытую на подоконнике папку. Столько головной боли буквально на ровном месте получил! Нет, все-таки надо вернуть. В конце концов, смотаться в Вана Валькириелинн совершенно не проблема, два часа туда, два часа обратно – можно обернуться за один день. Даже родителей предупреждать не потребуется. Деньги? Вроде отец недавно подбросил немного, должно хватить. Правда, Макс будет шипеть, договорились с ним на это воскресенье посидеть, почистить баги, но перебьется. Нельзя человека так подставлять, если помочь можно, совершенно не затрудняясь. Хотя Аксель не признался бы даже самому себе, что его не остановят и более серьезные трудности.

Он ведь все-таки нашел в Интернете информацию по «Тристану и Изольде». Сказочка и сказочка, да еще изложенная тяжеловесным старым языком. Правда, когда он скачал увертюру оперы, то получил тяжелый шок. Аксель не мог представить себе такой сплав духовного и человеческого. Это невозможно! Разум отказывался верить, но слух убеждал, что это реально. Оставалось признать, что действительно «Тристан и Изольда» это величайший гимн земной страсти. Ничего подобного пошлому решению проблем, известных всем парням. О вечная ночь, сладкая ночь! Зато Маргит всерьез обиделась, когда он отказался встретиться и рассказать, что там было на семинаре.

Правда, когда он рано утром попытался по возможности незаметно выбраться из квартиры, чтобы успеть на первый поезд, его перехватил позевывающий отец. Кисло поинтересовался, куда это собралось любимое чадо в такую рань, а, услышав, долго с сомнением разглядывал парня. Аксель даже покраснел слегка, хотя вроде бы причин не было. Потом отец махнул рукой, зевнул, проворчал, чтобы кое-кто успел вернуться сегодня же, и отправился досыпать. Но Акселю показалось, что он что-то для себя решил. И тут парень покраснел второй раз.

Он вывалился из вагона, сладко позевывая, удалось перехватить немного подремать, поэтому Аксель чувствовал себя отлично. Интересно, чему он так обрадовался? Бросил взгляд на часы. До встречи еще оставалось достаточно времени, поэтому он решил прогуляться пешком, благо было недалеко и даже если бы он поехал на трамвае, то выиграл бы максимум минут десять. Пешком можно было пересечь Старый Город напрямик, а трамвай объезжал его по большому кругу, после чего все равно пришлось бы идти до Ратушной площади. Вчера в «Фейсбуке» они договорились с Леной встретиться в небольшом кафе неподалеку от ратуши. Задрав голову, он полюбовался на высокую башню Ланге Герхард, и на мгновение показалось, что башня ему подмигивает.

Маршрут был давно и прекрасно известен, нужно подняться к замку Домбергет, там выходишь на Длинную и по этой улице шагаешь до самой Ратушной площади. Любоваться на красоты средневековой архитектуры Аксель не собирался, их хватало и в родном городе, начиная с университета, основанного еще в XVII веке. Старый Город Вана Валькириелинна он тоже знал более чем неплохо, потому что не раз бывал здесь. Было у их компании такое развлечение – на выходных смотаться сюда, посидеть в кафешках под крепостной стеной. Поэтому график сегодняшней поездки был отработан до мелочей еще несколько лет назад.

Он лениво брел по тротуару, без интереса поглядывая по сторонам. Но вдруг что-то словно укололо, и Аксель замер на полушаге. Магазин «Ars magica gemmae» он тоже отлично знал, здесь можно было сравнительно недорого купить изящный подарок, благо, деньги у него имелись, причем не только те, что подкидывал отец. Да, он помог сыну устроиться подрабатывать системщиком в пару фирм, слишком мелких, чтобы позволить себе роскошь держать такого специалиста в штате. Необременительно, не слишком денежно, но много ли требуется парню в семнадцать лет? В результате довольны были все.

Какая-то непонятная сила подтащила его к дверям, колокольчик слабо звякнул, когда Аксель вошел в темное помещение, почему-то совершенно пустое.

– Чем обязаны, молодой человек? – неожиданно прозвучало за спиной.

Он резко обернулся и едва не врезался головой в высокого худого старика в безукоризненном костюме и ослепительно белой рубашке, перечеркнутой бордовым галстуком. Желтоватое лицо украшали тонкие седоватые усы и изящная эспаньолка. Вот только глубоко запавшие глаза никак не удавалось рассмотреть, словно вместо них были только черные впадины глазниц.

Старик чуть улыбнулся, глядя прямо в глаза Акселю, но от этой улыбки по спине прополз неприятный холодок. Вот бывает же такое. И вообще от старика веяло какой-то смутной угрозой. Вроде бы милый джентльмен давно минувших имперских времен, тихий и безобидный, но кого же он напоминает?

– Вы хотели что-нибудь купить? – ласково поинтересовался старик. – Николас Люгенфюрст к вашим услугам, все, что только в наших силах мы сделаем. Помнится, вы уже у нас бывали, что желаете на сей раз?

И снова Аксель ощутил дуновение ледяного ветра, от которого его едва не затрясло. Странная фамилия, и ведь старик наверняка знает, как она переводится. Он уже хотел было выскочить из магазина, но понял, что против собственной воли отвечает:

– Да, хотел приобрести небольшой... сувенир, – слово «подарок» как-то не выговорилось.

В темных провалах мигнули красноватые отсветы, но старик продолжал улыбаться.

– Понятно. Я посоветовал бы вам перстень с хризолитом. Он вам подойдет. Как сувенир.

На что он намекает?!

– Но это дорого, – неуверенно промямлил Аксель.

– Отнюдь. Это всего лишь серебро, извольте глянуть. Серебро и американские хризолиты. Скромно, но со вкусом и вполне вам по средствам. Тем более, что хризолит ваш камень.

– Почему?

– Это ведь камень драконов, если вы знаете.

– Неужели? – Аксель откровенно рассмеялся. – Китайский гороскоп по греческому Зодиаку с помощью римского календаря, разумеется, самая что ни на есть верная примета.

– Разве я хоть слово сказал о гороскопе? – картинно приподнял правую бровь Люгенфюрст, и глаза снова опасно блеснули красным. – Я сказал, что хризолит – это камень драконов.

– Но я-то не дракон, – принужденно рассмеялся парень.

– Как знать, – неопределенно пожал плечами старик. – Часто мы не знаем сами себя. К тому же в нашем городе часто вспоминают не только валькирий, но и драконов. Нидхёгг, Офнир, Тролюаль, Фафнир... Много их, разве вы не видели трех драконов ратуши? Хотя кое-кто утверждает, что это три головы одного дракона.

Аксель только руками развел, ему эти имена ни о чем не говорили, это не цикл или инкапсуляция. Но вот ратушу он помнил отлично.

– Видел, и что из того? – осторожно спросил он.

– Тогда вы просто обязаны знать связанную с ними легенду.

Парню пришлось сознаться в своем невежестве. Не знал он этой легенды. Впрочем, остальных легенд Вана Валькириелинна он тоже не знал.

– Грустно, – вздохнул старик. – Очень даже грустно, что молодежь до такой степени не интересуется историей города.

– Это не мой город, – огрызнулся Аксель.

– Это извиняет ваше невежество, – кивнул старик. – Но не будем тратить время. Я могу предложить вам также сувениры с лазуритом, есть несколько изящных кулонов ручной работы. Не сомневаюсь, что вам они тоже подойдут. Да что я говорю, такой кулон вам просто необходим. Ведь лазурит считается камнем искренности, помогает изменить жизнь к лучшему, приносит счастье в любви.

Аксель почувствовал, как у него запылали уши, судорожно сглотнул и хрипло спросил:

– Наверное, очень дорого?

– Ничуть, посмотрите, выберете, что понравится.

Буквально ниоткуда в руках старика появился небольшой кожаный футляр. Он раскрыл его, и Аксель увидел серебряные с чернью подвески с ярко-синими камнями. Немного поколебавшись, он выбрал одну, взглянул на ярлычок с ценой и изумленно уставился на старика.

– В чем дело? – не понял Люгенфюрст. – Это же не платина с бриллиантами.

– Беру, – кивнул парень. – Только добавьте к кулону цепочку.

– Любой каприз за ваши деньги, – приторно улыбнулся старик. – А вот насчет драконов вы расспросите будущего владельца... сувенира.

Из магазина Аксель вылетел пробкой, не желая больше там задерживаться. Почему-то он почувствовал себя нехорошо, словно сердце сдавило. Это в его-то возрасте?!

На Ратушной площади он специально остановился, чтобы рассмотреть драконов во всех подробностях. Собственно, какие это драконы? Просто фигурные водостоки, выполненные в виде драконьих голов. Три головы, трехглавый дракон? Две крайние венчали вызолоченные короны с пятью шариками на зубцах, а среднюю – корона с какими-то фигурными листьями. Ну не спец он в ботанике, никак не спец. Ясно только, что не клен и не каштан. И почему-то ему померещилось, что не только он разглядывает головы, но и те пристально и недобро следят за ним, в глазах крайних мелькали зеленые искорки, а глаза средней светились злобным красным светом. Что за чертовщина? Парень помотал головой, и неприятное ощущение пропало.

Снова посмотрел на часы и решил, что самое время отправиться в кафе. Конечно, девушка опоздает, как же иначе, но парень просто обязан явиться заранее. Аксель скептически посмотрел на цветочниц, уже расположившихся по периметру площади, поколебался немного и решил, что покупать цветы не стоит. У них ведь не свидание, а почти деловая встреча, нужно вернуть забытые документы. Подарок купил? Ну, это как извинение, ведь Лена наверняка потом звонила в лагерь, просила найти бумаги, а он их уволок, никому не сообщив. Значит, виноват, нужно извиняться.

Он расположился за крепко сколоченным столом из некрашеного дерева и заказал привычный в Старом Городе десерт – взбитые сливки с шоколадом. Некрасиво просто сидеть за столиком, даже если ожидаешь кого-то, тем более, что подождать придется где-то полчаса. Ну любит он сладкое, к тому же в их городе так делать не умеют, не получается почему-то. И, дожидаясь, начал перелистывать реферат.

Неожиданно для себя, Аксель заинтересовался. Тристан и Изольда. В Интернет он сходил, просветился, но, разумеется, даже в голову не приходило вникать и разбираться. А тут детальный, подробный анализ, и ведь оказы-

вается, что история увлекательная. Чего там только не намешано! Любовь и ненависть, предательство, жестокость, тоска и надежда. Он однажды уже перелистал реферат, потому заинтересовался и прочитал внимательно. Сейчас вот снова листал, стараясь запомнить. Ему в голову впервые пришло, что Кретьен де Труа и Гартман фон Ауэ достойны внимания, как и Дейтел и Мэрфи. Может, он сам себя в чем-то обкрадывает, отказываясь от таких книг? Понятно, что их место второе, но ведь не пятое же. Макс, конечно, время от времени подбрасывает ему кое-что почитать, но фантастика почему-то не цепляет.

– Даже не замечает, – произнесли с упреком.

Аксель дернулся, вскочил, едва не опрокинув стул, папка с рефератом слетела со стола, однако он успел подхватить ее, хотя при этом больно ударился коленом о массивную ножку стола. Лена весело рассмеялась, глядя на его растерянную физиономию.

– Успокойся.

– Прошу прощения за свою неловкость. Рад, что ты согласилась принять приглашение.

– Это ничего не означает, – ее лицо построжело.

– Как скажешь, – покорно согласился он.

– Ты привез?

– Конечно, – Аксель хлопнул рукой по папке, которая снова покоилась на столе. – Иначе зачем бы я тебя вызывал.

– Ну мало ли, – лукаво прищурилась Лена, едва не вогнав парня в краску.

Однако тут очень кстати подошла официантка и поинтересовалась, чего желают молодые люди. Молодые люди пожелали всякого и разного, правда Лена, чуть прищурившись, посмотрела на Акселя, когда тот перечислял пункты меню. Когда официантка отошла, она с неприятной усмешкой сказала:

– Это ведь дорого, не гамбургер какой-нибудь с колой. Или ты мне предложишь доплатить?

Парень постарался подавить внезапно вспыхнувшее раздражение, он совершенно не ожидал

такого пассажа, но сумел выдавить улыбку, пусть даже немного кривую.

– Не волнуйся. Я, знаешь ли, подрабатываю, у меня есть свои деньги. – И сорвался: – Даже у родителей нет нужды просить.

– Как знаешь.

Когда заказ появился на столе, сразу выяснилось, что кухня этого кафе вполне соответствует рекламе, поэтому мороженое исчезло моментально, да и сливки не задержались. Кофе тоже оказался отменным, и настроение немного исправилось.

– Как бы это сказать... – замялся он. – Тут еще один вопрос нарисовался, только совершенно неожиданный. Насколько я понял по твоему реферату, ты хорошо знаешь средневековую мифологию.

– Д-да, – растерялась девушка.

– Тогда, может, расскажешь, что связано с драконами ратуши? А то меня тут упрекнули в незнании истории. Хотя, какая там история, так, сказочка наверняка.

– Но ведь «Тристан и Изольда» тоже сказочка, не более того.

Аксель лишь беспомощно пожал плечами.

– Ладно, – она накрыла ладонью его руку, и парня снова тряхнуло. – Не сердись.

– Так что насчет драконов? – жалобно пролепетал он.

Лена лукаво прищурилась.

– Вообще-то это не самая веселая легенда. Видишь ли, любой дракон это великий нежелатель добра человеку, хитрый и коварный. Дракон никогда не лжет, однако никогда не говорит всей правды. Умолчание зачастую страшнее лжи. Так вот, рассказывают, что если очень постараться, то можно поговорить с одной из трех голов дракона, только избави бог смотреть ей в глаза. Заворожит, внушит то, что нужно ему, и это обязательно принесет тебе несчастье. Самая сильная и самая злая – это центральная, в герцогской короне, хотя правая и левая не лучше, они просто слабее. Самое же плохое, если дракон рассмеется над тобой, тогда жди беды, быстрой и неминучей, он чует, он знает. Но ведь ты человек рациональный, поэтому не веришь в такую ерунду, не так ли?

– Не верю, – помотал головой Аксель.

– Ладно, спасибо тебе, что привез работу, – Лена упруго поднялась, подхватила папку и на прощание мазнула его губами по щеке. – Не провожай.

Бедняга даже не успел сказать, что они могли бы посидеть еще немного. Когда Аксель вышел на площадь, то увидел, что левая голова дракона злобно скалится. Нет, беззвучно хохочет. И он явственно ощутил смрадное дыхание злобного чудовища. Господи, так ведь и кафе называется «Дракоон»!

– Врешь! – неожиданно для самого себя он погрозил кулаком зеленому чудовищу. – Врешь!

Но лишь после этого вспомнил, что так и не отдал девушке кулон. Дракон оказался прав.

Домой он вернулся с последним автобусом, уже поздно вечером, вымотанный до предела и злой на самого себя. Вот почему он поступил так, как поступил? Точнее, не поступил так, как намеревался? Встревоженная мать заглянула в комнату и спросила было, что случилось, и почему сын сидит без света, тупо пялясь в черное окно, однако Аксель раздраженно бросил, чтобы его оставили в покое.

Потом долго думал, чтобы такое сделать. В голову пришла шальная мысль, на первый взгляд сумасшедшая, зато на второй показавшаяся разумное. Аксель еще немного поколебался, но все-таки бросил на страничку «Фейсбука» слегка отфотошопленную фотографию цветущего терновника. Белые цветы на колючих ветвях – ему показалось, что это некий символ. Чья страничка? Догадайтесь сами с трех раз.

На следующий вечер он увидел несколько не самых умных комментариев, а еще через день картинку убрали. Однако чего ему было не занимать, так это методичности и настойчивости, он восстановил картинку, усмехаясь про себя. Ведь если вспомнить поэму, то окажется, что терновник вырубали трижды, а здесь пока стерли лишь один раз. Однако тут же Акселю пришла в голову неприятная мысль: он начал вести себя совершенно неразумно и нерационально. Зачем ему это дурачество? Неужели потянуло поиграть в Тристана? Поэтому, когда терновник был стерт второй раз, он лишь усмехнулся и позвонил Маргит и договорился о встрече в субботу после занятий. Правда, встреча принесла только упреки и взаимную обиду и потому закончилась совсем не так, как он рассчитывал.

Раздраженный Аксель наутро рванул на вокзал и отправился в Вана Валькириелинн, совершенно не понимая, зачем он это делает. Оказавшись на Ратушной площади, он злобно уставился прямо в глаза левой голове дракона, однако та равнодушно и надменно смотрела куда-то в небо, над головами людей, снующих на внизу. Не было дракону никакого дела до этой суеты.

Аксель прошел по Лемштрассе к знаменитым городским воротам и задумался. Что делать дальше? Часы ненавязчиво намекали, что в воскресенье в такую рань людей беспокоить не следует, поэтому он рассеянно побрел, куда глаза глядят. Как вскоре выяснилось, глаза глядели в сторону бульвара, академического театра и дальше. Дальше почему-то оказалась улица Келлерхюгель, но вы же понимаете, что это совершенная случайность.

Часы на экране смартфона показали, что он слоняется по улицам уже больше часа, поэтому, собравшись с духом, Аксель набрал нужный номер.

– Слушаю, – сонно, с зевком ответили ему. – Кому не спится в такую рань?

– Какая рань, даже обиделся он. – Уже одиннадцатый час.

– Это ты?! – изумилась Лена. – Какого черта?!

– Ну я это, думал… – смешался он.

– Ничего ты не думал! И вообще, я сплю.

– Но я думал, может мы снова…

– Что «снова»?!

– Встретимся.

Она от неожиданности даже икнула.

– Так ты приехал?

– Да.

– Ну и дурак. Зря ты так делаешь. У меня на сегодня свои планы, нужно было, минимум, вчера позвонить, договориться. А то приперся ни свет, ни заря, непонятно зачем. Нет уж, думай получше в следующий раз!

Соединение было сброшено. Аксель с сомнением посмотрел на экран, подумав, не набрать ли ее номер еще раз, но решил, что это будет откровенно глупо. Плюнул и пошел к автовокзалу. На этот раз он вернулся домой днем, но еще более злой.

Впрочем, злости у Акселя хватило только до вторника, потому что, вернувшись из гимназии, он снова нырнул в «Фейсбук» и, тихо злорадствуя, украсил ту же самую страничку еще более роскошным кустом терновника, положив у корней терновый же венец. Прозрачный намек был понят, и тут же посыпались вопросы, изрядно испортившие Акселю настроение, потому что три четверти их принадлежали парням.

«Ты что себе позволяешь?» – прочитал он на экране.

«Ничего».

«Врешь. Кто у нас гений программирования?!»

«Не доказано».

«Все равно, прекрати».

«Почему я?»

Вместо ответа Лена вышла оффлайн.

Вот и поговорили, называется, Аксель мрачно уставился на погасший монитор. А в воскресенье снова почему-то оказался на вокзале. Ну не виноват же он, что утром в Вана Валькириелинн удобнее ехать именно на поезде. Единственным результатом поездки было то, что с ним снова отказались встретиться, назвали сумасшедшим и порекомендовали найти хорошего психиатра.

Вдобавок вечером его ждало неприятное объяснение с Максом, который клокотал, как перекипевший чайник, и орал, что один дурак своими руками губит перспективный проект, уже вышедший на финишную прямую. Аксель согласился, что поступает нерационально, но поклялся, что ближайшие два дня исправит недоделки, даже если придется работать круглые сутки. И ведь действительно пришлось ужать сон до трех часов, в гимназии Аксель сидел с чугунной головой и постоянно клевал носом, вызывая неодобрительные взгляды учителей. Он в который раз убедился, что следует думать только о деле и не давать волю… эмоциям. Аксель даже пообещал себе, что больше не будет нарушать график.

Но когда в среду третий раз восстановил на стене той же страницы терновый куст, его не стерли. И это было гораздо важнее.

А потом была еще одна поездка, и еще одна. По воскресеньям он упрямо и бессмысленно мотался в Вана Валькириелинн, ни на что не

надеясь, ничего не ожидая. Правда, теперь он не рисковал показываться на Ратушной площади, чтобы не встречаться с проклятым чудовищем. Его очередной звонок сбрасывали, и Аксель никак не мог понять, почему его до сих пор не занесли в черный список. Он прекрасно понимал, что поступает предельно глупо, и все-таки ничего не мог с собой поделать, его тянуло сюда словно магнитом.

Маргит, с которой он случайно столкнулся в парке возле памятника фон Бэру, когда шел на дополнительные занятия в университет, просто с размаха хлестнула его по щеке и сказала, что он неблагодарная скотина. Аксель только понурился, ничего не говоря. Она добавила, чтобы больше он даже не думал ей звонить, между ними все кончено. Аксель равнодушно кивнул, соглашаясь. Действительно, не стоит пытаться оживить то, что умерло. Это нерационально. И в воскресенье он снова очутился на Келлерхюгель. Просто стоял и смотрел на окна, не пытаясь достать смартфон.

Поэтому, когда раздалась мелодия вызова, он откровенно растерялся, начал судорожно хвататься за карман и непроизвольно нажал сброс. Выхватив смартфон, он растерянно уставился на экран, номер были ему слишком хорошо знаком. Аксель нерешительно ткнул на «Вызов», и к его невероятному изумлению Лена ответила.

– Опять ты? Почему сразу не ответил?

– Случайно нажал, что не следует. Растерялся.

– Не может быть, – хмыкнула она. – Ходячий компьютер растерялся. Сегодня случится что-то ужасное.

– Не случится, – огрызнулся он.

– Ладно, не сердись. Как я вижу, ты опять здесь. Не надоело еще?

– Нет, – мрачно буркнул он.

– Подожди, я сейчас выйду. Нам определенно нужно поговорить.

Лена действительно не заставила себя ждать долго. Когда она вышла из подъезда, Аксель дернулся через дорогу ей навстречу, но едва не попал под пролетающую мимо «Тойоту». Обошлось, лишь водитель зло погрозил кулаком в окно, но останавливаться не стал. Видимо, очень спешил.

– Совсем спятил? – деликатно поинтересовалась девушка, когда он благополучно пересек улицу.

Аксель молча кивнул. Лена, чуть наклонив голову, осмотрела его с головы до ног и кивнула каким-то собственным мыслям. Потом решительно подхватила под руку и сказала:

– Идем. Разговаривать здесь будет неудобно.

У парня сердце замерло, а потом застучало вдвое чаще. Она. Сама. Пригласила. Растянув резиновые губы, он выдавил:

– Куда пойдем? Опять в кафе?

– Нет, – она покачала головой. – Лучше прогуляемся до Катериненталя, благо, погода позволяет.

Как они дошли до парка. Аксель не помнил, ему вообще казалось, что они плывут над землей. Глупость, конечно, но мало ли что может привидеться солнечным весенним днем? И еще ему почему-то казалось, что прогулка будет радостной, недаром ведь он так и не выложил коробочку с кулоном из кармана куртки. Вот подходящий случай сделать подарок.

Молодая зелень знаменитых каштанов еле слышно шуршала, когда долетали порывы ветра с моря, и от этого Акселю почему-то хотелось смеяться. Однако он не смел, почему-то потерял дар речи.

– Так и будешь молчать? – спросила Лена.

– А-а... Э-э...

– Конкретно, ничего не скажешь.

– Но ведь это ты захотела встретиться и переговорить, – наконец нашелся Аксель. – Вот я и жду.

– Решительный, волевой мужчина, – подколола она.

– Роковая женщина, – невольно вылетело у него.

– Вау, – не на шутку изумилась она. – Наш «Интел инсайд», оказывается, умеет шутить. Вот уж от кого никак не ожидала.

– Почему? – спросил он, прижимая ее руку к себе поплотнее.

Однако Лена неожиданно нахмурилась и, несмотря на сопротивление парня, высвободила руку, и даже сделала шаг в сторону. Всего один шаг, но Акселю померещилось, что между ними разверзлась бездонная пропасть.

– Не надо, – строго и смущенно произнесла она.

– Почему? Ведь там, на семинаре...

– Это было там, на семинаре, а не здесь и сейчас. – Она едва заметно улыбнулась. – Ты был такой смешной, серьезный до предела, не видел и не слышал ничего, кроме профессоров. Вот мне и захотелось тебя немного растормошить. Получилось?

– Получилось, – кивнул он. – Только ты не подумала, что будет дальше.

– Дальше? – она приподняла бровки. – А дальше не могло быть ничего. Математик, ты ведь прекрасно понимаешь, что из ничего ничего не следует. – Она пристально посмотрела на Акселя. – Неужели ты воспринял это всерьез?

Парень промолчал.

– И ты действительно вообразил себя Тристаном? Аксель, успокойся, ты хороший парень, симпатичный, умный, и у тебя все будет нормально. Только вот я не твоя Изольда, не придумывай себе чувства там, где их не может быть. Ты каждую неделю ездишь сюда из другого города, это... Это я не знаю, как сказать, только... Не нужно. И вообще должна тебе сказать, что у меня есть парень.

Аксель, плотно сжав губы, посмотрел ей прямо в глаза. Она с минуту смотрела прямо на него, потом слабо улыбнулась.

– Знаешь, у тебя очень интересные глаза, желто-зеленые, с зелеными искорками.

– Как у кота? – мрачно поинтересовался Аксель.

– Нет, как у дракона. Есть в них что-то колдовское, посмотришь девушке в глаза пристально, и она пойдет за тобой, забыв все на свете.

– Пока наоборот, – тяжело вздохнул он.

– Если я в этом виновата, прости меня, – тоже вздохнула Лена.

– Только не стоит больше ездить сюда, это бесполезно.

– Не буду, – покорно согласился он. – Вот, возьми, маленький подарок на память, – он достал коробочку с кулоном и протянул ей.

Лена взяла ее, открыла, посмотрела недолго, потом закрыла и протянула обратно парню.

– Не могу, да и не нужно это. Если мы расходимся, то расходимся, и не стоит цепляться за что-то.

Она прикусила нижнюю губу, подалась к Акселю, и он решил было, что девушка собирается его поцеловать. Но нет, Лена только еще раз пристально посмотрела ему в глаза и чуть толкнула в грудь.

– Прощай.

Как он попал на Ратушную площадь, Аксель не помнил, совершенно не понимал, зачем пошел сюда. Он провалился в ту самую пропасть, бездну между бредом и явью. Его захлестнула волна отчаяния, какой-то горький комок подкатил к горлу. На мгновение ему захотелось, чтобы все это закончилось здесь и сейчас, но кольнуло сомнение: а будет ли это рационально? У него еще остались дела. Надо посмотреть в глаза проклятому дракону, который все это подстроил, поговорить с обманщиком Люгенфюрстом.

И действительно, правая голова дракона злорадно скалилась, глядя на него, разевала пасть в беззвучном хохоте. Беззвучном для всех, но у него в ушах он отдавался болезненным грохотом.

– Подавись, сволочь! – крикнул парень, швырнув прямо в эту морду коробочку с кулоном.

Дракон поперхнулся и умолк.

Убирать картинку с терновником из «Фейсбука» он не стал, если кому-то понадобится, сам уберет. И вообще это больше его не касается, он даже не стал проверять, что там творится. Жизнь снова втянулась в привычное русло, гимназия, работа, Макс и их общая программа, которую они поспешно дошлифовывали. Только Маргит он звонить не стал, хотя был такой соблазн.

А через три недели он с железобетонной последовательностью в воскресенье утром снова поехал в Вана Валькириелинн. Только на этот раз он стоял далеко от дома. Зачем приехал? Сам не смог бы ответить. Сколько простоял, тупо глядя на равнодушные окна? Не интересовался.

Потом Аксель медленно пошел к автовокзалу, лениво поглядывая по сторонам. Но вдруг кто-то легко хлопнул его по плечу. Он дернулся и резко обернулся, инстинктивно сжимая кулаки. Однако стоявший перед ним высокий блондин примирительно поднял ладони и дружелюбно улыбнулся.

– Мир.

Аксель с трудом вспомнил, что именно его на семинаре он видел несколько раз рядом с Леной. Блондин добродушно усмехнулся.

– Вижу, вы меня вспомнили, хотя мы не были официально представлены.

– Совершенно верно, – кисло ответил Аксель.

– Ну, это легко исправить, тем более, что нам есть, о чем побеседовать, а разговаривать о тонких материях с незнакомым человеком как-то неловко, согласитесь.

Слышал бы кто это выспренную речь! Блондин сделал приглашающий жест в сторону уличного столика небольшого кафе на привокзальной площади.

– Это, разумеется, не «Альте Фестунгсмауэр», но, как говорится за неимением.

Едва они приземлились, как немедленно рядом возник официант. Аксель едва не скрипнул зубами, похоже, официант нутром почуял в блондине что-то особенное.

– Два капуччино, – не оборачиваясь, через плечо бросил блондин, и официант послушно испарился.

– Да, простите, – блондин встал и церемонно склонил голову. – Марк. Полагаю, фамилия пока совершенно не важна. А вы, если я правильно помню, Аксель.

– Совершенно верно, – напряженно ответил Аксель, подавив желание тоже встать.

– Отлично, – уселся Марк, демонстративно оценивающе оглядев Акселя.

Аксель посмотрел ему прямо в глаза и невольно стиснул кулаки, радуясь, что под столом этого не видно.

– Я думаю, ты хотел поговорить об одном человеке? – с трудом выдавил он, потому что слова буквально царапали горло.

Марк снова улыбнулся, только на этот раз улыбка получилась немного натянутой.

– Ты прямо телепат, только я в эту чушь не верю. А вот в том, что ты очень умный человек, я только что убедился. Мои поздравления. Комплименты герра Штроменгер вполне заслуженны.

Аксель, насупившись, молчал, хотя внутри все сжалось. Неприятное чувство подступающей опасности, от которой невозможно скрыться или сбежать. Марк помедлил, но не дождался ответа и продолжил.

– Полагаю, мы можем сэкономить массу времени и не ходить кругами вокруг да около. Тем более, что твой автобус, – он пренебрежительно дернул уголком рта, – отходит буквально через двадцать минут. Однако этого нам хватит с запасом.

Он замолчал, потому что появился официант и поставил чашки на стол, потом выжидательно посмотрел на Марка, но тот молча мотнул головой, и официант неслышно исчез. Марк попробовал кофе и довольно кивнул.

– Неплохо.

– Что тебе нужно? – спросил Аксель, не притрагиваясь к чашке.

– Неправильный вопрос, – серые глаза Марка заледенели. – Это что тебе нужно от Лены? Мы с ней знакомы очень давно и встречаемся... Короче, встречаемся. Но тут вдруг возникаешь ты, и мне это сильно не нравится. Тем более, что в ваших встречах есть что-то мелодраматическое. Тебе ведь приходится каждый раз мотаться в Вана Валькириелинн, дело не слишком затратное, но утомительное, даже если бы у тебя была тачка. А так втрое тяжелее. Я прав?

– И что из этого следует?

– Совсем немного. Тебе следует прекратить эти бессмысленные поездки.

– Зачем ты мне это говоришь? Я уважаю твою искреннюю прямолинейность, но не кажется ли

тебе, что этот вопрос должен решать другой человек? – мрачно спросил Аксель.

Марк откинулся на спинку стула и покачал головой.

– Разумеется. Но видишь ли, имеется одно маленькое препятствие. Своей настырностью ты мешаешь Лене принять правильное решение. Вот я и прошу тебя просто отойти в сторону. Как говорится, исчезнуть по-английски, не прощаясь. Понимаю, в эпоху Интернета тебя будут постоянно мучить соблазны, но ты ведь человек очень умный, поэтому я не сомневаюсь, что твое решение будет правильным. Ты напрасно дежуришь под окнами, глупо это.

– Ты там меня и выследил?

Марк молча пожал плечами. Аксель чуть склонил голову в сторону и пристально посмотрел на собеседника.

– А, может, нам решить этот вопрос по-мужски?

Марк картинно приподнял правую бровь.

– Клянусь богом, это вызов, как сказал кто-то из классиков. Неужели ты действительно считаешь, что такой вопрос можно решить с помощью вульгарного мордобоя? Аксель, ты упал в моих глазах! Мы ведь не конкретные пацаны, вылезшие с зачуханного хутора, чтобы драться из-за доярки. Не унижайся сам и не унижай меня. При всем желании у нас не получится устроить благородную дуэль.

– Ты прав, – кивнул Аксель, – только это кривоватая правда.

– Ничуть. Видишь ли, не обижайся, но ты рубишь дерево не по себе. Да, согласен, ты можешь сводить девушку в кафе, но что еще? Лена девушка капризная и с... некоторыми запросами. Да, согласен, она увлеклась тобой, ты можешь произвести впечатление. Умен, опрятен... Эти твои поездки. Только всего этого может хватить на месяц-другой. А дальше что?

Аксель согласно покивал.

– Ах, да, я ведь не мажор.

– Увы, – кивнул в ответ Марк. – Но знаешь, у тебя не совсем верное впечатление о них. Если у родителей есть деньги, это совсем не означает, что ребенок будет обдолбанным наркотой козлом, не вылезающим из кабаков. Да, согласен, таких хватает. Но не все такие, какие претензии к той же Лене? Она ведь действительно серьезный знаток творчества миннезингеров, и ей прочат большое будущее.

– Так она?..

Марк искренне расхохотался.

– Ну и скрытница! Так ты не знаешь, что ее родителям принадлежит половина домов на Келлерхюгель? Бедняга. Она учится в «Эдинбурге», а знаешь, сколько стоит год обучения в этой гимназии? Вижу, девочка и об этом умолчала.

Аксель скрипнул зубами, так как удар был слишком сильным. Он-то надеялся... Почему-то считал, что девушка там просто живет. Марк сочувственно кивнул.

– Не переживай, не ты первый попался на ее уловку. Любит притвориться этакой бесприданницей. Понимаю, ты в своем кругу не считаешь деньги, тебе вполне хватает. Только ведь не считать деньги можно по-разному. Можно не считать деньги в кафе, даже таком, как «Альте Фестунгсмауэр». А можно не считать деньги в магазине «Версаче». И еще можно не считать деньги в фирменном салоне «Феррари». Видишь ли, это очень растяжимое понятие.

Аксель вдруг увидел прямо перед собой центральную драконью голову в короне о семи зубцах. Главная! Ее глаза сверкали пронзительным красным огнем, а зубастая пасть злорадно скалилась. Дракон смеется!

– Нет, – выдавил он.

Марк тяжело вздохнул.

– Крепко же тебя ударило. Я ведь на семинаре немного проследил за тобой. Ты в действительности холодный и расчетливый человек, ничего не делающий, не просчитав заранее возможные последствия. И вдруг такое непонятное упрямство. Пойми, ты просто минутное увлечение, Лена импульсивна и капризна. Совсем не уверен, что ты сможешь терпеть это долго.

– А ты, значит, можешь.

– Могу, – холодно произнес Марк, дернув щекой. – Проверено временем. К тому же, она девушка умная, знает, где и что можно себе позволить.

– А ты циничен.

– Нет, я просто трезв и расчетлив. Как и ты. Только знаешь, талантливых программистов много, а вот Билл Гейтс один. Нужно уметь считать не только на компе.

– Слишком много слов, – внезапно озлился Аксель. – Но сводится все к одному: кто-то должен уйти. Только почему этот кто-то именно я, а не ты? Может, пусть решает Лена.

– Ничего ты не понял, – вздохнул Марк. – Я предлагаю тебе подумать еще раз, дома, спокойно, без ненужных эмоций. И учти, ведь герр Штроменгер может и передумать, а твоего «не считать» явно не хватит оплатить немецкий университет.

Он встал, жестом подозвал официанта, расплатился и стремительно ушел. Аксель посмотрел на часы, и тоже вскочил, ему следовало поторопиться. Судя по тому, что официант даже не обернулся в его сторону, Марк заплатил за них обоих. Настроение было препоганым.

Как ни странно, эта встреча разбудила чувство, совершенно неведомое ранее – злобную решимость. Это было нерационально, однако Аксель решил не отступать, и в следующий выходной снова отправился в Вана Валькириелинн. Не найдется такой человек, который сможет его запугать! И дело вовсе не в девушке, вставшей между ними. Точнее, не только в ней, потому что Аксель так и не разобрался толком в своем отношении к ней. Вроде бы да, но вроде бы и не совсем да. Короче, сам черт ногу сломит.

Парень так и не понял, как его занесло в «Ars magica gemmae». Ну не собирался он сюда, никак не собирался снова посещать этот магазин, хватило первого раза, а желание объясниться с Люгенфюрстом за прошедшее время как-то улетучилось само собой. Похоже, ноги без участия головы решили, куда ему следует идти, а руки сами толкнули дверь, злорадно звякнувшую колокольчиком. Войдя, парень остановился и

растерянно закрутил головой, так как глаза не сразу приспособились к полумраку после яркого солнечного света на улице.

– Вот вы и снова пришли, – прозвучал знакомый голос.

Аксель наконец-то проморгался и увидел стоящего прямо перед ним Люгенфюрста. Старик еле заметно улыбался, но в глазах его изредка мелькали хищные красные искры. Парень невольно помотал головой, пытаясь показать, что это чистая случайность, и он буквально через минуту уйдет отсюда. Но проклятые ноги отказались повиноваться приказу. Или он приказал так, чтобы приказ не был исполнен?

– Судя по вашему мрачному виду, лазурит оказался слишком слаб и не смог подействовать на... нужного вам человека.

Аксель угрюмо кивнул, попрежнему не говоря ни слова.

– Вообще-то странно, вы ведь по знаку гороскопа дракон, причем металлический дракон, то есть мужчина с очень сильной волей.

– Дракон, – скривился Аксель.

– Да, именно дракон. Ведь вы родились в двухтысячном году? – Парню оставалось лишь снова кивнуть. – Понимаю, – сочувственно вздохнул старик. – Похоже, у вас возникло некое непонимание с драконом ратуши. Но вы сами должны знать, что дракон не терпит никаких соперников рядом с собой. Вот поэтому дракон и сделал то, что сделал.

– Но что ему до судеб человеческих?

– А вы помните, что сказала вам девушка? Дракон есть нежелатель добра людям.

– Откуда вы знаете?! – вскинулся Аксель.

– Не задавайте неприятных вопросов, не получите уклончивых ответов, – приятно улыбнулся старик. – Вы ведь тоже дракон. Постарайтесь-ка вспомнить, когда вы в последний раз пожелали хоть кому-нибудь добра?

Аксель раскрыл было рот, но поперхнулся и не ответил. И действительно, когда? Зла он точно не желал ни разу ни одному человеку. А как насчет добра?

– Вот видишь?

– И что же мне делать?

– А это вы сами должны определиться, прежде всего, следует решить, чего вы желаете добиться, к чему стремитесь. Только после этого следует выбирать средства. Впрочем, кое-что я могу сделать для вас.

Старик сделал неопределенный жест левой рукой, и на ладони возникла маленькая черная коробочка, которая открылась сама собой. На красном бархате лежала массивная мужская печатка с зеленоватым камнем. Золотая.

– Развести лоха, – неожиданно огрызнулся Аксель.

– Вот видите, – ничуть не обиделся старик, – это в вас дракон заговорил. Истинный дракон.

– Я не дракон, – заупрямился парень. – Я человек.

– И ничто человеческое тебе не чуждо, – согласно кивнул старик. – Но это может пройти.

Аксель вскинулся, сверкнув глазами.

– То есть я перестану быть человеком? Как в фильме? «Дракон умер, да здравствует дракон!»

– Примерно так.

– Не смешно.

– Потому и чистая правда. Ну так что, посмотришь кольцо?

– И заплатишь за него, – зло добавил Аксель.

– Видишь ли, мальчик, – неожиданно жестко произнес Люгенфюрст, – лазурит мог помочь, если бы имелось чувство, которое требовалось усилить. А оно было? Самому себе не стоит лгать, ни к чему хорошему это не приведет.

Аксель промолчал, но почувствовал, как у него покраснели уши. Действительно, навоображал себе невесть чего, и сам же потом обиделся.

– Можно подумать, что этот камень как-то поможет. Да и не по карману мне изумруды покупать.

– Ну что ты, – покачал головой старик. – Разве я предложу столь молодому человеку дорогую вещь? Да, этот камень иногда называют вечерним изумрудом, хотя к истинному смарагду он не имеет решительно никакого отношения. Хризолит помогает умягчить характер дракона, делает его мудрее и терпимее, удерживает от необдуманных поступков. Надлежит носить кольцо на среднем пальце левой руки.

– Сколько раз повторять: никакой я не дракон. Не гуляют драконы среди людей.

– Как сказать... Мне кажется, что кое-кто уже так называл тебя, – неопределенно пожал плечами старик, и Аксель невольно покраснел. – Но твой знак все равно металлический дракон, хочешь ты того или нет, и хризолит поможет тебе.

– В золоте, – ядовито вставил Аксель.

– Я же не виноват, что именно золото усиливает свойства камня, – меланхолически произнес старик. – К тому же, раз это не изумруд, печатка просто не может стоить очень дорого.

Аксель заколебался. Это было нерационально, в сказки он не верил, однако от кольца исходило явственно ощутимое тепло. Он нерешительно протянул руку, примерил кольцо, и вдруг понял, что не хочет его снимать. Действительно, а что если оно все-таки поможет ему?! Медленно, точно завороженный, он достал кредитку и приложил к услужливо подставленному сканеру. Тот озадаченно звякнул и мигнул красным огоньком. Кольцо стоило слишком дорого. Однако парень, плохо соображая, что делает, достал смартфон и набрал разрешение на овердрафт, не задумываясь, где брать деньги. Хорошо, что ему на счет перечисляли заработки, иначе плохо бы пришлось. На родительские подачки овердрафт не покрыть, а так выкрутимся, хотя на подобную авантюру он решился впервые.

Рассудком, голым и прагматичным, он искренне считал, что старик лжет и все его слова лишь липкая паутина, в которую он стремится затянуть глупого покупателя, чтобы выкачать еще одну энную сумму. Аксель привык верить лишь в то, что можно пощупать, увидеть, лучше всего рассчитать. Тогда можно будет оценить грозящую тебе опасность...

Почему ему на ум вдруг пришло слово «опасность»? Может, потому что от багровых искр в

глазах старика веяло жутью и холодом? Сердце вдруг сжалось в крохотный комочек и беспомощно затрепыхалось в груди, кровь застучала в висках. Аксель скрипнул зубами, отгоняя прочь бесовское наваждение.

– Спасибо, – прохрипел он.

– Ну вот и отлично, – сладко улыбнулся Люгенфюрст. – Удачи вам... и ей.

Как Аксель оказался на Ратушной площади, он сказать не мог, не помнил. Только обратил внимание, что главная голова дракона недовольно нахмурилась, и глаза сверкнули красным. Нет, просто почудилось.

Когда он добрался до Келлерхюгель, пошел дождь. Не слишком сильный, но вполне достаточный, чтобы промокнуть насквозь. К счастью, капризная погода приучила быть наготове к подобным сюрпризам, и люди предпочитали брать непромокаемые ветровки, даже если с утра светило солнце. Нахохлившийся, как мокрый воробей, Аксель стоял на тротуаре и тоскливо смотрел на заливаемые водой окна. Это была несусветная, необъяснимая, нерациональная глупость, однако почему-то он не мог уйти, вот не мог, и все тут. Ждал чего? Нет, не ждал, просто стоял и стоял. И вообще говорят, что дождь это к счастью.

Отец подошел к окну и посмотрел на улицу, потом удивленно произнес:

– Смотри-ка все еще стоит.

– Кто? – без всякого интереса спросила мать, просто чтобы ответить.

– Какой-то ненормальный. Льет во всю, а он стоит и не уходит. Или псих, или решил, что он тюльпан и пытается подрасти. Но получается, что все равно псих. Я его еще утром видел, упрямый, однако.

– Кто их, нынешних, разберет, – вздохнула мать. – Ты свою дочь понимаешь?

Отец лихорадочно перекрестился.

– Избави бог.

– Кто там? – спросила, зевнув, Лена.

– Какой-то пацан, – пожал плечами отец.

– Знакомый? – скучно поинтересовалась девушка.

– У меня таких знакомых нет, разве что у тебя, – обиделся отец. – Посмотри, может и узнаешь.

Лена еще раз от души зевнула, потянулась – воскресенье все-таки, спешить некуда и незачем. Не спеша подошла к окну, приклонилась к отцовскому плечу. Она никогда не призналась бы даже сама себе, но любила стоять именно так, почему-то чувствовала себя в такие моменты гораздо уверенней. Еще лучше было бы, если бы отец обнял ее за плечи, и он словно угадал мысли дочери, приобняв и слегка прижав к себе. Лена счастливо зажмурилась.

– Нет-нет, ты смотри, – усмехнулся отец.

– Не знаю, – Лена пожала плечами. – Да и видно слишком плохо, а под капюшоном и вообще угадать невозможно. Все совершенно одинаковые.

– Точно не тот, который столько раз дежурил под нашими окнами? – невинно спросила мать. – Такой упорный мальчик.

– Скажешь тоже, – вспыхнула Лена.

– А что, твой отец тоже таким был.

– Скажешь тоже, – автоматически повторил отец, густо покраснев.

– Было, было, – улыбнулась мать.

А этот, который упрямо мок под дождем, вдруг повернулся, и Лене показалось, что она видит знакомые глаза, в которых блестят зеленые искры. Нет, показалось, с восьмого этажа такое увидеть просто невозможно. Или все-таки? И сердце вдруг заколотилось, точно бешеное.

– Я схожу, – тихо пробормотала она.

– Сходи, сходи, – не стала спорить мать. – Если это все-таки он, пригласи хотя бы обсушиться.

– Переживет, – вспыхнула девушка, но побежала в прихожую, напрочь забыв, что она в пижаме.

Накинула какую-то куртку, кажется вообще мамину, наспех сунула ноги в босоножки, забыв, что они совершенно не подходят для такой погоды, и помчалась вниз по лестнице, лифт ждать было некогда. Ведь нужно поскорее объяснить ему, что все это на-прас-но. Ничего не было и не будет, пусть хоть до скончания веков мокнет здесь.

Монотонный сырой шелест дождя накатил на нее, едва она открыла дверь подъезда. Где этот дурачок? Вон, стоит на той стороне улицы возле съезда в подземную парковку. Почему-то Лена сразу поверила, что это именно ходячий компьютер, хотя после такого поступка ему точно требовалась переустановка системы. Сошел с ума, однозначно.

Она бросилась было через дорогу, но Аксель сделал это первым.

– Подожди! – крикнул он.

Только бы ни какая машина сейчас не попалась! Но дождливое воскресное утро не располагало к поездкам, он перескочил дорогу спокойно. Парень подошел к ней, стоящей под козырьком у подъезда. Мокрый насквозь, никакая ветровка, трижды водоупорная, не спасет, если торчать под дождем несколько часов подряд.

– Дурак.

– Да.

– Сумасшедший!

– Да.

– Псих.

– Давно.

Она чуть не заплакала.

– Ну что ты творишь?

– Просто жду тебя.

– Зачем?

– Ты сама прекрасно знаешь.

– Нет, – замотала головой Лена.

Он обнял ее и притянул к себе. Лена посмотрела ему в глаза и увидела хоровод зеленых искр, который манил, гипнотизировал, уносил куда-то вдаль. Аксель чуть наклонился и крепко поцеловал ее, девушка, сама того не ожидая, ответила ему.

– И ты спрашиваешь зачем? – ласково улыбнулся парень.

Только они не видели, как коронованный дракон раскрыл все три пасти и рассмеялся: «Какая глупость эти ваши человеческие чувства!»

УХОДИЛИ УРАЛЬЦЫ В ПАРТИЗАНЫ

Игорь ЕРМАКОВ

Судья Свердловского областного суда в почетной отставке. Город Екатеринбург.

В 1980 году в журнале «Роман-газета» я прочитал произведение Дмитрия Гусарова «За чертой милосердия». Этот роман-хроника содержал захватывающее повествование о судьбе Первой партизанской бригады на Карельском фронте, совершившей под командованием И.А.Григорьева летом 1942 года глубокий рейд по территории, оккупированной финскими войсками.

В статье к этому роману советский писатель Сергей Залыгин высоко оценил достоинства произведения и указал, что автор романа также был партизаном. В августе 1942 года по призыву ЦК ВЛКСМ он добровольно в числе пятидесяти свердловских комсомольцев ушел на Карельский фронт в партизанский отряд. Это сообщение, как яркая искра, возбудило у меня желание установить судьбы этих комсомольцев-добровольцев. Однако реализовать желание оказалось непросто. На это ушли многие годы. Лишь в 2022 году я смог заявить, что процентов 90 сведений мне удалось разыскать, что позволяет мне создать историческое полотно событий.

Однако все по порядку.

Отсутствие публикаций и архивных материалов не позволяло мне добыть какие-либо сведения по этой проблеме. Тогда, в 1982 году, я решил обратиться непосредственно к Дмитрию Яковлевичу Гусарову, который в то время проживал в г. Петрозаводске. Отправил ему письмо с просьбой поделиться информацией. В феврале получил ответ, в котором Гусаров сообщил адрес бывшего партизана Пивоварова Бориса Ивановича. При личной встрече с Борисом Ивановичем получить от него какую-нибудь информацию не удалось. Борис Иванович объяснил, что ими давалась подписка о неразглашении сведений об их деятельности в годы войны. Нарушить это обязательство он не имел права.

Решил начать с изучения истории партизанского движения на оккупированной захватчиками территории СССР в годы войны. Партизанские отряды на территории Украины и Белоруссии формировались в основном из местных жителей. Иногда основу таких отрядов составляли бойцы Красной армии, выходившие из окружения. Партизанские отряды базировались на оккупированной территории.

Партизанское движение в Карелии имело свои особенности[1].

Карело-Финская ССР была образована в марте 1940 году после советско-финской войны. С начала Великой Отечественной войны финские войска вторглись на территорию республики, две трети ее оказались под оккупацией.

Историки отмечают, что основная масса населения оккупированных районов Карелии была эвакуирована при отходе Красной армии. На временно занятой противником территории осталось не более 50 тысяч человек (русских и представителей не финно-угорского народа). По приказу Маннергейма, главнокомандующего финской армии, для управления территорией 15 июля 1941 года было создано Военное управление Восточной Карелии. Местное финно-угорское население (около 36 тысяч) рассматривалось в качестве будущих граждан Великой Финляндии. Ему предоставлялись различные льготы и привилегии. Большинство оставшихся совет-

ских людей финские оккупанты объявили пленными и заключили в концентрационные лагеря или увезли на принудительные работы в Финляндию. Общая численность населения, заключенного в 14 концентрационных лагерях, составляла более 31 тысячи человек. В силу этих обстоятельств нельзя было рассчитывать на сколько-нибудь серьезное пополнение партизанских отрядов за счет местного населения, а также на поддержку с его стороны. В связи с этим карельские партизанские отряды вынуждены были базироваться на территориях, находящихся под контролем Красной армии, и осуществлять свои задачи путем глубоких рейдов за линию фронта в тыл немецко-финских войск с последующим выходом на свои базы.

Финляндия как союзник гитлеровской Германии напала на СССР 28 июня 1941 года. Пользуясь внезапностью нападения, немецко-финские войска быстро продвигались вглубь территории Карелии. Стратегический план был рассчитан на захват города Мурманска и Кировской железной дороги, связывающей незамерзающий Мурманский порт с центром нашей страны. Решением бюро ЦК КП(б) Карелии согласно директиве НКГБ № 168 от 2 июля 1941 года для формирования партизанских отрядов была создана тройка в составе секретаря ЦК КП(б) А.С.Варламова, заместителя председателя Совнаркома КФССР М.Я.Исакова и наркома госбезопасности М.И.Баскакова. Этой тройкой был сформирован руководящий состав 13 отрядов, которые первоначально создавались по территориальному принципу. Решением бюро ЦК Компартии Карелии 11 августа 1941 года был создан республиканский штаб партизанского движения. В результате совместных действий Карельского фронта и партизан планы захватчиков были сорваны.

За период 1941–1942 годов в ходе боевых операций партизанское движение в Карелии понесло большие потери. Поскольку восполнение потерь за счет местного населения было невозможно, главным источником пополнения партизанских отрядов стали людские ресурсы из других районов СССР.

В июне 1940 года первым секретарем ЦК ЛКСМ республики был назначен Юрий Владимирович Андропов (с 1982 по 1984 год Генеральный секретарь ЦК КПСС). Он непосредственно занимался мобилизацией молодежи для оказания помощи фронту, подбирал и готовил комсомольцев для направления в партизанские отряды, курировал партизанскую школу в Сегеже. За свою активную деятельность в организации партизанского движения в Карелии он был награжден орденом Красного Знамени, а 23 мая 1943 года он был представлен к медали «Партизану Отечественной войны» первой степени. В 1942 году Андропов обратился в ЦК ВЛКСМ с просьбой организовать набор по стране комсомольцев и направить их в Карелию для участия в партизанском движении. В результате этого призыва в Карелию были направлены молодые люди из Архангельска, Вологды, Иркутска, Красноярского края, Свердловска.

В архиве (Центре документации общественных организаций Свердловской области) мне повезло среди документов Свердловского Обкома ВЛКСМ найти телеграмму, списки комсомольцев[2].

Текст телеграммы: «г. Свердловск Москвы 5728 75 15 0225 ЦЕКАМОЛ ПРЕДЛАГАЕТ ОТОБРАТЬ НАПРАВИТЬ МОСКВУ 20 АВГУСТА 50 КОМСОМОЛЬЦЕВ ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД ОТБОР ПРОВОДИТЕ СТРОГО ИНДИВИДУАЛЬНО зпт ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО ДОБРОВОЛЬЦЕВ МУЖЧИН НЕ МОЛОЖЕ 18 ЛЕТ зпт ФИЗИЧЕСКИ ВЫНОСЛИВЫХ ПРИГОДНЫХ ВОЕННОЙ СЛУЖБЕ зпт ВЛАДЕЮЩИХ ВОЕННЫМИ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМИ зпт ИСТРЕБИТЕЛЕЙ ТАНКОВ зпт СВЯЗИСТОВ зпт ПУЛЕМЕТЧИКОВ зпт РАЗВЕДЧИКОВ ПОДРЫВНИКОВ зпт = 50 = СРЕДИ НИХ НЕОБХОДИМО ИМЕТЬ ТРЕХ РУКОВОДЯЩИХ КОМСОМОЛЬСКИХ РАБОТНИКОВ зпт ДВУХ МЕДСЕСТЕР тчк ОТРЯД ПОЛНОСТЬЮ ОБМУНДИРОВАТЬ зпт СНАБДИТЬ КОТЕЛКАМИ ВЕЩЕВЫМИ МЕШКАМИ ЛОЖКАМИ КОМПАСАМИ 2913 ЦЕКАМОЛ РОМАНОВА 5728 ПРДЛ ГРЕБЕНЩИКОВА 3 ж 4/ 05 нег 5728»

В райкомы комсомола в тот же день направлены запросы. Уже 21 августа 1942 года из города Ирбита прибыли три кандидата на отбор. В сопроводительном письме значилось: «Областному комитету ВЛКСМ. Одновременно с этим в Ваше распоряжение следует команда комсомольцев призывников в количестве 3-х человек, отобранных Ирбитским РК ВЛКСМ на укомплектование спецподразделений. Личные дела получил старший команды т. Гусаров Дмитрий Яковлевич для вручения в Ваш адрес. Приложение: список команды на одном листе».

Список этой команды: Гусаров Дмитрий Яковлевич, 1924 г., Лукиных Валентин Васильевич, 1924 г., Холманских Геннадий Иванович, 1924 г.[3].

Все прибывавшие в Свердловск комсомольцы проходили проверку на медицинской и мандатной комиссиях. Не все смогли пройти проверку. Был возвращен в Красноуральск Рукавишников Геннадий Пантелеевич ввиду того, что его отец в 1937 году был арестован органами НКВД. Отказано в зачислении Ментюкову Николаю Дмитриевичу, рабочему фабрики «Уралобувь». Причина – наличие наказания за прогул.

21 августа 1942 года заведующему областным торготделом направлено письмо, в котором обком ВЛКСМ просил выдать продукты на группу комсомольцев в количестве 50 человек на трое суток, едущих в г. Москву по специальному заданию (партизанские отряды).

И вот передо мной лежит список этих 50 комсомольцев – 48 парней и две девушки. Казалось, можно вздохнуть и приняться за поисковую работу по этому списку. Но в материалах архива был обнаружен еще один список, но уже на 47 человек. Документ был озаглавлен как «Отчеты делегатов о поездке на Калининский фронт. Списки комсомольцев Свердловской области, направленных по указанию ЦК ВЛКСМ в августе

1942 года в партизанские отряды Карелии». Назовем этот документ списком № 2[4].

Следует отметить, что вопрос о количестве направленных в Карелию комсомольцев в различных публикациях освещался поразному: указывалось 50 человек, среди которых одна девушка, либо 47 человек. В связи с этим необходимо исследовать оба списка и узнать судьбу каждого человека.

Список № 2.

1. Сергеев Май Николаевич, 1925 г. рождения, военрук в пионерском лагере, из Свердловска.

2. Гутыря Григорий Викторович, 1924 г. рождения, инспектор по хозчасти спецотдела НКВД , из Свердловска.

3. Боровых Александр Иванович, 1924 г. рождения, техник-осмотрщик ж/д путей, из Свердловска.

4. Ганин Михаил Васильевич, 1924 г. рождения, электромонтер мастерских ВИЗа, из Свердловска.

5. Горбушин Николай Андреевич, 1924 г. рождения, студент 2-го курса техникума, из Свердловска.

6. Алехин Николай Павлович, 1924 г. рождения, электросварщик завода № 612, из Свердловска.

7. Скопин Владимир Николаевич, 1924 г. рождения, токарь завода № 612, из Свердловска.

8. Власенко Юрий Геннадьевич, 1924 г. рождения, фрезеровщик завода № 726, из Свердловска.

9. Пьянков Иван Николаевич, 1924 г. рождения, рабочий склада № 8540 НКВД, из Свердловска.

10. Шангареев Магнави Захарович, 1924 г. рождения, грузчик товарного двора станции Свердловск.

11. Нечаев Вилл Николаевич, 1924 г. рождения, слесарь завода «Сталькан», из Свердловска.

12. Кинев Семен Васильевич, 1924 г. рождения, сцепщик на станции Свердловск.

13. Овсиенко Алексей Степанович, 1924 г. рождения, мастер ремесленного училища № 3, из Свердловска.

14. Медведев Тимофей Евлампиевич, 1924 г. рождения, взрывник «Уралвзрывпрома», из Свердловска.

15. Воробьев Василий Васильевич, 1924 г. рождения, револьверщик завода № 183, г. Нижний Тагил Свердловской области.

16. Пивоваров Борис Иванович, 1924 г. рождения, киномеханик кинотеатра в г. Камышлове Свердловской области.

17. Печенкин Виктор Дмитриевич, 1924 г. рождения, киномеханик кинотеатра в г. Камышлове Свердловской области.

18. Романенко Иван Андреевич, 1924 г. рождения, токарь коксохимического завода, г. Нижний Тагил Свердловской области.

19. Девятов Николай Михайлович, 1924 г. рождения, машинист холодильной установки базы «Гастроном», из Свердловска.

20. Першиков Владимир Васильевич, 1924 г. рождения, кочегар УПИ им. Кирова, из Свердловска.

21. Навроцкий Анатолий Васильевич, 1924 г. рождения, прокатчик на ВИЗе, из Свердловска.

22. Безверхий Иван Григорьевич, 1924 г. рождения, прокатчик на ВИЗе, из Свердловска.

23. Акулов Виктор Максимович, 1924 г. рождения, портной из артели в г. Камышлове Свердловской области.

24. Чурсин Михаил Афанасьевич, 1918 г. рождения, заправщик на ст. Егоршино Свердловской области.

25. Лыкохонь Григорий Трофимович, 1924 г. рождения, газовщик на коксохимическом заводе, г. Нижний Тагил Свердловской области.

26. Матвеев Дмитрий Владимирович, 1924 г. рождения, шамотчик коксохимического завода, г. Нижний Тагил Свердловской области.

27. Семерикова Елена Григорьевна, 1921 г. рождения, инспектор Свердловского городского комитета по физкультуре и спорту.

28. Чурилина Парасковья Ивановна, 1919 г. рождения, медсестра мединститута в г. Свердловске.

29. Воронцов Алексей Иосифович, 1924 г. рождения, учащийся ремесленного училища № 1 г. Свердловска.

30. Проскуров Александр Васильевич, 1924 г. рождения, слесарь коксохимического завода, г. Нижний Тагил Свердловской области.

31. Колодяжный Николай Иванович, 1924 г. рождения, слесарь завода № 381, г. Нижний Тагил Свердловской области.

32. Крушинский Бронислав Константинович, 1924 г. рождения, плотник на заводе в г. Ревде Свердловской области.

33. Холманских Геннадий Иванович, 1924 г. рождения, электромонтер на заводе автоприцепов в г. Ирбите Свердловской области.

34. Гусаров Дмитрий Яковлевич, 1924 г. рождения, слесарь на заводе автоприцепов в г. Ирбите Свердловской области.

35. Лукиных Валентин Васильевич, 1924 г. рождения, слесарь мотоциклетного завода в г. Ирбите Свердловской области.

36. Кондра Григорий Кириллович, 1924 г. рождения, слесарь Нижне-Сергинского завода Свердловской области.

37. Симанов Алексей Николаевич, 1924 г. рождения, слесарь Нижне-Сергинского завода Свердловской области.

38. Ковальчук Прокопий Иванович, 1918 г. рождения, стрелок войск НКВД, г. Туринск Свердловской области.

39. Ляпунов Николай Васильевич, 1916 г. рождения, стрелок войск НКВД, г. Туринск Свердловской области.

40. Андрианов Николай Иванович, 1924 г. рождения, слесарь завода № 72, г. Верхняя Тура Свердловской области.

41. Старов Михаил Николаевич, 1924 г. рождения, слесарь завода № 72, г. Верхняя Тура Свердловской области.

42. Волков Александр Иванович, 1924 г. рождения, слесарь завода № 72, г. Верхняя Тура Свердловской области.

43. Шульженко Петр Михайлович, 1924 г. рождения, контролер завода № 286, г. Каменск-Уральский Свердловской области.

44. Петухов Михаил Михайлович, 1922 г. рождения, контролер завода № 268, г. Каменск-Уральский Свердловской области.

45. Махов Константин Васильевич, 1923 г. рождения, электромонтажник Уральского алюминиевого завода, г. Каменск-Уральский Свердловской области.

46. Дьяченко Михаил Семенович, 1924 г. рождения, токарь ремесленного училища № 1, г. Свердловск.

47. Гордиенко Павел Устинович, 1924 г. рождения, рабочий Ревдинского завода Свердловской области.

Все включенные в список были членами ВЛКСМ, Семерикова Е.Г., кроме того, являлась кандидатом в члены ВКП(б). Большинство приехали на Урал в ходе эвакуации с оккупированных территорий. Никто из них, кроме Чурилиной П.И., не имел боевого опыта. Чурилина П.И. с 3 декабря 1941 года по 3 мая 1942 года служила в действующей армии медсестрой на санпоезде № 19, была ранена в ногу. После излечения изъявила желание снова пойти на фронт.

В указанный список не были включены фамилии трех человек: Фролова Петра Николаевича, комсомольца из Красноуральска, Гомона Николая Игнатьевича и Смирнова Владимира Ивановича из Свердловска. В первый список эти комсомольцы внесены, значатся они и в протоколе № 128 от 21 августа 1942 года заседания Бюро Свердловского Обкома ВЛКСМ «О командировке комсомольцев в г. Москву по вызову ЦК ВЛКСМ».

Из воспоминаний Гусарова Д.Я. установлено, что по прибытии в Карелию все комсомольцы были направлены в партизанскую школу в Сегеже, где их обучали военному делу. Предварительно с каждым проводилось собеседование. По его результатам бойца могли отчислить из школы.

В материалах архива удалось найти документ, составленный 6 сентября 1942 года в г. Петрозаводске и подписанный секретарем ЦК ЛКСМ КФССР Андроповым, об отправке в распоряжение Свердловского Обкома ВЛКСМ Фролова П.Н. Этот документ подтверждает воспоминания Гусарова Д.Я. Какие были причины для возврата Фролова – неизвестно.

Дальнейшие поиски позволили выяснить судьбу Фролова Петра Николаевича. Он был призван военкоматом г. Красноуральска Свердловской области в ряды РККА. В должности командира отделения боепитания гвардии сержант Фролов служил в 120-м гвардейском Краснознаменном стрелковом полку. В составе 39-й гвардейской стрелковой дивизии этот полк участвовал в боях за Сталинград, в освобождении Левобережной и Правобережной Украины, в Изюм-Барвенковской, Люблин-Брестской, Варшавско-Познанской и Берлинской наступательных операциях. Свой боевой путь 120-й полк закончил 9 мая 1945 года в Берлине. Фролов был дважды ранен, награжден орденом Красной Звезды и тремя медалями «За отвагу». После войны в 1985 году он награжден орденом Отечественной войны 2-й степени.

Также удалось выяснить судьбу Смирнова В.И. и Гомона Н.И. Оба в 1942 году призваны военкоматами г. Свердловска на службу. Гомон отслужил старшиной на флоте, Смирнов – рядовым красноармейцем в армии.

После боевой подготовки в партизанской школе в Сегеже и принятия присяги молодые бойцы были распределены по партизанским отрядам. В основном большая часть их попала служить во вновь созданный отряд «Мстители». С комсомольцами из Красноярска уральцы составили основное ядро отряда.

В отношении присяги сразу хочу сказать, что это не была воинская присяга, которую произносили молодые воины, вступавшие после курса молодого бойца в ряды Красной армии. Текст присяги был создан в декабре 1941 года комиссаром Первой партизанской бригады Н.П.Аристовым и предназначался для молодых партизан. Вот ее текст[5].

«Присяга партизана.

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Красных партизан, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным партизаном, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все приказы командиров и политических руководителей.

Я клянусь до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей Советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

Я готов как верный сын своей Родины с оружием в руках действовать во временно захваченных районах, создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников.

Я клянусь мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни, преследовать и уничтожать на каждом шагу чужеземных захватчиков и грабителей до полной победы над врагом.

Если же по злому умыслу я нарушу эту мою торжественную клятву, то пусть меня постигнет суровая кара Советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Следует отметить, что партизанский отряд «Мстители» на Карельском фронте был сформирован в декабре 1941 года в г. Пудоже и входил в состав Первой партизанской бригады под третьим номером. Название «Мстители» отряд получил в июне 1942 года. В ходе партизанского рейда бригады летом 1942 года все участники отряда погибли. Поэтому появление осенью 1942 года партизанского отряда с названием «Мстители» следует считать данью памяти погибшим товарищам.

Мне повезло найти список личного состава вновь созданного отряда «Мстители». Отряд состоял из трех взводов, каждый из которых, в свою очередь, состоял из трех отделений бойцов. Первый взвод назывался разведывательным, в каждое отделение которого входило семь человек.

Состав первого отделения разведвзвода: Ковальчук П.И., Боровых А.И., Пьянков И.Н., Горбушин Н.А., Алехин Н.П., Скопин В.Н. Командир отделения – Шахов А.А. из Красноярского края.

Состав второго отделения: Чурсин М.А. – командир отделения, Шангареев М.З., Нечаев В.Н., Кинев С.В., Овсиенко А.С., Медведев Т.Е., Воробьев В.В.

Состав третьего отделения: Пивоваров Б.И. – командир отделения, Печенкин В.Д., Романенко И.А., Ляпунов Н.В., Девятов Н.М., Першиков В.В., Навродский А.В.

В состав первого отделения второго взвода вошли Безверхий И.Г., Акулов В.М., Лыкохонь Г.Т., Матвеев Д.В., Воронцов В.И., Сергеев М.Н., Проскуров А.В., Колодяжный Н.И., Крушинский Б.К.

В состав второго отделения второго взвода вошли Холманских Г.И., Гусаров Д.Я., Лукиных В.В., Кондра Г.К., Симанов А.Н., Гутыря Г.В., Андрианов Н.И., Старов М.Н., Волков А.И.

Командиром третьего отделения второго взвода был назначен Ганин М.В. В состав отделения также вошли пять бойцов-уральцев: Шульженко П.М., Петухов М.М., Махов К.В., Дьяченко М.С., Гордиенко П.У.

Власенко Юрий Геннадьевич был назначен командиром третьего отделения третьего взвода[6].

Прибывшие из Свердловска в составе группы добровольцев девушки – Чурилина П.И. и Семерикова Е.Г. – были направлены санинструкторами в другие партизанские отряды: первая – в отряд «Боевые друзья», вторая – в отряд «Буревестник». Обе девушки дожили до Победы. Парасковья Ивановна Чурилина в январе 1943 года была отчислена из отряда по состоянию здоровья, а 6 ноября 1947 года была награждена медалью «За отвагу». Елена Григорьевна Семерикова 11 мая 1943 года была награждена медалью «Партизану Отечественной войны II степени», а 6 ноября 1985 года получила орден Отечественной войны первой степени[7].

Вместо Чурилиной П.И. и Семериковой Е.Г. в отряд «Мстители» была включена прибывшая в Карелию из г. Свердловска по путевке комсомола 19-летняя Ирина Анатольевна Благина.

Полученный мною вариант списка отряда «Мстители», как выяснилось, был не окончательным. В партизанский отряд «Боевые друзья» были переведены Гусаров Д.Я. и Матвееев Д.В., в отряд «Вперед» – Воробьев В.В.[8].

О судьбе Василия Васильевича Воробьева и Дмитрия Владимировича Матвеева известно мало. Первый, находясь в партизанском отряде «Вперед», 8 января 1943 года умер в эвакогоспитале от болезни и захоронен в братской могиле в г. Беломорске. Матвеев в отряде «Боевые друзья» служил при штабе связным, в ноябре 1943 года награжден медалью «Партизану Отечественной войны II степени».

Дмитрий Яковлевич Гусаров родился 4 октября 1924 года в селе Тулубьево Великолукского района Псковской области. В 1941 году семья эвакуировалась на Урал в г. Ирбит. Дмитрий после окончания девяти классов поступил на работу слесарем-сборщиком на Ирбитский завод автоприцепов. В августе 1942 года добровольцем ушел на фронт, и в группе комсомольцев отправлен на Карельский фронт. После окончания партизанской школы в г. Сегеже был направлен в партизанский отряд «Боевые друзья», где служил сначала рядовым разведчиком, затем командиром отделения разведвзвода. За два года войны неоднократно ходил в тыл противника, участвовал в двух длительных партизанских рейдах. В одном из таких походов в марте 1944 года, во время разгрома финского гарнизона в заонежской деревне Конда он был тяжело ранен, отправлен в госпиталь в г. Архангельске. После длительного лечения комиссован. Вернувшись в г. Ирбит, Дмитрий Яковлевич устроился слесарем на мотоциклетном заводе и одновременно закончил вечернюю школу рабочей молодежи. Затем он стал студентом филологического факультета Ленинградского государственного университета, после окончания в 1951 году переехал в Петрозаводск и поступил на работу в редакцию журнала «На рубеже» (с 1965 года – журнал «Север»). С 1954 по 1990 год был главным редактором журнала. За участие в Великой Отечественной войне был награжден тремя медалями «За оборону Советского Заполярья», «Партизану Отечественной войны II степени», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и орденом Отечественной войны I степени (11.03.1985 г.). Дмитрий Яковлевич – автор литературных произведений, в том числе романов «Боевой призыв», «Цена человеку», «За чертой милосердия». За активную общественную деятельность он был награжден орденами Ленина (1990 г.), Трудового Красного Знамени (1971 г.), Дружбы Народов (1984 г.), дважды орденом «Знак Почета». Ему присвоены почетные звания: Заслуженный работник культуры Карельской АССР (1965 г.), Заслуженный работник культуры РСФСР (1980г.), Народный писатель Республики Карелии (1994 г.), Почетный гражданин Петрозаводска (1995 г.). В городе Петрозаводске установлена мемориальная доска с его именем. Именем Гусарова названы центральная городская библиотека и сквер в Октябрьском районе Петрозаводска.

Командиром партизанского отряда «Мстители» был назначен Пименов Николай Георгиевич, 1911 года рождения, младший лейтенант. В сентябре 1941 года он добровольцем вступил в Первую партизанскую бригаду. Участвовал в рейде бригады летом 1942 года, был награжден орденом Красного Знамени.

Первая боевая операция партизанами отряда «Мстители» была проведена в декабре 1942 году. На территорию противника ушла группа разведки. В ряде публикаций утверждается, что этот первый выход прошел благополучно. Однако Д.Я.Гусаров в своей повести «Партизанская музыка» указал, что в первой же операции отряд «Мстители» напоролся на засаду, и несколько бойцов погибли, в том числе комсомолец из Ирбита Лукиных. Этот факт находит подтверждение в документах. Установлено, что погибли в бою пять бойцов отряда: трое свердловчан – Лукиных Валентин Васильевич, Проскуров Александр Васильевич и Ковальчук Прокопий Иванович и двое красноярцев – Быков Леонид Герасимович и Шахов Александр Андреевич. Все они были захоронены в братской могиле в селе Паданы Медвежьегорского района Республики Карелии[9].

По воспоминаниям участников партизанской борьбы в Карелии, финны в период 1942–1944 годов принимали всевозможные меры, чтобы закрыть пути прохода партизан в свои тылы. На охрану флангов оперативных направлений ставились пограничные и карательные батальоны, состоявшие из хорошо подготовленных солдат. На пути прохода партизан создавались гарнизоны и опорные пункты, имевшие дзоты, минные поля и проволочные заграждения.

Несмотря на первые потери, отряд «Мстители» в период войны неоднократно совершал рейды на территорию противника, нанося ему ущерб. Так, летом и осенью 1943 года совместно с партизанским отрядом «За Родину» он участвовал в трех рейдах по тылам врага (с 11 по 29 июня, с 5 июля по 18 августа, с 5 сентября по 15 октября).

Иван Александрович Комиссаров, боец разведдзвода партизанского отряда «Боевые друзья», в своей книге вспоминал о проведенной в апреле 1943 года боевой операции его отряда совместно с отрядом «Мстители»: «Операция готовилась по разгрому гарнизона «Марти», хорошо укрепленного опорного пункта, имевшего на вооружении артиллерию и минометы. Подступы были защищены минными полями и долговременными огневыми точками. 13 апреля утром в 4.50 отряды пересекли две контрольных лыжни противника. За ночь прошли километров 18, до цели уже недалеко. Если нас не обнаружат, то «Марти» – крышка. На контрольных лыжнях оставлены в засаде бойцы отряда «Мстители». Успех операции зависел от того, насколько они сумеют снять вражеский патруль. На большой привал остановились в 10 утра, варили кашу и вспоминали, как когда-то гуляли с девчатами. В 15.30 подошел отряд «Мстители». Они взяли в плен пять солдат противника. Наряд финского патруля состоял из семи человек. Один был убит, а одному удалось убежать. Стало понятно, что враг будет извещен о нашем передвижении. Пленных допросили и выяснили, что они из гарнизона «Марти» и совершали осмотр контрольной лыжни. Двинулись дальше по маршруту, надев чистые масхалаты. Ждем преследования и близкого боя. При пленении патруля были ранены три бойца из отряда «Мстители», также тяжело ранен партизан из отряда «Боевые друзья». В 22 часа поступил приказ прекратить операцию и вернуться на базу»[10].

Бывший секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской ССР, член Военного Совета фронта Г.И.Куприянов в своей книге описал боевые операции отряда «Мстители» в июле 1944 года, назвав их успешными. Действуя в тылу отступающих финских войск, отряд «Мстители» 9 июля подошел к дороге Клюшина Гора – Кудамгуба – Поросозеро и устроил засаду. Вскоре появилась батарея противника на конной тяге. Партизаны подпустили ее на близкое расстояние и открыли ураганный огонь. Из 28 финских солдат, находившихся при орудиях, 27 были убиты. Один спасся бегством. Партизаны уничтожили три пушки, захватили 12 лошадей и много воинского обмундирования. 12 июля на этой же дороге отряд уничтожил пятитонную машину, четырех солдат и одного офицера. При этом отряд потерь не имел. В обеих операциях отличились партизаны Ганин, Симанов, Романенко, Девятов[11].

В конце лета 1944 года, после тяжелых поражений, понесенных Германией, и советского наступления в Карелии, Финляндия предложила прекращение огня, которое вступило в действие 4–5 сентября 1944 года. Подписав 19 сентября 1944 года договор о перемирии с СССР, Финляндия вышла из войны. В связи с этим было принято решение о расформировании партизанских отрядов на Карельском фронте.

8 октября в столице Карелии г. Петрозаводске состоялся парад партизан и подпольщиков, в котором участвовали более 1140 человек, по 60 человек от каждого партизанского отряда. На параде присутствовали секретарь ЦК КП(б) Карело-Финской Республики генерал-майор Геннадий Николаевич Куприянов, Председатель Совнаркома Республики Прокконен Павел Степанович, Первый секретарь ЦК ЛКСМ Карелии Юрий Владимирович Андропов и начальник штаба партизанского движения на Карельском фронте генерал-майор Сергей Яковлевич Вершинин. Шествие на параде открывал партизанский отряд «Красный Онежец». Перед строем партизан был зачитан приказ № 101 от 28 сентября 1944 года по штабу партизанского движения, в котором подводились итоги. Было отмечено, что «партизанские отряды оказали неоценимую помощь Красной армии в оборонительных боях 1941 года. В период стабильной обороны фронта партизаны непрерывно действовали в тылу врага, перерезали его коммуникации, истребляли его живую силу и технику, не давали покоя захватчикам ни днем, ни ночью. Во время наступления войск Карельского фронта партизаны громили отступающие колонны врага». В приказе говорилось также о расформировании отрядов. От имени ЦК КП(б) и Правительства Карельской республики всему личному составу партизанских отрядов объявлена благодарность. Чествование партизан завершилось 9 октября в музыкальном театре просмотром комедии «Раскинулось море широко». 10 октября по возвращению в город Сегежу партизанские отряды были расформированы. Большая часть личного состава была призвана военкоматом на воинскую службу в действующую армию, часть – направлена на советскую работу[12].

Следует заметить, что до этого времени не дожили некоторые уральцы-партизаны отряда «Мстители». Так, в бою 26 декабря 1942 года погиб Горбушин Николай Андреевич. Захоронен в селе Шалговаары Медвежегорского района Карелии. Петухов Михаил Михайлович был тяжело ранен в бою 29 августа 1944 года, в бою 2 июня 1944 года был тяжело ранен Алехин Николай Павлович. Оба партизана скончались в госпитале.

Ляпунов Николай Васильевич выбыл из отряда в феврале 1943 года в госпиталь, в отряд не вернулся. Числится без вести про-

павшим. Першиков Владимир Васильевич умер 31 января 1944 года от отравления, захоронен в г. Сегеже. Нечаев Вилл Николаевич 9 мая 1944 года отчислен из отряда по состоянию здоровья. Также по состоянию здоровья был отчислен и направлен в республиканский военкомат Андрианов Николай Иванович. Военкомат признал его годным к воинской службе и направил стрелком-разведчиком в 20-ю отдельную гвардейскую разведроту 16-й гвардейской Карачевской ордена Ленина Краснознаменной и ордена Суворова стрелковой дивизии. Служил до Победы, и в апреле 1945 года награжден медалью «За отвагу».

Медведев Тимофей Евлампиевич за хулиганство 25 июня 1943 года был направлен в штрафную роту на шесть месяцев, где служил командиром разведвзвода 201-й отдельной роты 205-й стрелковой дивизии на Карельском фронте. Был тяжело ранен в грудь 4 июля 1944 года. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1947 года награжден медалью «За боевые заслуги».

Партизаны – бойцы отряда «Мстители» были представлены к государственной награде медали «Партизану Отечественной войны». Медаль I-й степени получили Воронцов А.И., Дьяченко М.С., Крушинский Б.К., Пивоваров Б.И., Шульженко П.М. Медалью II-й степени были награждены Безверхий И.Г., Благина И.А., Боровых А.И., Власенко Ю.Г., Ганин М.В., Гордиенко П.У., Гутыря Г.В., Девятов Н.М., Кинев С.В., Кондра Г.К., Махов К.В., Навроцкий А.В., Овсиенко А.С., Печенкин В.Д., Романенко И.А., Сергеев М.Н., Старов М.Н., Холманских Г.И., Чурсин М.А., Шангареев М.З.[13].

После расформирования отряда «Мстители» большая часть бойцов Кемским райвоенкоматом были призваны на воинскую службу в действующую армию, в воинские части на Карельском фронте. В 72-ю отдельную морскую стрелковую бригаду были направлены Безверхий И.Г., Благина И.А., Боровых А.И., Власенко Ю.Г.,Волков А.И., Воронцов А.И., Гордиенко П.У., Гутыря Г.В., Девятов Н.М., Кинев С.В., Колодяжный Н.И., Кондра Г.К., Махов К.В., Овсиенко А.С., Пивоваров Б.И., Печенкин В.Д., Сергеев М.Н., Шангареев М.З. 72 морская стрелковая бригада формировалась в период с 1 ноября по 6 декабря 1941 года в Сибирском Военном округе из моряков Тихоокеанского флота. В действующей армии именовалась с 27.12.1941 по 06.02.1942 года как 72-я стрелковая бригада, с 06.02.1942 по 15.11.1944 года как 72-я отдельная морская стрелковая бригада, с 14.02.1945 по 03.09.1945 года как 72-я горно-стрелковая Краснознаменная ордена Красной Звезды бригада. По окончанию формирования бригада через Мурманск была направлена на Кольский полуостров, где заняла позиции по реке Западная Лица, держала там оборону вплоть до 1944 года. С 7 октября 1944 года в составе 14-й Армии на Карельском фронте участвовала в Петсамо-Киркенесской операции, в освобождении Печенги и города Нейдена. В феврале 1945 года была переброшена в Чехословакию, где с 24 марта 1945 года участвовала в Моравско-Остравской наступательной операции. Начав наступление в районе Зорау, с боями прошла более 40 километров, форсировала Одер и захватила плацдарм на другом берегу. 30 апреля 1945 года вошла в Остраву. Закончила войну участием в Пражской операции. Последний бой на западе приняла 12 мая 1945 года с немецкими частями, прорывавшимися на запад. В августе 1945 года бригада передислоцирована на Дальний Восток в состав 1-го Дальневосточного фронта. В составе 126-го легкого горно-стрелкового корпуса бригада участвовала в войне с Японией. После войны передислоцирована на Чукотку в поселок Провидения[14].

Из личного дела Бориса Ивановича Пивоварова установлено, что после окончания войны с Финляндией он служил в 72-й морской бригаде в роте разведки, участвовал в боях в Норвегии, Чехословакии, Германии. После Победы с бригадой был переброшен на Восток. После окончания войны с Японией до 1947 года служил на Чукотке в бухте Провидения. Был награжден орденами Красной Звезды и Славы III степени, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945гг.», «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Японией». В апреле 1985 года награжден орденом Отечественной войны II степени[15].

Алексей Иосифович Воронцов в 72-й бригаде служил разведчиком, прошел весь боевой путь до Победы. Награжден орденом Славы III степени, медалью «За оборону Советского Заполярья». В апреле 1985 года получил орден Отечественной войны I степени.

Волков А.И. служил командиром отделения разведчиков 2-го батальона бригады, награжден орденом Славы III степени и медалью «За оборону Советского Заполярья».

Павел Устинович Гордиенко, помощник командира отделения роты разведчиков, также дошел до Победы. Был награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией». В 1985 году получил орден Отечественной войны II степени.

Григорий Викторович Гутыря, младший сержант командир пулеметного расчета, погиб в бою 7 апреля 1945 года, захоронен на территории Польши. Награжден орденом Славы III степени и медалью «За боевые заслуги».

Николай Михайлович Девятов служил разведчиком 2-го батальона, награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны I степени, медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Японией».

Иван Григорьевич Безверхий, сержант разведчик 2-го батальона, дошел до Победы. Награжден орденом Славы III степени и медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Японией». В 1985 году награжден орденом Отечественной войны I степени.

Алексей Степанович Овсиенко, младший сержант, наводчик станкового пулемета, служил во 2-м батальоне бригады. Погиб в бою 26 марта 1945 года, посмертно награжден орденом Отечественной войны I степени. Захоронен на территории Польши. Из наградного листа на орден: «В бою за населенный пункт Рой и гор. Лостау т. Овсиенко показал личный пример смелости, отваги и мужества. Будучи наводчиком станкового пулемета, т. Овсиенко своим огнем умело поддерживал продвижение вперед наступающих бойцов. Огнем своего пулемета заглушил 4 огневых точки пр-ка и истребил до 20 гитлеровцев. От разрыва снаряда был выведен из строя весь расчет. Т. Овсиенко, оставшись один, продолжал вести огонь из пулемета. В бою был ранен командир пулеметного взвода. Т. Овсиенко смело взял на себя командование взводом и продолжал управлять огнем пулеметов. В одном из боев, будучи раненым, превозмогая боль, т. Овсиенко не ушел с поля боя до окончания его»[16].

Семен Васильевич Кинев, сержант, служил разведчиком взвода химзащиты 72-й бригады. Награжден орденом Красной Звезды и медалями «За оборону Советского Заполярья», «За победу над Японией». В 1985 году получил орден Отечественной войны II степени.

Григорий Кириллович Кондра, помощник командира отделения роты разведчиков, награжден в 1945 году орденом Славы III степени и в 1985 году орденом Отечественной войны I степени.

Николай Иванович Колодяжный, младший сержант, числится без вести пропавшим 24 марта 1945 года на территории Польши.

Константин Васильевич Махов служил разведчиком 2-го батальона. Награжден орденами Славы III степени и Отечественной войны II степени, медалью «За оборону Советского Заполярья».

Май Николаевич Сергеев погиб в бою 25 марта 1945 года, захоронен на территории Польши.

Александр Иванович Боровых служил стрелком во 2-м батальоне бригады. В мае 1945 года награжден медалью «За отвагу».

Магнави Закирьянович Шангареев , младший сержант, командир отделения, погиб в бою 28 марта 1945 года. В апреле 1945 года награжден посмертно орденом Отечественной войны II степени и медалью «Партизану Отечественной войны I степени». Из наградного листа на орден: «В бою за г. Лостау т. Шангариев показал пример смелости и храбрости. На окраине города противник, засевши в подвалах домов с пулеметами, не давал возможности продвижения нашим подразделениям вперед. Тов. Шангариев проявил личную инициативу – с гранатами подполз на короткую дистанцию и забросал гранатами огневую точку. На подходе к огневой точке был ранен, но превозмогая боль, чувствуя в себе долг воина, выполнил поставленную задачу. Пр-к по храбрецу открыл минометный огонь, где от разрыва мины был убит. Достоин представления к правительственной награде посмертно».

Юрий Геннадьевич Власенко погиб в бою 7 августа 1944 года.

Виктор Дмитриевич Печенкин также служил в 72-й бригаде. Был ранен. В феврале 1968 года награжден медалью «За отвагу», в апреле 1985 года – орденом Отечественной войны I степени.

Ирина Анатольевна Благина была переведена санитаром в 3-ю стрелковую роту 2-го горнострелкового батальона 72-й отдельной горнострелковой Краснознаменной бригады. Поиски документов об этой славной девушке привели к находке наградного листа, оформленного 28 марта 1945 года командиром 2-го горнострелкового батальона майором Соболевым. Приказ о награждении оформлен 11 апреля 1945 года № 021 по частям 126 легкого горнострелкового Краснознаменного корпуса. Текст наградного листа: «В бою по прорыву обороны противника в г. Зорау и преследованию его т. Благина показала образец отваги и мужества. Будучи санитаром роты, в бою оказала помощь 18 раненым бойцам. Противник вел ураганный и пулеметный огонь и артиллерийско-минометный обстрел по наступающим бойцам. Т. Благина, не страшась этого, перебегала от одного раненого к другому и оказывала помощь. Перевязывая раненого офицера роты, пр-к обнаружил это и открыл минометный огонь, осколки пронзили грудь девушки-храбреца, и жизнь на этом ее кончилась. За проявленную смелость и храбрость в бою достойна представления посмертно к правительственной награде ордену «Отечественной войны» II степени»[17].

Дальнейшие поиски на сайтах Интернета позволили узнать о судьбе этой смелой девушки. Действительно, бойцы ее подразделения видели, как от взрыва снаряда девушка упала на землю. Ее посчитали убитой. Однако после боя санитары обнаружили, что она подает признаки жизни, и доставили в госпиталь. Отсутствие при ней документов, длительное время нахождения в бессознательном состоянии – более полутора месяцев, в результате командование части не знало о ее судьбе. После выздоровления девушка узнала о награждении ее орденом. В военкомате получила орден и медаль «За оборону Советского Заполярья». Всю жизнь она проработала аппаратчицей на Свердловском кислородном заводе, награждена медалью «За трудовую доблесть»[18].

Партизаны Акулов В.М., Романенко И.А., Холманских Г.И., Чурсин М.А., Шульженко П.М. военкоматом были направлены в 31 отдельную горнострелковую бригаду. 31 бригада была сформирована на Карельском фронте 25 сентября 1942 года на базе 5-й и 6-й лыжных бригад. Первоначальное название – 31 отдельная лыжная бригада. Держала оборону в Мурманской области до 1944 года. В январе 1945 года переформирована в 31 горнострелковую бригаду. В составе 126 легкого горнострелкового корпуса участвовала в Моравско-Остравской и Пражской операциях.

Виктор Максимович Акулов, младший сержант, погиб в бою 24 марта 1945 года, захоронен на территории Катовицкого воеводства Польши.

Иван Андреевич Романенко служил разведчиком 1-го горнострелкового батальона. Был ранен 29 марта 1945 года. Награжден в мае 1945 года орденом Славы III степени и в августе 1986 года орденом Отечественной войны I степени.

Геннадий Иванович Холманских служил в 1-м отдельном лыжном батальоне. Умер от ран 29 марта 1945 года. Захоронен на территории Катовицкого воеводства Польши.

Михаил Афанасьевич Чурсин служил в саперном взводе. Был ранен 27 марта 1945 года. Награжден в апреле 1945 года медалью «За отвагу» и в ноябре 1985 года орденом Отечественной войны I степени.

Петр Михайлович Шульженко, разведчик, погиб в бою 30 марта 1945 года. Захоронен на территории Катовицкого воеводства Польши.

Партизан Бронислав Константинович Крушинский военкоматом был направлен красноармейцем-кавалеристом в 1-й эскадрон 28-го гвардейского Дубненского дважды Краснознаменного кавалерийского полка 6-й гвардейской кавалерийской дивизии, в котором воевал до Победы. Участвовал в освобождении Белоруссии и Польши, в боях на территории Восточной Пруссии. Кавалерийская дивизия завершила войну на реке Эльба, где 2 мая 1945 года в районе города Виттенберга встретилась с частями американских войск. Награжден медалями «За отвагу», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В феврале 1987 года награжден орденом Отечественной войны I степени.

Алексей Николаевич Симанов был направлен на воинскую службу в 592-й истребительно-артиллерийский полк 4-й отдельной истребительной противотанковой артиллерийской Духовщинско-Лиознинской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова бригады Резерва Главного Командования. Служил разведчиком-наблюдателем на 1-й батарее. Награжден медалями «За отвагу» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Михаил Николаевич Старов служил пулеметчиком в 72-м отдельном моторизованном батальоне на 4-м Украинском фронте. 24 марта 1945 года был ранен. Награжден медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В апреле 1985 года награжден орденом Отечественной войны II степени.

Владимир Николаевич Скопин был направлен в 72 танковую бригаду. В сентябре 1945 года участвовал в войне с Японией в Манчжурской операции в составе 1-го Дальневосточного фронта. После войны продолжил воинскую службу в звании капитана. Награжден орденом Красной Звезды, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За победу над Японией», «За боевые заслуги».

Михаил Семенович Дьяченко служил телефонистом управления 1-го дивизиона 623-го артиллерийского Ясловского Краснознаменного полка 183-й стрелковой Харьковской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова II степени дивизии. В составе дивизии участвовал в Ясло-Горлинской и Моравско-Остравской наступательных операциях. Войну закончил в Праге. Награжден в мае 1945 года медалью «За отвагу», в 1987 году орденом Отечественной войны I степени.

Иван Николаевич Пьянков был направлен служить в воинскую часть 01583 в г. Риге. С апреля 1945 года признан без вести пропавшим.

Ну вот и все. Наше исследование окончено, никто не забыт, ничто не забыто. Грустно, что очень мало информации добыто. Понимаю, что следует смириться с этим положением. Живых очевидцев тех событий не осталось, поделиться информацией о событиях военного времени они не могли, когда были живы, в силу взятых на себя обязательств о неразглашении сведений.

В заключение обращаюсь к читателям со словами нашего советского поэта Роберта Рождественского :

«Помните!
Через века,
через года, –
помните!
О тех,
кто уже не придет
никогда, –
помните!»

Примечания:

1. Веригин С.Г. Некоторые особенности партизанского движения в Карелии в 1941–1944 годах. Сборник статей. – Петрозаводск. 2005 г. С. 6–30.
2. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Фонд 61, опись 2, дело 1689, л.д. 49–89
3. Там же. Фонд 61, опись 2, дело 1689 л.д. 54–56.
4. Там же. Фонд 4, опись 37, дело 227.
5. Национальный архив Республики Карелия. «Партизанское движение на Карельском фронте в годы Великой Отечественной войны». http://rkna> exhibitions> querrilas>view.
6. Там же. Фонд П-213, опись 1, дело 37, л.д. 48–51.
7. Там же. Фонд П-213, опись 6, дело 4, л. 670 и дело 5, л. 600.
8. Там же. Фонд П-213, опись 6, дело 1, л.1098 и дело 3, л. 386.
9. Учетная карточка воинского захоронения № 15 в Республике Карелии Медвежьегорский район село Паданы у сельского совета, 1960 год. Obdpobeda. Karelia.ru| grave| detailed/ 1120.
10. Комиссаров И.А. Партизанские сны. (В книге «Боевые друзья. Воспоминания». – Петрозаводск: «Карелия». 1983 г. стр. 143–144).11. Куприянов Г.И. За линией Карельского фронта. – Петрозаводск: «Карелия». 1982 г.12. Газета «Курьер Карелии», 12. 10. 2009 года.13. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1945 года «О награждении партизан Карело-Финской ССР медалями «Партизану Отечественной войны».
14. Википедия: 72-я морская стрелковая бригада.
15. Центр документации общественных организаций Свердловской области. Фонд 4, опись 70, дело 1207 (1965 г.).
16 и 17. Приказ № 021 от 11.04.1945 г. по 126 лгскк.
18. Симонов В.Е. Дочери Урала в солдатском строю. – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство. 1975 г.

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ «ОКОПНОЙ ПРАВДЫ» ПАВЛА ПЕТРОВИЧА БАЖОВА

К 145-летию П.П.Бажова

Елена ЧЁРНАЯ

Поэт, писатель, член Союза писателей России.

Ольга ХАЛЯЕВА

Заведующая отделом НТМЗ «Горнозаводской Урал»

Фотографии Т.Дубинина

В биографии Бажова практически не осталось «белых пятен», исследователи его творчества, биографы, краеведы давно скрупулезно и с пристрастием проследили каждый шаг на протяжении всей жизни писателя, написали исследования, основываясь на личных воспоминаниях писателя, его беседах с журналистами и коллегами по перу, изучили те произведения, которые можно отнести к автобиографическим, очистили повествование от литературного вымысла, сравнивая с архивными данными, воспоминаниями современников, сохранившимися письмами.

Но был у П.П.Бажова некий «жизненный пласт», о котором он не оставил воспоминаний, не любил вспоминать и говорил иносказательно и скупо, а по большей части отмалчивался. О своем участии в Гражданской войне он не писал, лишь упоминал о службе в Красной Армии, при этом даже намека не делал на участии в партизанском отряде и подпольной работе, отряде продразверстки и многом другом. Этот период жизни был восстановлен его биографами уже после смерти писателя.

Но некоторые сведения все же есть: в заявлении партследователю по чистке от 5 декабря 1933 года П.П.Бажов коротко указывал, что с осени 1918 года был «редактором «Окопной правды», заведующим информации политотдела, а с октября, когда началось оформление войсковых партколлективов, – секретарем ячейки штаба дивизии, было также поручено вести партийную перепись...»

В дальнейшем, Павел Петрович говорил, что он фактически был редактором и отвечал за участок фронта: Алапаевск, Нижний Тагил, Кушва, Бисерть.

В происходившей значительно позже в 1942 году беседе с Людмилой Ивановной Скорино (1908–1999), первым серьезным исследователем жизненного пути писателя (биография Павла Петровича вышла в 1947 году), он уточнял: «Газета («Окопная правда») выходила на фронтовой линии. Я был и редактором, и секретарем газеты, и выпускающим – все в одном лице. Газета вместе с типографией ездила в двух вагонах. Выходила нерегулярно. Выпустили мы пятьдесят номеров на Уральском фронте. Сотрудниками газеты были красноармейцы. Писали частенько отчаянные стихозы». Именно тогда на фронтах Гражданской войны от красноармейцев Бажов и услышал легенду «о водолазах», но об этом позже.

А дело было так: в сентябре 1918 заведующий политическим отделом Восточной дивизии разослал всем военным комиссарам частей

Ю.Бершадский. Портрет П.П.Бажова. Фрагмент. НТМИИ

Восточной дивизии следующий циркуляр: «Каждый красноармеец должен быть осведомлен о политическом и общем положении советской республики. Всем комиссарам отдельных частей вменяется в неуклонную обязанность посылать ежедневно курьеров в штаб дивизии за литературой и следить за тем, чтобы получаемая литература планомерно распределялась также ежедневно по всем частям участков фронта. Ни один красноармеец, где бы он ни был, не должен быть лишен возможности прочесть газету. Всем комиссарам предлагается немедленно принять меры к проведению данного приказа в жизнь».

Вот этот циркуляр и послужил толчком для создания своей газеты в 29-й дивизии.

Бажов в своей книге «Бойцы первого призыва»: «Надо, между прочим, организовать газету. Езжай в Алапаевск. Там у нас, между прочим, типография Шаравьевой загнана. Так вот, нельзя ли, между прочим, наладить газету... Чтобы, знаешь, близкие места были и тут же общая информация», – оживленно говорил командир дивизии, пересыпая речь своим любимым «между прочим».

Мысль оказалась встречной. Заведующий политотделом дивизии В.М.Мумин в двух американских грузовых вагонах уже разместил типографию, разыскал человек шесть типографских рабочих и добыл целый вагон бумаги. На предложение ответил обрадованно: «Вот и хорошо. Приблизим к огню и начнем выпускать. Связь установим. Тут же при редакции будет информационный отдел дивизии».

Так «на линии огня» рождалась «Окопная правда», которая стала печатным органом 29-й дивизии.

Эта дивизия сначала носила имя Восточной, потом ей дали наименование 1-й Уральской, а когда слили со 2-й Уральской, то она стала Сводно-Уральской и только 11 ноября 1918 года получила номерное название – 29-я дивизия в составе 3-й армии Восточного фронта большевиков.

В дивизию входил и 1-й Крестьянский коммунистический полк, известный в истории Гражданской войны как полк Красных Орлов. Должность редактора дивизионной газеты была предложена П.П.Бажову, в июле 1918 года добровольцем записавшемуся в Красную армию.

Газета вместе с типографией ездила в двух вагонах. Выходила нерегулярно тиражом 1500 экземпляров. «Выпустили мы пятьдесят номеров на Уральском фронте. Сотрудниками газеты были красноармейцы». Эти воспоминания и фрагменты из книги приводят многие биографы Бажова. Но газету никто в глаза не видел. Ни в одной библиотеке, ни в одном архиве страны экземпляров этой газеты не было.

Н.В.Кузнецова, исследователь жизни и творчества Бажова, искала газету хорошо испытанным библиографическим способом – просмотром всех уральских газет времен Гражданской войны. В апреле 1978 года она нашла достоверные печатные сведения о выходе первого номера «Окопной правды». 28 августа 1918 года об этом сообщили сразу две газеты – «Уральский рабочий» и «Известия Пермского губернского исполнительного Совета рабочих, крестьянских и армейских депутатов». И если в «Известиях» дана только небольшая информация, то в «Уральском рабочем» о новой газете написано очень подробно: «24 августа вышла в Алапаевске новая газета «Окопная правда» – издание политического отдела Восточной дивизии. Находясь в непосредственной близости от фронта, «Окопная правда» производит впечатление настоящей фронтовой, «окопной» газеты благодаря изобилию материала из жизни фронта. С первого номера чувствуется в ней та живая связь с нервной, беспокойной, тревожной жизнью передовых позиций, которая единственно служит залогом необходимости газеты и ее ценности для читателя-фронтовика...

В первом номере газеты есть всего понемногу: и заметка об одном эпизоде боя под Екатеринбургом, и обзор стратегического положения на алапаевском направлении, и телеграммы из-за границы, из центра, из России, с Украины, и официальные сообщения, и, наконец, целый ряд заметок, объединенных общим заголовком «Жизнь на Алапаевском фронте». ...И в заметках этого отдела чувствуется биение пульса мощного тела Рабоче-крестьянской Красной армии, собирающей силы для нового тяжкого удара по врагам Советской Республики...»

«Номер вышел не совсем удачный, следующий будет лучше и интереснее, – сказал привезший нам газету товарищ – один из ближайших ее сотрудников... Хочется ответить ему и его товарищам по газете: «Ваша «Окопная правда» – хорошая, живая газета. И если последующие номера будут не хуже первого – вы сделаете свое большое и нужное дело. В добрый час!»

В третьем номере газеты напечатан обзор положения на алапаевском направлении. В этом обзоре отмечается, что в районе Режевского завода наши части продолжают наступление, ведут усиленный бой за обладание линией «река Реж – река Серебрянка – озеро Травянское». Дается ссылка на газету «Уральский рабочий» от 7 сентября 1918 года.

Кузнецовой Н.В. удалось восстановить даже периодичность выхода первых номеров «Окопной правды», они вышли в Алапаевске: 1-й номер – 24 августа 1918 года, 2-й номер – между 24 августа, 3-й номер – 1 сентября, 4-й номер – 5 сентября, 5-й номер – 8 сентября.

Н.В.Кузнецова умерла в 2003 году. Ее архив был приобретен Объединенным музеем писателей Урала. На его основе были подготовлены «Бажовская энциклопедия» и библиографический указатель «П.П.Бажов (1913–2010)», удостоенный Бажовской премии в 2010 году.

В «Бажовской энциклопедии» в статье о газете «Окопная правда» издании политотдела 1-й Уральской дивизии (с ноября 1918 года 29-й стрелковой дивизии в составе 3-й армии Восточного фронта) приводятся данные о том, что с 24 августа (первый номер) по декабрь 1918 года вышло 50 номеров, сохранилась одна страница 4-го номера газеты, ее нашли в Алапаевске при ремонте старого дома, и полностью номер 5 на микропленке.

Но до наших дней дошел и еще один номер «Окопной правды» – № 11 от 2 октября 1918 года, вышедший в период самых горячих и ожесточенных боев на Уральском фронте. Газету в Нижнесалдинский краеведческий музей принес военком, коренной житель Нижней Салды Тютин Петр Степанович (1888–1970-е). Газета хранилась с октября 1918 года в личном архиве Петра Степановича.

Таким образом одиннадцатый номер «Окопной правды», вышедший 02 октября 1918 года в полосе Гражданской войны, не был изучен ни одним из исследователей биографии П.П.Бажова и до сих пор не введен в тематический научный оборот.

Этот единственный полностью сохранившийся номер фронтовой газеты «Окопная правда» долгое время находился в Нижнесалдинском краеведческом музее, а потом был передан в фонды Нижнетагильского музея-заповедника «Горнозаводской Урал».

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ 11 НОМЕРА ФРОНТОВОЙ ГАЗЕТЫ

С июля 1918 года П.П.Бажов исполнял обязанности заведующего информационным отделом и редактора газеты «Окопная правда» издания 1-й Уральской дивизии. В состав которой входили: 1-й Камышловский полк, 1-й Крестьянский Коммунистический полк, 4-й Уральский полк, 1-й Горный полк, бронепоезд и артиллерийская батарея. События на фронтах развивались стремительно. Екатеринбург был захвачен белыми войсками полковника С.Войцеховского 25 июля 1918 года, 27 июля пал Камышлов, 28 сентября Алапаевск заняла армия адмирала А.Колчака. В конце сентября тяжелые бои уже шли под Нижним Тагилом.

В районе узловой станции Сан-Донато разыгралось сражение, которого еще не знала Красная армия, с большими потерями бои были выиграны, и противник отброшен на 20 верст от Нижнего Тагила.

В первые октябрьские дни после изнурительных боев и победы под Нижним Тагилом была сделана остановка на отдых. Первый горный полк расквартировали около Верхней Салды, а 1-й Крестьянский Коммунистический полк – в Нижней Салде. Здесь к полкам присоединились свежие силы – 200 китайских бойцов – батальон под командованием китайского большевика Жень Фученя (1884–1918).

Полкам требовался отдых и переформирование, кроме того, партийное руководство и командование хотели провести разъяснительную работу среди красноармейцев, поднять боевой дух бойцов, решить кадровые вопросы.

Третьего октября 1918 года в Нижней Салде состоялась партийная конференция. «Говорили о задачах полка и выбрали руководство партколлектива. Председателем – товарища Ф.И.Стриганова, членами: М.Д.Ковригина, П.М.Тарских, И.И.Басаргина, военкома А.А.Юдина и помвоенкома А.М.Цеховских», – из дневниковых записей Филиппа Голикова, бойца-пулеметчика, назначенного партячейкой корреспондентом «Окопной правды».

Специально для полковой конференции Бажовым был подготовлен 11 номер «Окопной правды». Бойцы, недавние участники сражения под Нижним Тагилом, и делегаты полковой конференции получили «свежую газету». В репортаже, подписанном «Красноармеец», и озаглавленном «Наши под Тагилом» эмоционально и живо рассказывалось о боях и одержанной победе: «Полк прибыл на разъезд Сан-Донато вечером, и немедленно был отправлен на ст. Н. Тагил. Шел дождь. Станция обстреливалась неприятельской артиллерией. Раздается команда: полк готовсь! Полк выстраивается и с пулеметами идет навстречу неприятелю. Чехи шли звеньями и залпами стреляли на ходу. В это время подошли петроградцы. Заработали винтовки и пулеметы. Рассыпались в цепь. Раздалось громкое «ура». Мы пошли в атаку. Неприятель, ошеломленный, дрогнул и побежал. Не теряя времени, роем окопы, устанавливаем пулеметы, налаживаем связь. В 4 часа утра загремела неприятельская артиллерия. Бил по станции и поездам. Неприятель яростно наступал на станцию. Наши пулеметы косили их цепи. Наш левый фланг дрогнул. Солдаты бегут, их командиры убиты. Члены фракционного комитета коммунистов и следственной комиссии останавливают бегущих, собирают и лично ведут их в атаку навстречу вра-

Нижняя Салда. Здание, в котором находился штаб и состоялась патрийная конференция полка Красных Орлов

Цена № 20 коп.

ОКОПНАЯ ПРАВДА

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Издание Политического Отдела 1-й Уральской Дивизии.

№ 11. 2 октября 1918 г. Адрес редакции: * * * № 11.

Самодисциплина.

Наша Красная Армия становится сильна и победоносна по мере того, как в ней устанавливается революционная дисциплина. Но не нужно забывать, что наша революционная дисциплина не есть палочная дисциплина царизма. Путем долгих и больших ошибок в сознании красноармейца начинает внедряться мысль о необходимости революционной дисциплины.

В Красной Армии по мере проявления ее на кровавой тропе войны, растет и крепнет воля к победе.

И по мере роста этой воли к победе, каждый сознательный Солдат Революции приходит к выводу о неизбежности наложения на самого себя—революционной самодисциплины.

И мы видим, что по мере того, как это сознание о необходимости самодисциплины начинает проникать в самые низы Красной Армии—она становится твердой ногой на путь победы.

Каждый действительный Солдат Революции должен всегда и везде проводить мысль о необходимости революционной выдержки, внутренней спайки,—без которых нет настоящей дисциплины, железной дисциплины, которая должна сковать нашу армию в одно могучее, стальное целое.

И тогда, тогда мы, носители величайших идеалов человечества, согретые безбрежной любовью ко всем угнетенным, трудящимся и обездоленным, сумеем сковать самих себя, добровольно наложенной дисциплиной—мы будем непобедимы. Тогда наши Красные войска, как глашатаи новой, чудной жизни на земле,—пройдут по всей седой Европе разрушая троны, свергая владычество золотого тельца и водрузят над полями истерзанного, окровавленного мира—Красное Знамя Труда!

——xx——

Торопитесь, братья крестьяне!

Деревня отстала от города.

Правда, и в городах мы еще не совсем справились с проклятыми буржуями. Сидишь и рядом буржуй живет еще в палатах каменных, ездит на рысаках, попрежнему кормится прекрасно. Но все же кое-что сделано рабочими, фабрики и заводы отняты у капиталистов, банки отняты у банкиров и мы создаем единый народный банк.

А у вас в каждой деревне еще хозяйничают маленькие помещики-кулаки. Берите их за горло, братья крестьяне! Не то—они схватят за горло вас. И не вырваться вам тогда из цепких лап деревенских мироедов и живоглотов.

Урожай у нас в нынешнем году хороший. Враг напирает на рабочих и крестьян со всех сторон. У вас отнимут урожай завтра же, если мы не сплотимся для защиты народной Советской власти.

Отнимут помещики и их сынки-белогвардейцы, отнимут английские войска, отнимут чехо-словацкие банды, отнимут местные кулаки, отнимут германские солдаты. Всякий зарится на ваш хлеб, на вашу лошадь, на ваше добро, на ваш скот, на вашу землю, на вашу свободу.

Война продолжается. Ее хотят перенести на нашу землю. Чтобы отстоять себя среди этого грозного пожара, надо иметь силу, надо быть вооруженным, надо сгрудиться, сплотиться, как один человек, вокруг своей рабочей власти.

Среди рабочих в городах проходит мобилизация. Призваны уже 5 годов. Теперь очередь за деревней. Готовьте и так призыв нескольких годов. Не отставайте от рабочих.

Помните: в пятом году нас разбили потому, что деревня отстала от города.

Помните, Украину и Финляндию задушили потому, что крестьянин отстал от рабочего.

Торопитесь, братья крестьяне! Скорее под ружье! Гоните прочь того, кто награвливает вас против рабочих. Скорее соберемся в одну семью. Создадим по-настоящему сильную [illegible] Наденем на врага. У рабочих и крестьян у нас в России сто миллионов человек. Справимся со всеми злодеями, избавимся от всех напастей. Если сплотимся, не страшен нам будет ни англичанин, ни японец, ни холера, ни чума, ни деревенский кулак, ни белогвардеец.

Скорее-же на помощь революционным рабочим!

——xx——

Помни военную тайну!

Многие красноармейцы и даже начальники часто любят болтать о своих подвигах, о действиях своей части, при чем указывают, где стоит часть, сколько орудий, пулеметов, штыков, кто командует, какие были отданы распоряжения и т. д.

Всякий товарищ должен помнить, что всюду шныряют шпионы противника, которые охотно подслушивают рассказы наших серых героев и используют полученные сведения во вред самого рассказчика-болтуна и его товарищей.

Первая заповедь красноармейца:

„Держи язык за зубами говоря с чужими тебе неизвестными людьми".

Вторая:

„Увидел болтуна прерывай его и если он не слушает доноси ближайшему военно-начальнику и военному комиссару".

Третья:

„Следи за своими товарищами по роте, которые провоцируют часть и разлагают ее. Помни, что это дело рук неприятельских шпионов и провокаторов. Обо всем замеченном сообщи своему непосредственному начальнику, чтобы своевременно были бы приняты меры. Смотри зорко обоими глазами за всем и не ровяй среди чужих лишнего слова о наших действиях и войсках Украины, это выдача тайны нашей красной армии. Это залог успеха и будет меньше лишних жертв твоих же товарищей и тебя самого".

Берегись шпионов и борись с провокаторами...

Берзин.

——xx——

Пора подумать.

Кто незнает тех тяжких переживаний, на какие всегда бывает обречен каждый солдат в окопах.

Кто знает зиму на Урале, тот должен вспомнить теперь же, что ждет в суровую зиму наших славных бойцов Красной армии.

Несмотря на жгучие холода солдат остается на своем трудном посту. Ему ни на минуту нельзя оставить свой пост. Солдат не может греться на печи.

Достаточно вспомнить, что прошлую империалистическую войну замерзали ежедневно в холода целые сотни солдат.

Как бы ни была сильна духом наша красная армия о ее выносливости говорить неприходится, но все же мы немеем нравственного права обрекать наших, славных бойцов на лишения. Мы должны напрячь все усилия к тому, чтобы снабдеть армию теплыми вещами.

Газета «Окопная правда» № 11 от 02.10.1918 г. НТМЗ «Горнозаводской Урал»

гу. С обеих сторон кричат «ура». Завязывается штыковой бой. Неприятель не выдерживает нашего стремительного натиска и бежит. Победа за нами! Огнем нашей артиллерии подбивается броневик неприятеля. Его окружает наша пехота. Масса неприятельских трупов. Много оружия, снаряжения досталось нам от побежденных чехов»

Но в номере есть и критические статьи. В одной из них «Предательство одних – верная служба других» осуждалось предательство инженерной роты, неожиданно открывшей огонь по своим и перешедшей на сторону белогвардейцев. И отдавалась дань уважения Коптеловскому отряду, который «с неимоверными трудностями ушел от врага и влился в ряды Красной армии».

В четвертой колонке на третьей странице 11 номера помещено сообщение о расстреле известного публициста Меньшикова и раскрытии монархического заговора, целью которого было свержение Советской власти.

Ниже помещено перепечатанное из газеты «Беднота» от 18 сентября 1918 года извещение о задержании в Перми в 10 верстах от Чусовского завода агентом Пермского Губернского Чрезвычайного комитета Михаила Романова и его секретаря. Но эта информация была скорее дезинформацией, поскольку, как теперь известно, за два месяца до сообщения в «Окопной правде», в ночь с 12 на 13 июня великий князь Михаил Романов и его секретарь Николай Жонсон были обманом похищены из гостиницы и убиты.

Но все же основным материалом номера стал вопрос, поднятый в передовой статье, и озаглавленной «Самодисциплина»: «Наша Красная армия становится сильна и победоносна по мере того, как в ней устанавливается революционная дисциплина. Наша революционная дисциплина не есть палочная дисциплина царизма. Каждый действительный Солдат Революции должен всегда и везде проводить мысль о необходимости революционной выдержки, внутренней спайки, – без которых нет

Нижняя Салда. Памятная доска

Поклонный крест на месте расстрела заложников в октябре 1918 года

настоящей железной дисциплины, которая должна сковать нашу армию в одно могучее, стальное целое...»

Кроме того, было и обращение к крестьянам: «Торопитесь, братья крестьяне! Скорее под ружье! Гоните прочь того, кто натравливает вас против рабочих. Скорее соберемся в одну семью. Создадим большую народную армию. Скорее же на помощь революционным рабочим!»

Одиннадцатый номер «Окопной правды», как предыдущие, так, наверное, и все последующие номера, был настоящим – фронтовым, вышедшим на передовой, попавший к бойцам со страницами, на которых еще не совсем высохла типографская краска, но и номером, агитирующим колеблющихся крестьян, разъяснявшим, поддерживающим революционным словом, агитирующим за Советскую власть, поднимающим боевой дух.

На следующий после конференции день произошла катастрофа: части противника прорвали фронт, зашли в тыл Красным полкам, захватили станцию Сан-Донато, а 4 октября и Нижний Тагил.

Редакционные вагоны в составе эшелона успели прорваться в сторону станции Сан-Донато, где чудом избежали окружения, и двинулись дальше к Кушве и Перми.

ЦАРЕУБИЙЦЫ

Накал революционной борьбы и объявленный государственной политикой Красный террор быстро набирали обороты. Можно предположить, что о расстреле бывшего российского императора Николая II и его семьи «Окопная правда» в одном из номеров поместила рассказ очевидца. В дивизии служили несколько бойцов, причастных к цареубийству, в том числе первый помощник Юровского Григорий Никулин. Он принимали участие в расстреле царя. А другой – Анатолий Парамонов, занимавший на момент расстрела пост председателя Екатеринбургского горсовета, знал о готовящейся ликвидации и месте захоронении царской семьи. Парамонов лично участвовал в дележке царских вещей и на фронте носил полушубок царя, который был ему мал, трещал по швам, но он все равно носил его и гордился, что с царского плеча. Бажов как редактор дивизионной газеты не мог не воспользоваться свидетельством очевидцев и не опубликовать на страницах «Окопной правды» краткий рассказ о событии, положившем конец самодержавию.

В этой связи интересен разговор, состоявшийся в 1949 году, журналиста и писателя А.П.Мурзина с П.П.Бажовым. «...Беседовали мы, беседовали. И он (Бажов) говорит: «В эпопее цареубийства все было не так, как говорят и пишут. Мемуары все врут». А.П.Мурзин спросил: «Если вы знаете, как на самом деле было, почему не напишите?» Бажов: «Слушай, парень, я пишу не сказки, а сказы».

Но, видимо, Бажов знал, «как на самом деле было» о расстреле из «первых уст» или, как вариант, в пересказе тех, кто слышал от Г.Никулина и А.Парамонова. Прямых свидетельств о встречах Бажова с А.И.Парамоновым нет, остаются не раскрытыми обстоятельства их возможных контактов: на партконференциях, при передаче Бажовым свежих номеров «Окопной правды» или при поездках за информацией об обстановке на фронтах. Но скорее всего Никулин или Парамонов в узком кругу для партактива и командиров рассказывали о расстреле царской семьи.

Но, возможно, Бажов узнал действительные подробности расстрела по возвращении в Екатеринбург. В 1921 году в сборнике «Рабочая революция на Урале», вышедшем в Екатеринбурге к четвертой годовщине Октябрьской революции, Павел Михайлович Быков, непосредственный участник подготовки казни Николая второго и его семьи, опубликовал статью «Последние дни последнего царя». Эту работу колчаковский следователь Н.А.Соколов посчитал очень важным хотя и тенденциозным материалом. Быков был ознакомлен с материалами его следствия и книгой «Убийство царской семьи», и получил партийное задание написать книгу на ту же тему, но с большевистской позиции.

В 1926 году П.М.Быков выпустил в Свердловске книгу «Последние дни Романовых», в которой были перечислены фамилии принимавших участие в казнях членов династии Романовых в июне-июле 1918 года. Бажов и Быков после возвращения Павла Петровича в Екатеринбург в 1921 году не один раз встречались на конференциях работников советской печати.

С октября по декабрь 1918 года, по свидетельству Бажова, были выпущены еще около 30 номеров. Но в декабре в Перми Бажов попадает в плен, затем бежит в колчаковский тыл, встречается с семьей в Камышлове, потом занимается подпольной работой в Сибири, участвует в партизанском движении, находится в гуще революционной борьбы до окончательной победы Советской власти на Урале и в Сибири.

ПРО «ВОДОЛАЗОВ»

Во фронтовой обстановке 1918 года Бажов услышал от «старика-добровольца из деревни Байновой, близ Каменского завода, в бывшем Камышловском уезде» быль про «водолазов». Так в народе называли священников, которых взбунтовавшиеся уральские крестьяне Камышловской, Ирбитской и Шадринской волостей в ходе «крестьянского восстания, известного в истории Урала под именем картофельного бунта 1842 года», протаскивали на вожжах подо льдом от одной проруби в другую, или окунали в колодцы. «...Не всякий живой остался. Захлебнулись которые».

Так возмущенные крестьяне доискивались правды и хотели увидеть царскую грамоту, которую от них утаили, прочитав с церковного амвона совсем другую, как они считали, подложную. Согласно этой «подложной грамоте» им предписывалось «в обязательном порядке по осьминнику на каждый двор картошку садить. И чтоб семена свои были», тогда как семян этой самой картошки им взять было негде. За неповиновение указу им грозили... «битьем и каторгой».

Страшную историю Бажов положил в основу первого сказа «Про водолазов» и опубликовал сказ в 1936 году в сборнике «Дореволюционный фольклор Урала». В сборник вошли еще три написанные тогда же сказа: «Дорогое имячко», «Медной горы хозяйка», «Про великого полоза», затем включенные в первое издание «Малахитовой шкатулки» 1939 года.

Услышанный от красного партизана рассказ подтверждает сложившееся веками недоверие крестьян и заводских рабочих к священнослужителям и объясняет те массовые зверства, происходившие уже в годы Гражданской войны, когда священников избивали, топили в реках и убивали, но уже как приверженцев старой власти и пособников контрреволюции.

За период с 1917 по 1926 годы насильственной смертью погибло 1,6 тысяч священнослужителей или 2 процента от общего числа священнослужителей РПЦ в эти годы.

7 октября 1918 года 1-й Крестьянский Коммунистический полк, оказавшись в окружении после внезапного прорыва фронта Чехословацким корпусом, захвата Нижнего Тагила и станции Сан-Донато, покидал Нижнюю Салду. Уходили и сформированные из салдинцев отряды добровольцев. Все пути к отступлению были отрезаны, из окружения полк прорывался с боями, оставляя за собой кровавый след. Всех заложников, взятых в Ирбите и Алапаевске, священников Алексия Кузнецова и Петра Дьякова, захваченных в Верхней Салде, красноармейцы расстреляли недалеко от железнодорожной станции и сбросили в смоляные ямы.

Страшную картину представляло место расправы. Смоляные ямы были заполнены мертвыми истерзанными телами, а поверх всех нашли тело отца Алексия Кузнецова. И по словам очевидцев: «ярко горел крест на его груди...»

Неполный список убитых по ходу отступления и боев 1-го Крестьянского полка в районе его действия от Далматово до Кушвы включает имена более двадцати священников, принявших мученическую смерть от рук красноармейцев. Павел Петрович Бажов из рассказов очевидцев или непосредственных исполнителей не мог не знать о расправах над священниками. Позже он писал: «Методы достижения поставленных целей у Красных Орлов неоправданно грубы и заслуживают самого большого порицания...»

БУМЕРАНГ

Но окопная правда бумерангом вернулась к П.П.Бажову в середине 1930-х годов, когда им были написаны по архивным данным, публикациям газет «Рабоче-крестьянской правды», «Путь коммунизма» и воспоминаниям участников два исторических очерка – «Бойцы первого призыва» и «Формирование на ходу». Очерки воссоздавали историю создания и боевой путь двух полков: 1-го Крестьянского коммунистического полка, полк первым получил революционное Красное знамя ВЦИК и был переименован по указу от 22.10.1918 в полк Красных Орлов, и 1-го Камышловского 254-го полка 29-й стрелковой дивизии в составе 3-й армии Восточного фронта.

Это было сложное для исторической науки время, отмеченное идейной стагнацией. В сентябре 1931 года журнал «Пролетарская революция» опубликовал статью И.В.Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма». В ней содержалось прямое указание прекратить дискуссию по ряду политических вопросов, представляющих аксиомы большевизма, и потому не ставившихся под сомнение. Обвиняя участников дискуссии в троцкизме и измене рабочему классу, И.В.Сталин потребовал освещать историю только с точки зрения интересов коммунистической партии, утверждая «научный большевистский подход».

Оба очерка Бажова держались именно этой официальной трактовки Гражданской войны, согласно которой никакие человеческие жертвы не являются чрезмерными в борьбе за осуществление социалистических идеалов. Очерки были написанные по заданию истпарта, вышли один за другим в 1934 и в 1936 году и попали «в полосу» Большого террора.

Но бумеранг летит и, если не попадает точно в цель, то возвращается и поражает «охотника». В январе 1937 года за книги «Бойцы первого призыва» и «Формирование на ходу» Бажов был исключен из партии, снят с работы в Свердловском книжном издательстве потому, что использовал при написании книг воспоминания участников Гражданской войны, объявленных к моменту выхода книг врагами народа.

Писателю по доносу М.Кашеварова (уже второму, первый был в 1933 году), было предъявлено обвинение в преувеличении заслуг врагов народа. М.И.Васильев, бывший комдивом 29-й стрелковой дивизии, другие полковые герои Гражданской войны, стоявшие у истоков создания первых регулярных частей Красной армии, приводившие в движение колесо Красного террора, воевавшие за советскую республику, были репрессированы. Их обвиняли в троцкизме, вредительстве и искажении линии партии в вопросах построения нового общества.

Исторические очерки «Бойцы первого призыва» и «Формирование на ходу» изъяли как антисоветские, популяризирующие врагов народа и надолго закрыли в спецхранах.

И только в 1958 году к 40-летию победы Советской власти очерки были переизданы с предисловием маршала Советского Союза Филиппа Ивановича Голикова (1900–1980), в 1918 году бывшего рядовым бойцом-пулеметчиком 1-го Крестьянского коммунистического полка Красных Орлов. Ф.Голиков на коротких привалах вел дневник и писал корреспонденции в дивизионную газету «Окопная правда» и газету 3-й армии «Красный набат». На основе дневниковых записей того периода Ф.И.Голиков в 1959 году выпустил книгу воспоминаний «Красные Орлы», имевшую второе название «Окаянные

дни». И едва ли воспоминания пулеметчика-маршала перекликаются с дневниковыми записями И.А.Бунина, воспринявшего революцию и Гражданскую войну как национальную катастрофу.

СКАЗЫ

Да, тяжелыми выдались для Бажова тридцатые годы. В среде изучавших его биографию этого периода не принято говорить о глубоком творческом кризисе, один за другим появлялись сказы, первое издание «Малахитовой шкатулки» 1939 года принесло ее автору всесоюзную известность, но... Но обратиться к более благодатному (дореволюционному) периоду уральской истории, отвлекшись от неудач и гонений, последовавших за его очерками о Гражданской войне, книгах по крестьянскому вопросу и так и не вышедшей книге о строительстве Камского целлюлозно-бумажного комбината, заставила именно вынужденная годовая изоляция после исключения из партии и увольнения из редакции.

Была и повестка из НКВД: явиться в такой-то кабинет. Павлу Петровичу собрали «арестный чемоданчик», попрощавшись с близкими, он пошел. У кабинета просидел весь день. Ждал, но не вызвали. И Бажов вернулся домой на Чапаева, 11, запер калитку и год с лишним на улицу не выходил. Разрабатывал огород, выкорчевывал из земли и дробил большие камни, складывал их в кучи, разбивал гряды, садил картошку и разную огородную мелочь, а вечерами разбирал бумаги двадцатилетней давности с фольклорными записями. В Свердловском НКВД в тот момент начались перекрестные репрессии: сажали следователей 1937 года. Про Бажова просто забыли. А он про себя и не напоминал. Бумаги, которые разбирал, оформились в «Малахитовую шкатулку». Бажов написал ее за эти полтора года, ожидая ареста.

И это был глубокий внутренний кризис Бажова, затронувший мировоззрение, сложившуюся и во многом устоявшуюся систему партийной морали и взглядов.

И еще – желание выжить.

Но чтобы выжить и открыть новую дверь, нужно было плотно закрыть другие – в недавнее революционное прошлое и пришедшее ему на смену зыбкое и зловещее настоящее.

Сказы стали новой реальностью Бажова.

Так описывает Александра Самойловна, вдова А.П.Бондина, Бажова, приехавшего на похороны А.П.Бондина – его старого товарища, скоропостижно скончавшегося 7 ноября 1939 года: «...Оглянувшись, я увидела невысокого, коренастого человека с пушистой седеющей бородой. Светлые глаза проникновенно, с каким-то глубоким сочувствием, с каким-то желанием пробудить во мне силу, глядели на меня.

– Вот при каких обстоятельствах, Александра Самойловна, пришлось нам познакомится...

Пожимая руку, он продолжал глядеть своими говорящими глазами. Я точно читала в них и скорбь по уведшему другу, соратнику в литературных боях, и призыв: «Будь мужественна!»

Именно этот образ Бажова, мудрого старца с седой бородой, стал хрестоматийным, многократно повторяющимся во всех изданиях Сказов, многочисленных портретах, парадных или лубочных.

Бажовым написаны 56 сказов, из них «детского толка», как говорил сам Павел Петрович, только три: «Огневушка-поскакушка», «Серебряное копытце», «Голубая змейка». Оценивая в одном из интервью наследие писателя, заведующий домом-музеем Бажова, отмечает: «Время Бажова еще не настало: до сих пор он до конца не понят и не раскрыт...», хотя «...на одну страницу текстов сегодня приходится 20 страниц исследований – и это по самым скромным подсчетам! На деле их гораздо больше».

Именно поэтому в поисках истинной идентичности последующим поколениям придется «примерить на себя» образы, созданные Бажовым. И, как знать, не станут ли они малы, как и полушубок с царского плеча «новым парамоновым» или подойдут, как змеиная кожа Хозяйки медной горы.

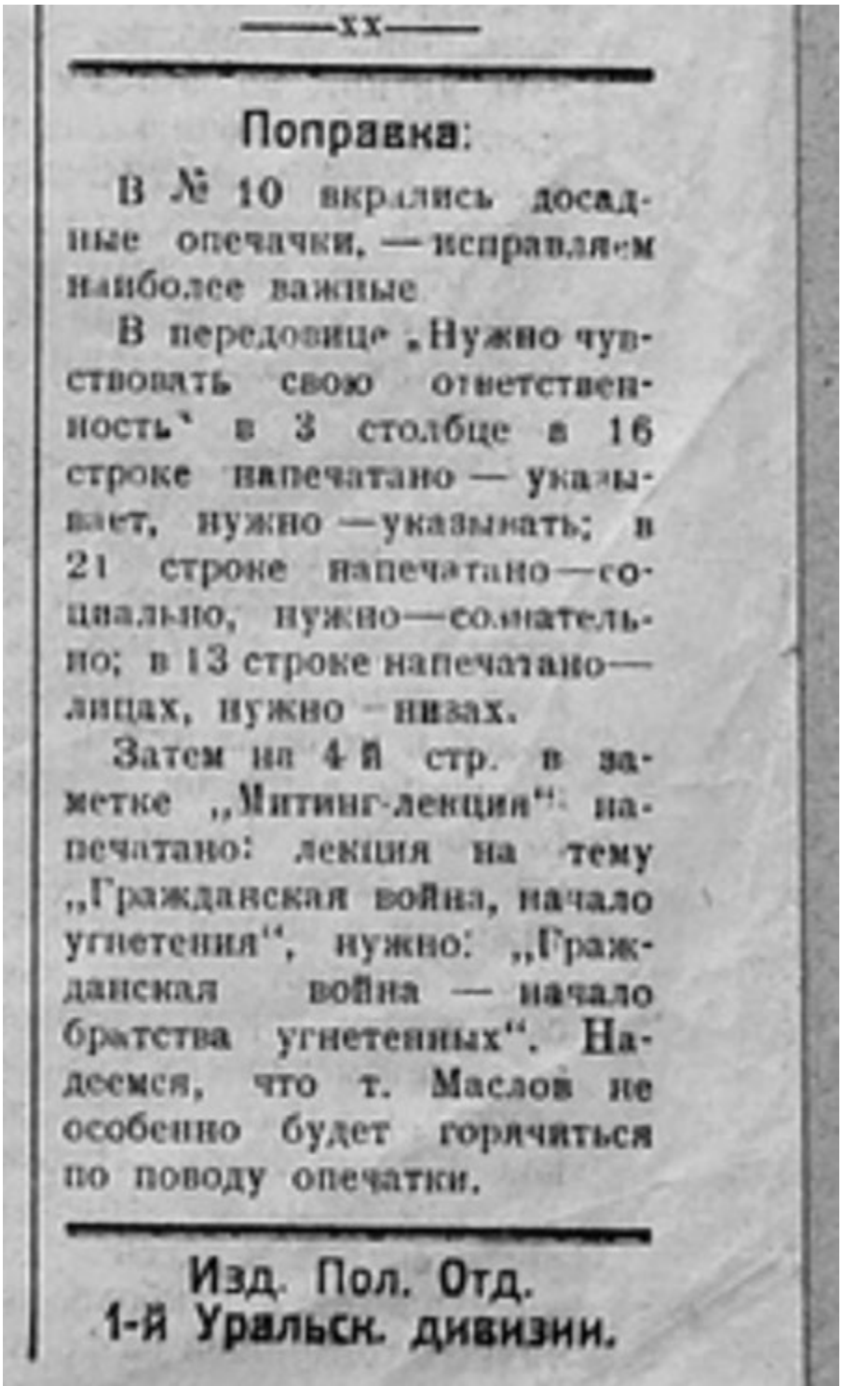
МОГИЛА И ОКРУЖЕНИЕ

Путь к могиле Бажова на Ивановском кладбище Екатеринбурга начинается от Мемориала героям революции и Гражданской войны, торжественно открытого 6 ноября 1987 года к 70-летию Советской власти. На пилонах высечено 280 имен коммунистов, анархистов, меньшевиков, погибших в годы Гражданской войны и в годы репрессий. Где-то в глубине кладбища есть и братская могила 396 воинов Чехословацкого корпуса, павших на чужой земле (из 55 тысяч легионеров пало 1300). Всех уровняло время и положило в одну землю. Мемориал же представлен десятиметровой стеной в виде полукольца с разрывом посередине для прохода на Ивановское кладбище, главная аллея которого приведет к памятнику на могиле П.П.Бажова.

Писатель скончался в 3 декабря 1950 года. В 1961 на месте погребения установлен пятиметровый памятник. Кажется, что фигура Бажова несколькими высокими елями и светлыми березами отделена от прочих захоронений, окруживших писательскую горку тесными рядами памятников и оградок. Но даже после смерти его настиг «жизненный пласт», о котором он так и не оставил воспоминаний. Всего в десяти метрах – могила Петра Ермакова (1884–1952) – еще одного организатора и исполнителя расстрела царской семьи. Именно из нагана Ермакова был убит последний царь, именно он, по свидетельствам расстрельной команды, с особой жестокостью добивал княжон штыком. Памятник Ермакова обращен лицевой стороной к скульптурной фигуре Бажова. И как знать, о чем они теперь говорят...

ПОПРАВКИ

И опять выдержка из самого последнего материала, помещенного на 4-й странице «в подвале» 11 номера «Окопной правды» от 2 октября 1918 года.

—xx—

Поправка:

В № 10 вкрались досадные опечатки, — исправляем наиболее важные.

В передовице „Нужно чувствовать свою ответственность" в 3 столбце в 16 строке напечатано — указывает, нужно — указывать; в 21 строке напечатано — социально, нужно — сознательно; в 13 строке напечатано — лицах, нужно — низах.

Затем на 4 й стр. в заметке „Митинг-лекция" напечатано: лекция на тему „Гражданская война, начало угнетения", нужно: „Гражданская война — начало братства угнетенных". Надеемся, что т. Маслов не особенно будет горячиться по поводу опечатки.

Изд. Пол. Отд.
1-й Уральск. дивизии.

Колонка газеты «Окопная правда»

«Поправки»: «В № 10 вкрались досадные опечатки, – исправляем наиболее важные. На 4-й стр. в заметке «Митинг-лекция» напечатано: лекция на тему «Гражданская война, начало угнетения», а нужно: «Гражданская война – начало братства угнетенных».

Вот ведь как, случайная опечатка могла быть и неслучайной и выдавала подсознательные мысли главного редактора фронтовой газеты, секретаря парторганизации штаба дивизии. Наверное, Бажов подсознательно уже задумывался о сущности новой власти... и «начале угнетения».

И, как всегда, мыслям, даже тайным, суждено сбываться.

О ЖИЗНИ ТОЙ, ЧТО БУШЕВАЛА ЗДЕСЬ...

Книга «О жизни той, что бушевала здесь...» посвящена истории образования и развития Свердловской киностудии. В ней рассказывается о первых двух десятилетиях существования Свердловской киностудии, несколько раз за это время менявшей направление своей деятельности и к концу 50-х годов превратившейся в кинокомбинат по производству художественных, документальных, хроникальных, научно-популярных и учебных фильмов.

Для широкого круга читателей.

Степан Недвига.

КУРЬИ НОГИ

Мы сказками предания зовем,
Мы глухи днем, мы дня не понимаем;
Но в сумраке мы сказками живем
И тишине доверчиво внимаем.
И.А.Бунин

Александр ЮДИН

Автор романов «Византийские каникулы», «Талисман империи», «Бикинский тупик», «Остров Сладулин», «Золотой лингам», «Пасынки бога». Неоднократно публиковался в российских и зарубежных журналах и сборниках. Живет в Москве.

Сергей ЮДИН

Автор романа «Золотой лингам» (в соавторстве с А.В. Юдиным). Публиковался в российских и зарубежных журналах и сборниках. Живет в Москве.

– Ну, вот она, Бедокуриха твоя и есть. – Антон, водитель колхозной «полуторки», остановил грузовик на разъезженной проселочной дороге и указал в сторону двух десятков бревенчатых изб, прилепившихся к изножью безлесной горы, вздымающейся над малахитовым морем Восточносибирской тайги. – Прибыли! Завтра поутру, часов эдак в шесть, как буду, значица, обратно ехать, тебя подберу. Только ты уж, паря, не проспи, на своих двоих отседова ни в жисть не выбраться, а другой попутки неделю ждать – не дождешься. Лады?

– Лады, – согласился Кирилл, подхватил брезентовый рюкзак, красно-белую спортивную сумку из кожзама с символикой Олимпиады-80 и спрыгнул на раскисшую после недавнего дождя землю. Накинул рюкзак на плечи, вдохнул полной грудью дурманящий, пропитанный запахами багульника и хвои воздух и бодро зашагал в гору.

В это дремучее, даже по меркам Забайкалья, захолустье Кирилла Хомутова – тридцатилетнего научного сотрудника Бурятского института общественных наук, забросила не судьба и не пустая блажь, а работа над кандидатской диссертацией. Он собирал былички и бывальщины, бытующие среди местного русского населения, руководствуясь заранее составленной картой перспективного исследования. Защита планировалась уже в следующем, 1981 году, а потому время поджимало.

За лето Кирилл успел объехать более тридцати сел и деревень Читинской области и, вообще-то, материала добыл с избытком. Так что Бедокуриха являлась конечным пунктом его командировки. Эту деревню Хомутову порекомендовал научный руководитель, заведовавший в их институте сектором русско-сибирского фольклора, профессор Вершинин. Профессор сам заезжал в здешние места лет пять назад и уверил Кирилла, что селение это как-то особенно богато старожилами-долгожителями, до сих пор хранящими в памяти целый кладезь мифологических рассказов нужной тематики.

На полпути к деревне Кирилл остановился, вытащил из надорванной пачки «Астры» плоскую сигаретку и попытался прикурить. Но спички отсырели и никак не хотели вспыхивать. Чертыхнувшись, он снял кепку и принялся тереть спичку о волосы – проверенный способ, не раз его выручавший. Просушив спичку и добыв огонь, он глубоко затянулся, задумчиво обозревая окрестности.

Августовский день был пасмурен, но душен, как случается перед грозой; низкие тяжелые облака, при полном безветрии недвижимо зависшие над горой, едва не касались ее вершины. Кирилл утер кепкой пот со лба и продолжил подъем.

Тропа, змеящаяся среди сырого разнотравья, вывела его к первому жилью – стоявшей на отшибе невысокой, без подклета избе, рубленной из кондовой лиственницы. Окинув строение взглядом, Кирилл аж присвистнул: на вид тому было лет сто, когда не более. Что ж, оставалось надеяться, что и хозяева окажутся под стать дому. Вот только смотрелась изба както... мрачновато, даже зловеще. Глубоко – венца на два, вросшая в землю, заметно покосившаяся, насупившаяся на белый свет мас-

сивным охлупнем, она напоминала давно пережившую свой век, но все еще суровую и властную старуху.

Кирилл постучал в невысокую дверь и прислушался. Кажется, в избе кто-то разговаривал. Он постучал еще раз. «Отворено!» – донесся изнутри женский голос. Он толкнул дверь, пригнувшись, шагнул в сени и едва не оступился – пол в сенях находился изрядно ниже уровня земли. Когда глаза привыкли к сумраку, он разглядел, что стены помещения обшиты толстыми некрашеными тесинами; на вбитых крюках висела одежда: овчинный тулуп, пара ватников и еще что-то; на полу под тулупом и ватниками выстроились резиновые сапоги, валенки, другая нехитрая обувка, по виду – женская, порядком заношенная, углы заставлены всяким хозяйственным скарбом.

Тут вторая, ведущая из сеней в избу, дверь распахнулась и к нему вышла женщина лет семидесяти с гаком или восьмидесяти. Долговязая, жилистая, лицом она была худа и скуласта, близко посаженные глаза-буравчики смотрели проницательно и остро. Кирилл представился – мол, ученый из города, здесь по заданию института и все такое; коротко, давно обкатанными фразами, объяснил цель визита: дескать, ездит по деревням, обходит наиболее уважаемых и знающих жителей и записывает необычные истории, что случались с ними или с их близкими в прежние времена.

– Заходи, раз из эдакой дали приехал, – заявила хозяйка. – Не шибко я поняла, что за дело у тебя, ну да ладно, за столом растолкуешь.

Горница в целом гармонировала с внешним обличьем избы: полати, глинобитная печь едва не в полпомещения, тяжелый потолок из сплошного круглого накатника, стены, сложенные из гладко отесанных бревен, по стенам – широкие лавки. Снижал впечатление старенький черно-белый «Рекорд-67» в красном углу.

За длинным столом сидели две старушки, перед каждой дымилась чашка с горячим чаем, тут же стояли сахарница, вазочки с вареньем, глубокая миска с баранками и накрытый тряпицей чугунок. Старушки лишь улыбчиво покивали гостю и вновь вперились в экран – показывали третью серию «Цыгана».

– Ты, мил человек, посиди пока тихонько, – негромко сказала хозяйка, указывая на лавку, – кино скоро кончится, тогда и поговорим.

– Уж больно фильм хорош, – извиняющимся тоном пояснила одна из сидящих перед телевизором бабулек.

– Тише ты, Фёкла, – тут же шикнула на нее вторая.

Кирилл послушно присел на лавку, с интересом осматриваясь. Кажется, ему повезло – в первой же избе застал сразу трех местных старожилок. Теперь главное – разговорить бабулек, направив разговор в нужное русло. А для этого необходимо найти к ним подход. Насчет хозяйки, несмотря на ее внешнюю суровость, он не переживал. Кирилл убедился на опыте, если уж пригласили в дом, не отказали, сославшись на занятость или иные причины, то дело пойдет. А коли еще и за стол усадят, тогда и вовсе. Но что с остальными двумя? Наверняка, это соседки, зашедшие на фильм, скорее всего ровесницы хозяйки. Выглядели они вполне добродушно: маленькие и плотные, румянощекие и похожие одна на другую, точно сестры-близнецы, старушки напоминали пару сказочных колобков.

Наконец, пошли титры, хозяйка выключила телевизор и пригласила гостя к столу. Кирилл, не тратя времени, вытащил из рюкзака кулек конфет, две пачки печенья «Земляничное» и поллитра «Зубровки».

– Гляди, Устинья, гость-то у тебя какой знатный, – с веселым квохтаньем заметила одна из румяных старушек, – с гостинцами, не абы что. Сразу видать – городской, культурный.

– А что, там у вас в городе не слыхать, – спросила вторая, – поладят Будулай с Клавдей, ли чё ли?

– Погодь ты, Евдокия, со своим Будулаем, – оборвала ее хозяйка. – Человек не кино смотреть приехал, а по делу. – И обращаясь к Кириллу, заявила: – За конфеты спасибо, а казенку прибери, у меня наливка домашняя есть, на травах да ягодах. Да и крепка она для нас, казенка-то, сколь там... у-у! сорок градусов! Прибери, прибери. Так что у тебя, говоришь, за надобность?

– Что ж, Устинья, мы пойдем, пожалуй, – засобирались Фёкла с Евдокией.

Но Кирилл, включив всё свое обаяние, упросил обеих бабулек остаться, поскольку, дескать, в его деле и они очень помочь могут. Хозяйка дома – Устинья, принесла тем временем обещанную наливку в пузатой литровой бутыли темно-зеленого стекла и поставила перед гостем миску с пирожками.

– Откушайте с дороги. Эти – с капустой, а те – с яйцом и луком. Холодные, правда, дак, кто ж знал...

Кирилл заверил, что холодные пирожки его самое любимое блюдо, представился, рассказал кто он и откуда, и как мог доходчивее объяснил, с какой целью пожаловал в их деревню.

– Так тебе что ж надо-то? – с недоумением уточнила Фёкла. – Нешто сказки? Я какие, может, и знала раньше, все запамятовала. И не мастерица я сказки-то сказывать. Это тебе лучше к Корякиной Прасковье, она...

– Нет, нет, нет! – перебил ее Кирилл. – Мне нужны от вас не сказки, а былички, бывальщины. Сказки это про то, что никогда не было, ну: «В некотором царстве, в некотором государстве...», а меня интересуют истории, которые на самом деле случились – или с вами или со знакомыми вашими, односельчанами там, или с кем-то из родственников, понимаете? Но только истории необычные – волшебные. Про колдовство, приворот, про домовых да леших, про покойников, про то, как хомуты надевали и тому подобное. В общем, удивительные истории, чу-

десные даже, но не выдуманные, а настоящие. Знаете, такие?

Женщины переглянулись, покачивая головами и задумчиво вздыхая. Долговязая Устинья молча поднялась, принесла три стеклянные рюмки с золотыми ободками и распорядилась:

– Давай-ка, наперво, наливки моей спробуй, а там, глядишь, и вспомним чего.

Выпив наливки, которая и впрямь оказалась весьма вкусна, все некоторое время молча жевали. Потом хозяйка, ткнув надкусанным пирожком в Евдокию, заявила:

– Слышь-ка, Даниловна, расскажи человеку про тот случай, что с твоим свекром, с Егором Кузьмичом был.

– И верно, – поддержала ее Фёкла, – давай, Дуня, сказывай про свекра. А ты, Устинья, наливочки нам еще плескани. Ой, до чего у тебя наливочка вкусна, до чего вкусна! Так бы, кажись, пила бы да пила.

– Пить – не дрова рубить, – с усмешкой заметила хозяйка, наполняя, тем не менее, рюмки тягучей жидкостью. Ну, Даниловна, вспомнила про Кузьмича? Расскажешь?

– Отчего не рассказать? – легко согласилась Евдокия. – Расскажу.

– Погодите минутку! – всполошился Кирилл. – Я сейчас, мне же надо всё подготовить.

Он вытащил из спортивной сумки кассетный магнитофон «Электроника-301» московского завода ТочМаш, бережно (вещь казенная) положил на стол, подключил микрофон и вставил чистую кассету МК-60; потом достал из той же сумки пухлую записную книжку и приготовил ручку.

– Мне необходимо записать ваши полные данные: фамилию, имя, отчество и год рождения, – объяснил он и извинительным тоном добавил: – Такой порядок.

– Пиши, раз порядок, – не стала возражать старушка. – Мосолова я, Евдокия Даниловна, родилась здесь же, в Бедокурихе, в девяносто третьем годе.

– Так вам, Евдокия Даниловна, восемьдесят семь лет? – поразился Кирилл. – Никогда бы не дал.

– А что ж? – пожала та пухлыми плечиками. – Младшая я.

– Младшая? – не понял Кирилл.

– Ага, младшая. Сестра-то, – старушка кивнула на свою соседку, – на два года меня старше будет. Так, Фёкла?

– Где на два-то? – возмутилась Фёкла. – На год и девять месяцев только!

– Ну, пусть, – согласилась Евдокия. – А Устинья нас обеих старшее.

– Давайте, я и ваши данные сразу запишу, – обратился Кирилл к хозяйке.

– Устинья Тимофеевна Полоротова, – с готовностью ответила та, – с тысяча восемьсот восемьдесят шестого году по пачпарту. Показать, ли чё ли?

– Если несложно, Устинья Тимофеевна.

Хозяйка поднялась и скрылась за занавеской, которой был отделен кутный угол. Вернувшись, протянула Кириллу документ.

– По выписи из метрической книги дату сверяли, – пояснила она.

Кирилл только головой покачал. Зафиксировав данные всех трех женщин, он нажал на магнитофоне нужную клавишу и сказал:

– Ну, Евдокия Даниловна, мы готовы выслушать ваш рассказ.

– Это что ж, – спросила старушка, указывая на микрофон, – в энту штуку говорить надо?

– Вы говорите, как обычно, а на штуку не обращайте внимания.

– Ну что ж, мил человек, слухай... – заговорила старуха Мосолова, поудобнее устраиваясь на лавке и поправляя концы завязанного под пухлым подбородком платка, – случилось это не в нашей Бедокурихе, а в Нижней Куенге. Ну не в ней самой, а рядом то исть...

– Погодь-ка, Даниловна, – прервала ее Устинья, – время-то позднее, да и неведомо, сколь мы тут пробалакаем, так я покудова загодя всё уж приготовлю, чтобы после по избе не скакать...

С этими словами хозяйка схватила со стола оловянную плошку, споро наполнила ее пшенной кашей из стоящего тут же чугунка и вновь поднялась со своего места. Поставив плошку на шесток русской печи и вернувшись к столу, она сочла нужным пояснить:

– Я, вишь, паря, печь-то недавно протопила, так что каша до ночи не простынет. Хозяин, он, знамо дело, теплое любит, холодного не уважает, обиду затаить может.

– Какой хозяин? – насторожился Кирилл. – Вы, Устинья Тимофеевна, еще кого-то ждете? Ваш... э-э-э... супруг должен вернуться?

– Какой-такой супруг? – удивилась Устинья. – Ты про мужа нешто? Так мужа у меня сроду не бывало. Всю жизнь проходила в девках...

– Кому же тогда вы кашу оставляете?

– Экий ты бестолковый, – вздохнула Устинья. – Известно кому, хозяину! Суседке. Домовому то исть.

– Вот как? Это просто замечательно! – оживился Кирилл. – Просто великолепно! А мне вы после расскажете про домовых-суседок?

– Зачем же после? Ты ж, милок, Евдокию хотел слушать, она и расскажет. А ты, Даниловна, чего примолкла? Начинай уж, гость-то, поди, заждался...

Евдокия Даниловна пригубила наливки и начала рассказ:

– Я и говорю, то не у нас в Бедокурихе случилось, а в Сретенском, значится, районе... Там свекор-то мой, Егор Кузьмич, на лесопилке работал. А было это годков эдак сорок, а то и поболе, назад. Егор, он, страсть как охоту уважал, любил, мил человек, по лесу шастать, берданом баловаться. Птицу всякую добывал, зайцев промышлял, лису, куничку опять же вываживал... Иной раз дня по три, а то ажно и по цельной седмице, пропадал в лесу, у него там по разным удобным местам сидьбы – шалаши, по-вашему – наставлены были. А уж коли сильно надолго застрянет, для тех целей охотничья заимка имелась. Добротная,

рубленая, с буржуйкой, лежаком и всеми делами...

– Ты, Дуняша, сама нешто с Кузьмичом на охоту хаживала? – рассыпалась квохчущим смешком Фёкла. – Лежанку ему грела?

– Цыц! – прикрикнула на нее сестра. – Уж коли баю, так, стало быть, ведаю! Егор мне разов сто случай тот рассказывал, во всех, почитай, подробностях... И не встревай более, сиди да помалкивай... Так вот, значится, както раз по осени застрял он в лесу надолго – не то уж больно много дичи промышлялось, не то мало, не упомню. Ну, застрял и застрял, сторожка-то на что? Он туда. А дело к ночи. Вот он буржуйку затопил, еды какой-никакой в манерке состряпал, пожевал да спать собрался. И что ты думаешь: забыл про суседку-то! То исть всё сам схарчил, а домовому ни крошки, ни на синь-пороху не оставил. Уставший был, вот и запамятовал, сердешный. Ладно. Лёг, значится. И только-то засыпать начал – стук, дверь открывается, а на пороге девка в рыжем платье. Коса длинна, сопатка ряба и изо рта три зуба торчат – один снизу да два сверху. Что, думает, за оказия! А девка ему, свекру-то исть: позволь, дескать, мил человек, у тебя на заимке переночевать; в лесу, мол, заблудилась, покуда грибы рвала да ягоды собирала. Егор ее пытает: кто такова и звать как. А она: по-разному люди кличут – кто Дунькою, кто Акулькою. Тут свекор смекнул: не иначе – то кикимора в гости к нему пожаловала. Ладно. Заходи, говорит, только лежак у меня один, так ты на пол курмушку мою, куртку то исть, брось, да располагайся себе. А что делать? Не пустишь, она снаружи что-нибудь да набедокурит – сторожку подожжет или еще чего, а пустишь – тоже беда, но так хоть на глазах будет, уследить можно. Легла, стало быть. У свекра, ясно дело, сна уже ни в одном глазу, с боку на бок ворочается, ждет, что дале будет. И правда, часу не прошло, Дунька-Акулька с курмушки подымается, да тихо эдак на карачках к свекровой лежанке ползет. Егор-то хотел вскочить, да куды! Руки-ноги будто отсохли, и пальцем шевельнуть не может! Да и видит, это уж не девка вовсе, а рысь, самая что ни на есть настоящая, шипит, к нему крадется! Пасть ощерена, с клыков слюна течет, глаза точно плошки, желтым огнем горят... Страх, да и только! Егор и думает: ну, видно, смерть моя пришла, до берданы не дотянуться, руки вовсе онемели, дышать уж и то невмочь, лежит колодой, стонет... Только-то собрался напоследок молитву Богородице вознесть, как вдруг из самого темного угла, что за буржуйкой, вылазит ктой-то – большой, мохнатый – совсем вроде здоровенного мужика в бараньем тулупе, токмо лица не видать, борода одна... Вылез, упал на рысь и давай ее давить. Давит и рычит! Давит и рычит! Глядь, рысь уж не рысь, а та прежняя рябая девка – извивается, пищит, стонет, вырваться хочет... У свекра враз онемение прошло, он с лежака-то вскочил и за бердану... Но тут и исчезло всё – и мужик и девка – как не было никого! Егор к тому месту, где они боролись, подбёг и видит: лежит на полу мала куколка, тряпицей грязной обмотана. Ну он, понятно дело, схватил эту куколку да скорей в печку железну и бросил – как завизжало оттудова, как искрами шибануло! – и всё, не стало кикиморы. Вона как бывает...

– Замечательная быличка! Такая колоритная... – начал было Кирилл привычные славословия.

– Да погоди ты, заполошный, – тут же окоротила гостя Евдокия Даниловна. – Слухай, что дале было... Так вот, значится, поуспокоился Кузьмич, снова спать наладился. Да едва прилег – опять стук, дверь с грохотом настежь, а на пороге огромадный дед в бахановом зипуне и треухе куньем; сам, вишь ты, черный, мохнатый, кряжистый, что твой дуб, весь волосьями порос, борода лопатой, зенки махоньки, злые. В одной руке – дубина корзоватая, вроде посоха, во второй – коровий недоуздок. Ну и тоже, как водится, просится переночевать: у меня, мол, буренка в лес убегла, я ее целый день шукал, да всё зря, только, вот, провалandался до ночи понапрасну. Свекор и его пытает: кто таков, я в округе, почитай, всех знаю, а тебя, дед, не припомню. Старик в ответ: ну, коли не припомнишь, зови меня «старик Шатун». Свекор, знамо дело, враз смекнул, кто перед ним. Да и то молвить, какой дурень не догадался бы? Леший, он и в Чухломе – леший! Что тут поделаешь? Не откажешь. Лешему и приглашения без надобности, кругом его, Лесного Хозяина, владения. Старик Шатун и правда особого знаку дожидаться не стал, вошел, осмотрелся, растянулся прямо вдоль порога и захрапел. Егор бердану подтянул поближе, подле изголовья поставил и лежит сам не свой, а что дале стрясется, и помыслить опасается. Только думает, зря он в изголовье топор не положил, потому как говорят, от лесовиков – это первое средство. Вона как... Ну и точно, часу не минуло, видит Егор, неладное творится: заворочался старик, захрипел, заурчал – совсем медведь в берлоге, а после приподнялся, на карачки встал и давай к лежанке красться. Егор присмотрелся, а ведь то и взаправду никакой не старик вовсе, а медведь! Лапищи здоровущие, когти на них вершка под два, черные... Глазелки алым огнем пыхают, пасть зубастая, да такая, что, кажись, в нее и полтеленка враз поместится, а смрад из той пасти, будто из выгребной ямины! Свекор было к бердане, да не поспел – сызнова его паралич хватил! – лежит, болезный, чурбак чурбаком, не шелохнется, от смертного ужасу холодным потом обливается. И опять, как и в прошлый-то раз, выскакивает вдруг из-за печи ктой-то мохнатый в бараньем тулупе, кидается сверху на того медведя и давай чудище энто давить что есть мочи. Давит и рычит! Давит и рычит! Егор враз приободрился: ну, думает, не пора мне еще помирать, может статься, поживу еще маленько. Вона мой защитник каков, того и гляди, задавит проклятого лешака!.. Ага, ладно. Токмо не тут-то было. Медведь

рыкнул раз, рыкнул другой, да и стряхнул с себя запечного мужика! Уселся на него всей-то тушею и давай теперь сам его давить, лапами рвать да зубищами грызть. Мужик не сдается, отбивается, но, по всему видать, тают его силы, а медвежьи – возрастают. Свекор, видя такое дело, попробовал руками пошевелить – хотя и с трудом, но получилось у него до берданы дотянуться, – ухватил он кое-как ружье, прицелился медведю прям в башку, да и пальнул!.. Смотрит, а тому хоть бы хны, даже и не вздрогнуло чудище поганое... И тут услыхал Егор Кузьмич голос, но не въяве, а будто бы прямо в его голове звучащий: «Беги, Егорка! Беги, покуда не одеревенел вовсе. Не удержать мне твоего недруга, не сладить с ним. Давно я пищи человечьей не едал, ослабел совсем, вот и одолевает меня старик Шатун». Тогда-то и вспомнил свекор, и пожалел горько, что позабыл с вечеру оставить провизии домовому. Пожалел, да поздно. Впрочем, сполз кое-как с лежака, дотащился до двери и наружу вывалился. А там враз почуял – вернулись к нему силы, спало онемение членов. Видно оттого, что лешак-то на заимке остался. Тут уж Егор мой руки в ноги, да и припустил таким прытяком, таким конем виноходным – ажно за полсуток до села добёг!.. Вот, милок, такая история со свекром моим случилась. Как сама слыхала, так и передаю, слово в слово, ни на синь-пороху не соврала, – заключила свой рассказ старуха.

– А со свекром, с Егором Кузьмичом, что сталось? – полюбопытствовал Кирилл.

– А что с ним, бугаём, станется? – со вздохом пожала плечами Евдокия Даниловна. – Ничего. Умом разве маленько тронулся, в лес уж боле не хаживал, бердану забросил, да и на лесопилке появлялся от случая к случаю – всё на завалинке сидел и казёнку трескал. А как, бывало, натрескается, непременно про домовых да кикимор с лешими патефон свой заводит.

Кирилл поставил запись на паузу.

Тем временем за окошком заметно потемнело, хотя для сумерек еще было рановато. Устинья щелкнула выключателем, и над столом зажглась одинокая лампочка в бумажном абажуре.

– Гроза, однако, сбирается, – заметила она и, обращаясь к Кириллу, спросила: – А ты что ж ничего не пьешь, не кушаешь? Иль не понравилась моя наливка?

– Очень понравилась, – заверил Кирилл.

– Вот и пей тогда, чего рот сушить.

– А и правда, Тимофевна, наливай, – махнула рукой Евдокия, – а то сидим ровно на поминках.

– Тьфу, ты, балаболка, – рассердилась Фёкла, – скажет, как в лужу...

– Чем собачиться, – захихикала Евдокия, – давай, сестрица, рассказывай, теперь твой черед.

– И расскажу, расскажу! – заверила Фёкла. – Я разных бывальщин поболе твово помню. Да вот хоть эта, слушайте...

Кирилл снял паузу и пододвинул микрофон поближе к рассказчице.

– Случилось это недалече от нас, в Шелопугине, – начала Фёкла Даниловна. – Жила там раньше одна девка-перестарок – Катериной звали – рябая, косоглазенькая да полоротенькая. Ко всему – сирота круглая. Ну, вот, по этой причине замуж ее, сиротку убогую, никто не брал. Да что там «замуж»! Парни и на улице норовили ее стороной обойти, а уж коли кому доведется встретить, тот непременно либо кукиш в кармане сложит, либо через плечо сплюнет – от сглазу. Потому слух шел, будто глаз у ней очень нехороший, дурной, несчастья приносит. Девки тоже Катерину не особо жаловали, не то ведьмой, не то шишигой почитали. Вранье ли, не ли – не скажу, не знаю. Но народ, он, мил человек, правду издаля чует, зря болтать не станет... Так вот и жила Катерина, маялась да тужила. И как не тужить: кругом, куда ни глянь, парочки милуются, сваты от избы к избе снуют, свадьбы справляют, а она – одна одинешенька, все-то ее сторонятся, все чураются... Бывало, парни с девками соберутся на завалинке, разговоры разговаривают, смеются, семечки лузгают, а только-то Катерина к ним подойдет, те так и прыснут в разны стороны, так и припустят прытяком, точно от какой чумной заразы. Ну, конечно, заскучала девка, закручинилась. Такая тоска черная на нее навалилась, инда сохнуть стала, хотя и без того тоща была – жердь жердью. А раз поутру вовсе ей невмоготу стало, не сдюжила она, вышла на крыльцо да и рявкнула в сердцах во всё-то горло: «Что ж такое деется! Хоть бы какой сатана меня в жены взял!» Только сказала, колокольца забренчали, кони заржали, глядь, а уж катятся к ее избе сваты с женихом. А жених – красавец писаный, росту саженного, сложения богатырского, одёжа – колхозному председателю носить впору. Обомлела девка, стоит, слова вымолвить не может... Ну, что там рассусоливать, коротко говоря, и опомниться Катерина наша не успела, как дело слажено оказалось – на третий день свадьбу играть назначили. Так вот. Молодая-то сама себя от радости не чуяла, ничего-то вокруг себя не примечала, не видела, токмо на суженого своего пялилась, да слезы счастливые лила. Как срок подошел, народу на свадьбу много собралось, всё боле со стороны жениха – у невесты-то, вишь, из родных никого, а деревенским тоже не больно охота у порченой гулять... Но жила тут же, в Шелопугине, одна малая девчушка – Лидка – годков тринадцати... Ты, Дуня, должна ее помнить, она нам какой-то родней приходилась, дальней... Эта-то Лидка почитай одна из всего села Катерины не чуралась. По малолетству да глупости, верно. Вот ее на свадьбу и пригласили. Она же, Лидка-то, после мне и рассказывала: дескать, расселись гости за стол, молодые – во главе, прочие, как водится, по бокам, ее же, малую, с краюшку, на уголок усадили. Ну, ясно дело, пить-есть принялись, за здравие молодых стаканы с первачом подымать;

чуть погодя и веселие пошло, раздухарились гости, гармонь заиграла, песни полились... Тут у Лидки, возьми, и ложка под стол упади. Полезла она за ней, смотрит и глазам не верит: почитай у всех гостей вместо ног конски копыта! Выглянула из-под стола-то: вроде опять всё хорошо, всё нормально – гости как гости, разве парни больно мордатые и горластые, да девки – чересчур бестыжие, а так ничего. Сунула голову обратно – как есть, конски копыта! Думает, мерещится ей верно – успела к тому времени самогону пригубить. Однако было у ней с собой стеклышко от лампадки, вот она и скумекала: дай-ка я сквозь него вокруг посмотрю. Лампадка та ведь непростая была, из самого Ерусалиму. Так и сделала: вытащила стеклышко, к глазам поднесла, да так и обомлела. Батюшки! Страсти-то какие! За столом уж не бабы с мужиками, не девки с парнями сидят – куды там! – одни чудища окаянные. Сопатки у всех не человечьи – звериные! У одного – морда лошадиная, у второго – собачья, у третьего – свиное рыло, другой – петушиной башкой на журавлиной шее крутит. Да каких харь только нет: лосиные, волчьи, медвежьи, лягушачьи, куньи – все пасти расщеперили, ржут, гогочут, рычат, зубами щелкают. Иных образин малая отродясь не видывала, эдакие и во сне не примерещатся. А коли примерещатся, так и ума лишиться недолго. И у каждого-то изо рта огонь пыхает! Навела Лидка стекло на жениха и чуть памяти не лишилась: вместо статного красавца сидит подле Катерины страхолюднейший дед, горб из-за спины видать, лапы – коряги гнилые, рожа вся зеленым мхом поросла, глаза кровавыми угольями горят, а на темени – роги длиннее бычачьих! Вот Лидка-то и надумала: надо скоренько отсель бежать, подобру-поздорову, а то, не ровен час, схарчат ее эти чудища, схарчат за милую душу и не подавятся. Но только она из-за стола подниматься стала, как соседка с жабьей сопаткой хвать ее за руку: мол, куда это ты, малая, навострилась? Или тебе веселие тутошнее не по нраву? Или гости не показались? Лидка, однако, не растерялась и отвечает, что ей, дескать, по малой нужде приспичило; сбегает и вернется. Жабья морда ее и отпустила. Ну, малая, как только за дверь, так бежать кинулась, только пятки засверкали; добегла до дому и давай криком кричать. Родные ее спрашивают, что да как, а она только и может ответить, что вот, мол, у Катерининых гостей в роте огонь!.. Знамо дело, никто малой не поверил, решили – дурит девка, наливки упилась. А через недолгое время запылал дом-то у Катерины, весь разом вспыхнул и в несколько минут, точно свечка сгорел. Как потушили его, никаких тел там не нашли, окромя Катерининого: едва внутрь вошли, тут и увидали – висит она, сиротинушка, вниз головой на потолочной матице, и кожа у ней вся сверху до низу ободрана, точно у телка на бойне...

– Это всё, Фёкла Даниловна? – уточнил Кирилл.

– Чего ж тебе еще? Сплясать, нешто?

Тут небо за окном расчертил ослепительный разряд молнии, и в тот же миг весь дом сотряс мощный громовой раскат. Следом по крыше забарабанили капли, дробь их становилась всё чаще и чаще, пока не слилась в один сплошной гул – начался ливень. Лампочка над столом замигала и погасла.

– Принесла нелегкая! Теперь суток двое впотьмах сидеть. – Устинья встала и с ворчанием скрылась в закуте.

– Типун те на язык! – всполошилась Фёкла. – Завтра четверта серия «Цыгана».

– Вот тебе и четверта серия, – заявила хозяйка, возвращаясь с зажженной керосиновой лампой и ставя ее в центр стола.

Закопченная лампа давала мало света, так что углы помещения тонули во мраке. Тусклое освещение, вспышки молний, громовые раскаты и нарастающий шум дождя порождали настроение тревожной загадочности, даже мистичности. Кирилл зябко передернул плечами и потянулся к рюмке.

– Устинья Тимофеевна, – обратился он к хозяйке, – порадуйте и вы нас какой-нибудь интересной бывальщиной.

Та усмехнулась в ответ, но ломаться не стала:

– Слушай, голубь... Припозднились мы, правда, ну да ладно, всё одно далеко мне до Фёклы с Евдохой, не такая языкастая... Вот ты давеча про колдунов справлялся...

Кирилл не помнил, чтобы спрашивал о чем-то подобном, но спорить, разумеется, не стал.

– Любопытствовал, есть ли такие воржецы на свете, которым черти служат, – продолжала старуха. – Не ведаю, как в нонешние времена, а раньше их порядком встречалось. В тутошних краях. Нынче-то знающие люди, может, и перевелись, больно хилый народец стал, квёлый да боязливый, собственной тени страшится, не то что с нечистым стакнуться... Однако ведь, не токмо у воржецов, у каждого человека свои черти имеются. Что Фёкла про Лидку-то малую рассказывала, помнишь? Так я эту Лидку тоже знавала, когда она уже замужней бабой была, да угланов штук пять или шесть народила. Муж-то у ней был отсюдова, вот она к нам, в Бедокуриху, вскорости и перебралась. И про шелопугинскую свадьбу от нее слыхала. Всю правду Фёкла тебе рассказала, не сомневайся... Так я когда про осколок ерусалимской лампадки узнала, сама не своя сделалась, стала стеклышко это у Лидии выпрашивать, прицепилась к ней, что твой банный лист: дай, грю, мне его хотя на время попользоваться. И выпросила-таки! Дала мне его Лидия на три дня, но с условием – никому, ни одной живой душе, при ее жизни не рассказывать, что увижу. Померла она давно, так теперь можно... Принялась я с этим стеклышком по деревне ходить – и что ты думаешь? – стала многое видеть, что ранее и в голову вступить не могло. Иду, бывало, по улице, смотрю тайком сквозь стеклышко, а саму страх так и забирает: куда не глянешь, всюду они так и шныря-

ют, так и шныряют! Окаянные-то. Который-то на плече у женатого мужика притулился, нашептывает тому на ухо мысли срамные, зазывает к полюбовнице в соседнее село; тот – махонький совсем, не более лягушонка – у мальца из кармана выглядывает, на воровство подзуживает; иной и вовсе изо рта у пьяницы горького торчит, хнычет, сивухи требует... И так-то, грю, у каждого. Вот иду и вижу, молодые в великий пост на сеновале затаились, милуются. А бес-то не теряется, пристраивается, бесстыжий, заместо мужа, ажно хрюкает от удовольствия. Другой нечистик бабе в руку батог суёт, поучи-де уму-разуму детушек... Одно хорошо – никак не можно на саму себя глянуть, своих чертей рассмотреть, а то ведь и совсем тошно бы сделалось... Ну и не выдержала я долее одного-то дня, отдала то стеклышко Лидке обратно – на, грю, сама в него на чертей любуйся, а я уж, чай, обойдусь как-нибудь... А касаемо воржецов, так я тебе, мил человек, про Ефима Фомича могу рассказать. Вот уж кто и взаправду знающий человек был, штук десять чертяк ему прислуживало. Всё мог! И скотину попортить, а после за мзду вылечить, и приворот сотворить, и хомут надеть. Кому надо, к примеру, зазнобу присушить или постылого мужа со свету сжить – все к Ефиму Фомичу... Да, шибко Фомича у нас уважали. А боялись и того шибче... Но ведь и он помер не простой смертью. Как занемог и понял, что уж не суждено поправиться, так наказал жене, – а любил он ее очень и уважал, – ты гляди, Авдотья, едва дух из меня вон, – тот же час подрежь мне жилы на руках и ногах; сперва подрежь, а уж после можешь и в гроб класть. Так сказал да и помер в тот же вечер. Авдотья же не восхотела волю его последнюю исполнить: жаль стало над мертвым мужем изгаляться. Ведь и она в Ефиме души не чаяла. Дружно они жили. Коротко говоря, сделала всё чин по чину: обмыла покойника, обрядила и в гроб под образами положила. А ночью-то всё одно не спит, побаивается. Вот, протопила печь, да принялась угли кочергой к загнётке сгребать. Вдруг чует, затрещало что-то, зашумело в доме, оглянулась, а покойник-то в гробе шевелится, сесть пробует – и покрывало с себя на пол сбросил. Перепугалась баба, схватила кочергу, на печь через голбец залезла, да и затаилась. А покойник уж из гробу вылез, по дому расхаживает, руками вокруг себя водит. Знамо, жену ищет. Авдотья лежит на печи, дрожит от страху, не жива, не мертва. А Ефим уж к печи подобрался, на голбец взбирается; Авдотья хрясть ему кочергой раскаленной по зубам, а зубы-то у покойного все до единого железные были, только сбрякали. Не отступает мертвяк, дальше ползет. Да и как ему отступить? Черти-то, которых он при жизни голубил, пищи хотят, сожрать жену требуют. Вот, как ни отбивалась баба, как не чекрыжила мужа покойного кочергой, ништо не помогло, не смогла она до первых петухов продержаться... Поутру родичи в избу вошли, да там же на печи их обоих обнаружили: у Ефима вся рожа в крови, а Авдотья едва не до мослов обглодана...

Закончив рассказ, бабка Устинья наполнила опустевшие рюмки и, не дожидаясь прочих, залпом махнула свою.

– Ну что скажешь, – крякнув и понюхав баранку, спросила она Кирилла, – понравилась моя история?

– Нет слов, Устинья Тимофеевна, просто нет слов! – заверил Кирилл, останавливая запись. За окном снова полыхнул ослепительный просверк, и секунды через три громыхнуло, но уже не столь раскатисто, как прежде; по всей видимости, грозовой фронт начал сдвигаться. – Прям мороз по коже. Честно!

Евдокия прыснула в кулачок и подмигнула сестре. «Ну, будя, будя, раскудахталась», – осадила ее Фёкла, ткнув локтем в бок.

Отпив из рюмки и закурив, Кирилл расслабленно откинулся на спинку стула. Что ж, финал научной командировки можно считать вполне успешным. Приятная истома овладела его членами, окружающие предметы и лица старух подернулись легкой дымкой. «Порядочно я, однако, назюзюкался», –подумал он.

– Ты наливочку-то пей, не стесняйся, – подливая ему, посоветовала Устинья. – Она у меня на ягоде, на травках – лечебная.

– Хороша наливка, – согласилась Фёкла, причмокивая и покачивая головой. – Мертвого на ноги поставит.

Евдокия взвизгнула и так и зашлась рассыпчатым смехом. Кирилл от неожиданности даже сигарету выронил.

– Раскатилась поленница, – проворчала Фёкла, пряча усмешку.

Кирилл нагнулся, чтобы поднять выпавшую «Астру», кое-как подцепил ее непослушными пальцами, но, бросив случайный взгляд под стол, так и обмер.

Ноги... Что-то не так с ногами старух... Ноги у них были не человеческие, а ... ну да! птичьи, куриные: туго обтянутые желтой с роговыми бляшками кожей, с вывернутым назад суставом, три пальца торчат вперед, а четвертый направлен назад, как шпора. Коротенькие ножки Фёклы и Евдокии не доставали до пола, и сестры весело побалтывали ими в воздухе, лапищи же Устиньи скребли половицы здоровенными – в палец – когтями, оставляя длинные борозды.

Медленно выпрямившись, Кирилл встретил внимательные, настороженные взгляды старух. За столом воцарилась гнетущая тишина. Женщины молча, не мигая, смотрели на него, будто ждали чего-то. При этом лица их тоже странно изменились: носы заострились и вытянулись, точно клювы, круглые глазки расползлись к вискам, сделались выпуклыми и хитро поблескивали стеклянным блеском.

– Нешто у вас так в городе заведено, – прервала затянувшееся молчание Фёкла, – бабам под подолы заглядывать?

– Э-э-м... Что ж... Благодарю за угощение и за... за... Однако поздно уже, – осипшим голосом промямлил Кирилл, – пойду я, пожалуй.

– Куда ж ты, на ночь глядя? – удивилась Устинья. – У меня ночуй.

– Спасибо, но мне еще надо... там... дела. – Кирилл дрожащей рукой потянулся к магнитофону. – Пойду.

– Куда ты, оглашенный? – воскликнула Евдокия, накрывая его руку своей пухлой ладошкой. – В темень, в грозу? Не пущай его, Устинья!

Кирилл резко дернул рукой, высвобождаясь из цепких пальцев Евдокии, и опрокинул лампу. Она покатилась по столу и упала на пол. В горнице воцарилась тьма. Кирилл, вскочил, на ощупь сграбастал в охапку магнитофон и ринулся к двери.

Тут очередная вспышка молнии на миг осветила помещение и выхватила из мрака Устинью, застывшую в дверном проеме с серпом в руках. Кирилл взвизгнул и бросился к окну. Послышались крики: «Держи его, окаянного, держи! Шею, шею ему хомутай!». Чьи-то руки ухватили его за ворот, он вырвался, но зацепил ногой за лежащий на полу рюкзак и, рухнув как подкошенный, ударился головой о пристенную скамью. В глазах у него потемнело...

С трудом разлепив веки, Кирилл осмотрелся. Он лежал на скамье в пустой горнице, укрытый лоскутным одеялом, поодаль стояли его ботинки, вся прочая одежда была на нем. За окошком брезжил рассвет. Боже, как голова трещит! Со стоном и кряхтением он принял сидячее положение, пытаясь припомнить вчерашние события.

Ситцевая занавеска, скрывавшая кутный угол, колыхнулась и в комнату вошла Устинья.

– А, голубь, очнулся, – протянула она, – а я уж думала, до обеда проспишь. В вечор-то прямо за столом тебя сморило, видно с устатку да непривычки; едва мы с Даниловнами тебя на лавку перетащили, вот ведь как. Похмелиться-то не желаешь? Наливка еще осталась.

– Не-ет, что вы, Устинья Тимофеевна! – замахал руками Кирилл. – Мне с вашей наливки всю ночь что-то невообразимое снилось, вспомнить жутко. Будто я сам угодил в одну из тех бывальщин, что вы давеча мне рассказывали.

– Всяко бывает, – философски заметила Устинья.

– Который сейчас час? – поинтересовался Кирилл.

– Уж шесть утра.

В подтверждение ее слов снаружи донеслись автомобильные гудки. Кирилл вскочил и заполошно заметался по избе, собирая пожитки.

– Патефон свой не оставь, – напомнила Устинья, – чай, вещь дорогая, опосля плакать будешь.

– Ну, спасибо вам, Устинья Тимофеевна, за всё, – уже в дверях поблагодарил он хозяйку, – побегу – водитель ждать не будет.

– Лети, лети, голубь, – махнула рукой старуха.

Когда «полуторка» тронулась, водитель, угостившись сигареткой, спросил:

– Это в чьей же избе ты, паря, ночевал?

– Вон в той, – указал Кирилл, – а что?

– Шуткуешь? – усмехнулся водитель. – Тот дом давно пустой стоит.

– Ну вот еще! Как же пустой, когда в нем Устинья Тимофеевна Полоротова за хозяйку.

Шофер повернул голову и внимательно посмотрел на Кирилла.

– И что, она вот прям сама тебя принимала?

– Ну да, – пожал плечами Кирилл, – сама. У нее еще две старушки Мосоловы были.

– Это ж какие Мосоловы?

– Фёкла с Евдокией.

Водитель только крякнул и покачал головой.

– А что не так? – удивился Кирилл.

Сбавив ход на повороте, шофер указал ему на кирпичное строение, возвышающееся на околице деревни.

– Видишь тот дом каменный? Это здешний клуб. А прежде в ём церква была. А за нею – кладбище, оно и сейчас есть. Вот на том кладбище они и лежат.

– Кто «они»? – не понял Кирилл.

– Полоротова Устинья и сестры Мосоловы. Устинья-то уж лет пять как померла, а Мосоловых в прошлом году схоронили, я сам на ихних поминках водку пил.

– Ты чего-то путаешь, – нахмурился Кирилл, – этого быть не может! Я же с ними за столом сидел... чуть не всю ночь.

– Это тебя кто-то запутал, паря. Или глаза отвел. Тут такое бывает.

– Да нет... не может быть! Чепуха какая-то. Кто кому чего отвел... Постой! У меня ж они записаны! Вот же! – Кирилл выдернул из сумки магнитофон, перемотал кассету в начало и нажал воспроизведение.

Сперва из динамика раздался какой-то треск, а затем послышались странные звуки, напоминающие зловещее квохтанье; они всё усиливались, усиливались, нарастали и вдруг – истошный, полный нечеловеческой злобы вой резанул им по ушам! Челюсть у шофера отвисла, он выпучил глаза и резко крутанул баранку. «Полуторку» вынесло на обочину, и она на полном ходу ткнулась мордой в ствол могучего кедра.

Скорость была не очень велика, и водитель лишь порядком приложился грудью о рулевое колесо, а вот Кириллу повезло меньше – он вышиб головой лобовое стекло так, что половина его туловища оказалась на капоте. Шофер скоро пришел в себя и втащил Кирилла обратно в кабину.

«Эй, как ты, паря? Чего ты?» – спрашивал он, тряся пассажира за плечи. Голова у того безжизненно мотнулась и упала на грудь. Увидев выпирающий шейный позвонок, шофер прижал ухо к его груди – сердце не билось, Кирилл был мертв.

РАССКАЗЫ

Стефан САДОВНИКОВ

Член Союза журналистов России, художник. Г.Москва

НАВАЖДЕНИЕ

Давно это было. И было ли вообще – уже никто не помнит.

Но как-то по рынку в одном из южных городов времен давно ушедших, в теплый осенний день бродил странный бородатый человек в неказистой широкополой шляпе, прикрывающей глаза, в поношенном осеннем пальто и с толстым виды видавшем портфелем желтого цвета под мышкой. Двигаясь в рыночной толпе, он время от времени негромко произносил:

– Кому десять заповедей. Продаются недорого. Древние, волшебные и лечебные. Можно оптом и по частям. Подходите. Десять заповедей. Десять заповедей. Десять заповедей...

Его голова часто поворачивалась в разные стороны, глаза его зыркали по толпе, словно боялся какой-либо неожиданной встречи. А бояться ему, наверное, было отчего. В стране религия была объявлена опиумом для народа, и любая религиозная пропаганда могла стать поводом для привода в милицию для разъяснительной работы. А там еще не известно, чем бы могло закончиться.

Надо сказать, что рынок в те времена, да еще в выходные осенние дни, всегда был полон людьми. Там можно было встретить кого угодно – от безногих калек Второй Мировой до профессуры местного пединститута, от учеников с родителями до преподавателей разных школьных дисциплин. На задних рядах рынка располагались цыгане, оседавшие на зимние квартиры, со своим кузнечным промыслом: косы, серпы, тяпки и прочие скобяные изделия. Иногда можно было услышать звуки скрипки или аккордеона. Фотографы зазывали сняться на долгую память о себе на фоне гор в виде гордого кавказца на коне. Тут же сновали старушки с корзинками, торгующие горячими пирожками. Конечно, шастали цыганки с фразой: «Дай нагадаю», шныряла местная шпана, коротко стриженные отсидевшие зэки да мелкие воришки. И надо было не расслабляться, а стеречь свои карманы и сумки. Частенько можно было услышать вопли: «Держи вора!», «Обокрали!» Среди посетителей рынка замечались любители просто погулять, пообщаться со знакомыми о жизни, о здоровье, о ценах и товарах, а заодно, не покупая, попробовать у всех торговцев всякой домашней снеди. Бродили по рынку и завсегдатаи выпить стаканчик другой у крестьян, что в бочках продавали неразбавленное ароматное домашнее вино. Продавцы вина подавали на пробу по сто грамм напитка и чего-нибудь на закуску. Глядишь, таким способом, нагулявшись, ты был задарма и сыт, и пьян.

Странный бородатый человек с желтым портфелем, проталкиваясь в рыночной толпе, время от времени продолжал негромко:

– Кому десять заповедей. Продаются недорого. Древние, волшебные и лечебные. Можно оптом и по частям.

Продавцы и покупатели, видя этого странного человека, покручивали пальцем у виска – мало ли сумасшедших, свободно разгуливающих по городу и лепечущих Бог весть что, – думали они.

Но вот один из прогуливающихся между торговыми рядами

наткнулся на человека с желтым портфелем и тихо спросил:

– Вы какие заповеди продаете? Иудейские или православные?

Человек с желтым портфелем несколько опешил. Он быстро оглянулся и так же тихо спросил:

– А позвольте поинтересоваться, в связи с чем интересуетесь?

– Я работник краеведческого музея, и хотел бы их посмотреть и, возможно, их приобрести для экспозиции. Если иудейские, то не беру.

Человек с желтым портфелем резко ответил:

– В музей не продаю.

И быстро удалился, изредка оглядываясь.

День перевалил далеко за полдень. Неожиданно к продавцу заповедями подошел еще один любопытствующий и поинтересовался:

– Я слышал, что вы продаете, и скажите, сколько стоит одна заповедь?

– Беру недорого. За одну червонец, а за все десять – сто.

– Очень дорого берете за одну.

– Но эти заповеди обладают энергией добра, и если на них помолиться, то можно излечить любую хворь.

– Всё равно за одну дорого.

– Так вам нужна только одна заповедь?

– Да

– Хорошо. Если заповедь для вас дорога, то могу продать ее половинку. И будет вам дешевле.

– Как это половину? Не нужна мне половина. Разорвете что ли заповедь пополам?

– Ну, зачем разрывать. Для таких, как вы, у меня есть и половинки. На такой половине будет только одна строчка заповеди, которая тоже обладает лечебными свойствами, но несколько меньшим эффектом. Идет?

– Нет. Половинка мне не нужна.

И несложившийся покупатель ушел в раздражении.

Человек с желтым портфелем, понимая, что никак не складывается продажа, достал из портфеля один лист заповеди для большего привлечения внимания. Проталкиваясь по проходу, к нему вдруг подошел пожилой интеллигент в очках и пытался посмотреть на листок. Продавец заповедей тут же спрятал его в портфель. Но очкарик заговорил:

– Ой, что вы такое красивое прячете? Дайте посмотреть. Я некогда работал художником-оформителем и хочу посмотреть необычность шрифта. Это кто так красиво рисует?

– Да это я сфантазировал древние письмена, когда насмотрелся древних папирусов в Эрмитаже, – на ходу придумывал продавец. – Деньги нужны на дорогу. Вот и решил их продать. А если такой лист вставить в рамку, то получится неплохая графическая картинка.

– Понятно. А почему лист озаглавлен словом «заповедь»?

– Мне казалось, что так будет выглядеть таинственнее.

– И сколько стоит такой лист?

– Недорого. За червонец продам, – чуть слышно ответил человек с портфелем.

– Дороговато. Ладно, подумаю, – сказал, вздохнув, очкарик и пошел вдоль рядов.

За этой беседой незаметно следил человек в сером плаще и кепке, надвинутой на глаза. Он резко подошел к продавцу заповедями и строго спросил:

– Откуда у вас эти заповеди? Где вы их взяли?

Человек с портфелем было рванулся, но жесткая рука человека в сером его остановила. Портфель выпал. Человек в сером нагнулся за портфелем, и этого было достаточно, чтобы продавец сиганул, и исчез в толпе.

Человек в сером пришел в отделение госбезопасности, открыл портфель и выложил на стол кипу исписанных листов. Каждый листок был изготовлен из тонко загрунтованного холста, тонированный под пергамент желто-коричневатым цветом, имел заглавие «Заповедь», а ниже шел текст, написанный, скорее, нарисованный, совершенно непонятными нечитаемыми буквами.

– Сбежал? Мы за ним тоже наблюдали, – сказал подошедший сотрудник в чине капитана. – Ну хоть портфель добыл.

Капитан стал разглядывать листки, долго всматривался в нечитаемый текст:

– Отнесу-ка я эти листы экспертам шифровальщикам, – после паузы произнес капитан. – Пусть они расшифруют эту абру с кадаброй. Кто знает, что там написано. Может зашифрована сплошная антисоветчина, а возможно – это простое надувательство.

На следующие выходные капитан с командой двинулись к рынку, дабы выловить человека с желтым портфелем. Расшифровка текстов заповедей ни к чему не привела, но личность, продававшая заповеди, очень заинтересовала госбезопасность. Долго блуждала по рынку команда во главе с капитаном госбезопасности, тихо спрашивая продавцов про человека с желтым портфелем. И как выяснялось, что никто вообще никогда не видел и не слышал о таком человеке.

– Как это не видели! – возмущался капитан. – В прошлое воскресенье он шлялся по рынку и предлагал купить у него заповеди! У меня есть свидетель и даже есть его портфель. Да вот его арестовать не удалось, сбежал.

– Увы, – отвечали ему, – может, вам показалось, или привиделось, но мы и понятия не имеем кого вы ищете.

– Странный этот город, – подумал про себя капитан. – Оказывается, тут могут появляться некие личности и потом исчезать так, что никто их не знал, не помнил и не видел.

И тут к капитану подошел интеллигент в очках, что прошлым воскресеньем беседовал с человеком с желтым портфелем.

– Извините, не ищете ли вы продавца заповедей? – тихо спросил он капитана.

– И что вы можете сказать? – резко ответил капитан.

– Так вот что я вам скажу. Мне тоже казалось, что вроде бы видел этого человека и даже с ним общался. А вот на следующий день возникло странное ощущение. И так я не смог понять – было ли это вообще, или попал под чары некоего наваждения.

Обескураженный капитан оставил в работе на всякий случай команду на рынке, и понимая, что перепуганный продавец вряд ли снова появится, решил вернуться в свой кабинет. В своих сыскных размышлениях он не заметил, как оказался у шифровальщиков.

– Что привело вас к нам, капитан? – удивленно спросил один из служащих.

Как бы очнувшись, и встряхивая головой, он сказал:

– А дайте мне тот самый желтый портфель.

Капитан достал из портфеля листы с нечитаемыми текстами и заново стал долго и внимательно их разглядывать, и заметив некую странность, громко спросил:

– А кто либо из вас заметил, что эти листы пронумерованы?

– Да, товарищ капитан, – ответил служащий в форме старлея. – Но не придали им никакого значения, потому что эти циферки мелко начертаны в уголке каждого листа, и самому тексту никак не привязаны.

– Так это же заповеди! Продавец на рынке продавал эти листы как заповеди! – заорал капитан. – А их, как вам должно быть известно, десять, мать вашу! А тут их только девять! Где десятая?

– Товарищ капитан, – промямлил перепуганный старлей, – так в этом портфеле было только девять. У нас всё запротоколировано, и ничего не пропадает. Расшифровать листы нам не удалось, но сопоставляя слова заповедей с нечитаемыми словами в каждой заповеди, предположили, что это могли быть тексты заповедей, где каждая буква в словах нарисована в нечитаемом виде. Но почему их было девять – непонятно.

Капитан сказал, упокоившись:

– Наваждение какое-то. Ладно, портфель оставлю у вас, дайте мне тексты заповедей, и эти листы, дома над ними покумекаю.

После сытного ужина капитан снова погрузился в эти загадочные девять листов с непонятными знаками, похожими на некие буквы. Стал сопоставлять эти словоформы со словами каждой заповеди, чтобы понять какая так называемая заповедь отсутствовала у продавца. И вдруг его осенило – не хватало заповеди «Не укради».

– Так вот оно что! – воскликнул про себя капитан. – Этот хмырь – вор! Ну, надо же, как хитро придумано воровство! Не красть, не лезть в чужие карманы и квартиры, а чтобы люди сами отдавали денежки за не пойми что! Вроде как бы и не воровство. Потому-то у этого хмыря и отсутствовала заповедь «Не укради». Ну, не хотел признаваться самому себе, что он вор.

От удовольствия разгадки капитан выпил стопочку коньяка:

– Вот и происходит наваждение, когда люди попадают под гипноз подобных «продавцов» и затем страдают от мошенничества.

ПАРИК ИЗ ПАРИЖА

Памяти артиста
Афанасия Петровича Тришкина

Как высохший лист, сорванный студеным ветром с голого дерева и унесенный бог весть куда, так и чья-то душа может внезапно слететь в неизвестность, покинув жизнь на земле, – размышлял проснувшийся Егоров, глядя в окно на качающиеся голые ветки одинокой старой березы, с которой только что слетел последний лист. Он еще лежал в постели, вставать не хотелось, было еще очень рано, да и день в окне просыпался какой-то тусклый, с тяжелыми свинцовыми тучами.

Из общей кухни доносились звуки моющейся посуды, и громкая нецензурщина старушечьего голоса.

– Ох, уж эта соседка, – вздохнул он. – Ну, не даст спокойно встретить день.

– Писатель, а писатель! – раздавался из кухни тот же скрипучий голос соседки. – Ты чё, Михалыч, плитку-то не помыл после себя, мать твою перемать! Ты чё, блин, совсем нестроевой?

Егоров, среднего роста, с седеющей головой и большими залысинами, встал, натянул джинсы, старый свитер и пошел на кухню.

У плиты стояла старушка, материлась и отмывала газовую плиту. На вид ей можно было дать лет 80, а может и больше. Маленького росточка, тощая, с постным морщинистым испитым лицом и всклокоченными редкими седыми волосами, нелепо накрученными на голове. Всегда одета в давно нестиранный короткий халатик непонятного цвета без завязки. При взмахе рук из-под халата была видна линялая рубашка и серые короткие штаны, похожие на длинные мужские семейные трусы. Егоров с ней почти не общался, ничего о ней толком не знал, и только по крайней необходимости приходилось иногда унимать ее скандальный нрав.

Жила она замкнуто. Ежедневно, в том же своем затрапезном наряде с накинутым поверх старом пальто и суконных ботинках «прощай молодость», выходила из своей комнаты только по надобности в магазин за продуктами и крупами для голубей, что под ее окном проживали огромной стаей. Общаться с ней было довольно сложно. Говорила мало, иногда невнятно, и почти каждую фразу сдабривала матерными словечками почему-то тюремно-лагерного сленга. Срок мотала она, или долго общалась с кем-либо из отсидевших, – думал иногда Егоров.

– Ну, чего ты, Семеновна, снова кипятишься? Я вчера вообще ничего не готовил на плите.

– Вечно тут кто-то по ночам шастает! Вечно все испоганят! – не унималась старушка. – А за собой никогда не уберут!

– Так кто ж мог быть, Семеновна, тем более ночью? С ума сошла что ли? Нас тут в коммуналке сейчас ты да я. Видно, ты сама вчера спьяну или сослепу проли-

ла суп на плитку, забыла, а сейчас тут всё трешь, и с утра мне спать не даешь. Меньше надо пить тебе, а не бурчать-кричать по утрам. И вообще тошнит от твоего мата!

Егоров повернулся к двери, чтобы уйти. Но не тут-то было. Семеновна вдруг перешла на командирский тон:

– Аааа! Так это, наверное, Нэлька, пи... нестроевая, тут похозяйничала и не убрала!

– Так! Ты на меня не ори, я не в армии, а ты не командир. Ясно? И что за Нелька такая? – спросил Егоров.

Семеновна резко сбавила тональность:

– Да это художница, подружка моя, вчера приходила, ну мы с ней бутылочку приняли.

– У тебя подружка художница? – удивился Егоров.

– Да какая она художница – не знаю, но так она себя называет. А пьет очень даже художественно, со вкусом. Говорит, что так пьют французы.

– Ну, вот сама с ней и разбирайся. С ней и командуй. А волосы свои прибери-уложи, а то тошно смотреть на твою неряшливость, – ответил Егоров и пошел к себе.

Семеновна, опешив от этих слов, так и не смогла ничего сказать.

2

В комнате Егоров потоптался, взял сигареты и вернулся на кухню покурить. Старушки уже не было.

– Может, спать завалилась, или, как всегда, уткнулась глазами в телек. Слава Богу, успокоилась.

Он, глядя в давно не мытое кухонное окно, затянулся первой с утра сигаретой. Заасфальтированный двор с проплешинами был пуст и тосклив. Под окнами соседнего дома бродили несколько голубей в поисках пищи. Напротив дома высились два старых клена, и доживал свои годы старый полуразрушенный сарай, а рядом с ним стояла ржавая грузовая «Газель» на спущенных колесах, которая, кажется, давно потеряла хозяина. Под Газелью сидел облезлый черный кот, зорко высматривающий снующих голубей.

Сам дом, в котором жил Егоров, стоял на самом отшибе городка, практически рядом с железнодорожной платформой. Это почти единственное, что его очень устраивало, потому что в любой момент он мог сесть в электричку и по необходимости оказаться в столице. Кроме того, ему нравилось это тихое место, редко посещаемое автомашинами, и чем-то напоминающее деревню. Да и сам городок в стародавние времена Затишьем назывался. Именно подобное затишье он давно искал, но в этом затишье иногда бывало неспокойно.

Коммуналка, в которой проживал Егоров, была из трех комнат. Дверь третьей комнаты была обшарпанной и наглухо закрытой. Там никто не проживал, как было сообщено Егорову при покупке. То есть, пока никто не проживал.

Егоров вернулся к себе, заглянул в почти пустой холодильник, затем оделся и пошел в магазины за продуктами. Улица встретила его нависшим свинцовым небом, промозглой сыростью, голыми деревьями и багряно-желтым покрывалом опавшей листвы.

– Странно, времена резко изменились, многие города и улицы поменяли свои названия. А в этом городке время как бы застыло, – размышлял Егоров – все улицы сохранили советские названия: Рабочая, Трудовая, Комсомольская, Октябрьская, Энтузиастов, Карла Маркса, Ленина, Советская, Красная, Фрунзенская, Первомайская, Колхозная, Коммунистическая...

3

Вернувшись, Егоров, сел за свой ноутбук, открыл старый файл с началом рассказа о своем давнем городе детства и углубился в воспоминания. Начало ему не понравилось, и он понял, что писать надо как-то по-другому или о чем-то ином, но о чем, он пока не знал. Вдруг осторожный стук в дверь вынудил его громко спросить:

– Семеновна, тебе чего надо?

– Да поговорить бы.

Он встал и пошел на кухню, где ждала его соседка с дымящейся сигаретой в зубах, початой чекушкой и стаканчиком на кухонном столике. Редкие волосы, как всегда, были всклокочены, да и наряд затрапезный был всё тот же. И было видно, что она уже поддала.

– Чего позвала? Или что-то важное сказать хотела? – спросил Егоров – Если просто тебе от скуки хочется потрепаться, то я ухожу, работа у меня серьезная.

– Да постой ты, не торопись. Может, водовки тебе налить?

– Знаешь, что не пью, и не приставай. Говори, чего сказать хотела.

– А дверь-то напротив тебя закрыта, и не спросишь почему, – загадочно начала Семеновна.

– Ну, так почему?

– А жил там малой – брат хозяина комнаты, да вот уж полгода как в зоне сидит! – как-то торжественно заявила Семеновна.

– Вот как! А что случилось?

– Он меня чуть не убил! Вломился ко мне, схватил за горло и стал требовать денег. Чуть не задушил!

В это время раздался стук во входную дверь. Семеновна поспешила открывать и вернулась в кухню с некой женщиной, одетой в джинсы и большую куртку с капюшоном. В руках она несла полную сумку.

– Михалыч, вот это та самая Нэлька, художница, – сказала Семеновна, пыхтя сигаретой.

Затем она ушла к себе и через пару минут вернулась, так и не переодевшись, с черным от копоти чайником, и зажгла газовую плиту. Гостья сняла куртку и отдала ее Семеновне. Егоров увидел стареющую полную женщину, в какой-то невообразимо цветастой кофте и с уложенной лаком прической крашенных волос. Мешки под глазами выдавали ее пристрастие к спиртному. Семенов-

на снова вернулась с сигаретой в зубах:

– Михалыч, а я вот с Нэлькой давно дружу. Она у меня единственная в этой жизни.

Гостья изобразила улыбку. А Егоров в ответ сказал:

– Ладно, всё с вами понятно, занимайтесь собой, а я пошел работать.

4

Егоров пришел к себе, снова сел за ноутбук, открыл новый файл, и пальцы коснулись клавиатуры. За стеной соседки послышались громкие голоса, мешавшие ему сосредоточиться. Он встал, открыл окно, закурил. Вместо сеющего дождя пошел мокрый снег, и береза под окном стала наряжаться в белое одеяние. Егоров вдруг подумал:

– Странно, что старуха, встретив гостью, так и не принарядилась. Неужели эта Нэлька, вроде как художница, не смогла как-то подействовать и помочь с гардеробом своей подружки?

Он закрыл окно, и тут зазвонил мобильник:

– Привет, Егоров! Скажи, как ты там миришься с соседкой? Знаю, что она неуемная, крикливая до визга, и всех материла, – произнесла Елена, бывшая хозяйка комнаты, с которой у него сложились дружеские отношения.

– Да вроде бы ничего, только вот раздражают ее беспричинные крики, попытки командования и жуткий мат.

– А ты не знал? Ясно, что она тебе еще не рассказала про свою житуху. Да все очень просто. Старушка давно на пенсии, а всю свою жизнь работала конвоиром вагонзаков. Имеет звание капитана. Перевозила поездами заключенных в лагеря страны. Бездетная она. Муж у нее был из конвойных, всё Серёнькой называла, да давно помер от пьянки. Вот оттуда у нее лагерный мат-перемат, командирские замашки, да сплошная выпивка.

– Вот как? Видать, много каких известных заключенных повидала. Может чего и расскажет, – сказал Егоров – А сколько ей лет?

– Ты не поверишь. Ей нет еще и семидесяти. Я рядом с ней прожила лет десять, пока не купила себе квартирку. И тогда она еще что-то вспоминала из своего прошлого. Но с годами память ее, спиртом омытая, сдала. Ничего почти сейчас не помнит. А как напьется, то лишь одного Серёньку горьким словом поминает. Но ты держись и не обращай на нее внимания.

– Ей нет и семидесяти? А выглядит как девяностолетняя карга. Спасибо за информацию и совет. До связи, – ответил Егоров и выключил мобильник.

За стеной соседки всё так же громко звучали голоса и орал телевизор.

– Пока у них пьянка не закончится – работать бесполезно, – подумал Егоров, не зная чем заняться.

Он всё так же стоял у окна, за которым шел сплошной мокрый снег, и виднелась железнодорожная платформа, полная людей, ожидающих электричку.

– И куда они всё едут? И что им в такую погоду дома-то не сидится? Завтра-послезавтра непременно поеду к своему старинному другу, – размышлял про себя Егоров, разглядывая снующих синичек за окном у кормушки.

Затем он пошел на кухню чего-нибудь приготовить. Неожиданно на кухню зашла Нэлька, закурила и спросила Егорова:

– Говорят, что вы писатель? И о чем вы пишете? Может, дадите чего почитать?

– Да у меня всё статьи про философию жизни. И вряд ли вас это заинтересует, – ответил Егоров – А вот у меня к вам вопрос. Вы художник какого направления?

– Это Семеновна меня так называет, – усмехнулась хорошо поддатая Нэлька. – А вообще-то я работаю в местном народном театре в реквизиторском цехе. А что?

– Да ничего. Просто непонятно, почему ваша подружка так плохо одевается. Вроде бы получает, как она говорила, приличную пенсию. Может, вы как человек в искусстве сможете как-то ее принарядить? Отвести, например, в салон красоты, в ателье или магазин одежды. Но в первую очередь надо что-то сделать с ее волосами. Просто тошно смотреть на такую растрепу.

– Ой, да что вы говорите! Я никак не могу ее отвести в парикмахерскую. Сколько не упрашиваю – напрочь отказывается. Говорит, что у нее и так волосы выпадают, а в парикмахерской могут выпасть полностью.

– Понимаю. Но надо же что-то придумать с ее всклокоченными волосами. Может сами ее подстрижете?

– Мне ее подстричь? – спросила удивленно Нэлька. Затем вздохнула, и, потушив сигарету, ушла на громкий зов старушки.

5

Старинный друг Петрович, еще достаточно бодрый в своем преклонном возрасте, встретил Егорова с улыбкой, крепким рукопожатием и словами:

– Что-то ты совсем засуровел в своем Затишье.

– Скорее, ушел в себя, – улыбаясь, ответил Егоров.

Перешли на уютную кухню, приготовили кофе, сели напротив друг друга.

– Ну, и чем занята душа? – поинтересовался Петрович.

– Да вот в Затишье потянуло к прозе, но не всегда удается посидеть да поразмышлять в том затишье.

– И что тебе мешает? – спросил Петрович, попивая кофе.

– Да вот соседка моя, как выяснилось из бывших конвойных, порой весьма шумлива, и ко всему весьма неопрятная, но особенно неприятна ее вечно разлохмаченная неухоженная седина. Такое впечатление, что ее волосы тихо сыплются по всему помещению. Не убирает за собой на кухне и в ванной. И сколько я не

делал замечаний – всё бесполезно.

Петрович, покуривая, спросил:

– Ну, и как тебе быть в таких условиях? Не жалеешь, что туда перебрался?

– В общем-то, не жалею. Намекнул подруге моей соседки, чтобы она что-нибудь придумала с ее прической, но она мне ничего не ответила. И как я понял, что кроме совместного распития, она ничего не сделает.

Друзья замолчали, и, казалось, что каждый про себя думал как разрешить проблему со старушечьими волосами.

– Слушай, дружище, а что если твоя соседка будет, например, в парике? – хитро улыбаясь, произнес Петрович, долгие годы поработавший в нескольких театрах.

Егоров задумался, почесал лысину, закурил, и сказал:

– А что? Хорошая идея! Но она строптивая, может и не принять.

– Понимаю. А если ей выслать посылкой? Как думаешь? Ведь не отвертится, – расфантазировался Петрович и, немного помолчав, продолжил, – у меня есть старинная подруга, что давно проживает в Париже. Мы с ней изредка перебрасываемся новостями, вот ей и напишу письмо, чтобы выслала паричок. Что скажешь?

– Паричок да из самого Парижу? Отлично! Только нужно выслать по адресу проживания старушки, – добавил Егоров. – Во будет номер!

Обрадованные своей идеей и возможностью ее воплощения, друзья решили прогуляться.

Улица встретила их низким мрачным небом и сеющим мокрым снегом. Народу было немного, и в основном спешащие от непогоды восвояси. Прогулка была недолгой, зашли в магазин прикупить продукты и затем возвратились в кухонное тепло. Они попили чаю, покалякали о житье-бытье, о своих друзьях-товарищах. Помолчали. Вечерело. И Петрович спросил:

– Ты как? Поедешь к себе сегодня?

– Да вот думаю, – сказал Егоров.

– А чего думать, переночуй, и если захочешь продолжить свою прозу, то ты знаешь, где у меня лежит старый ноутбук.

– Я тебя понял, спасибо за предложение. Может, правда, у тебя и закончу свой рассказ. А если вдруг задержусь у тебя на недельку вторую?

– Да хоть на месяц, – ответил, улыбаясь, Петрович. – Ты же помнишь, как мы несколько лет прожили вместе бок о бок? И ничего, вроде бы друг друга не поубивали.

– Это забыть невозможно, – ответил с улыбкой Егоров. – А сейчас доставай свой планшет и напиши твоей парижанке о нашей идее.

6

Егоров, сидя за ноутбуком, всё больше и больше углублялся в воспоминания неких событий, с ним происшедших, но все они его не вдохновляли. Как-то днем, когда он с Петровичем перекуривали на кухне, зазвонил его мобильник.

– Алё, Михалыч! Ты куды, бля, пропал? – заскрипел старушечий голос.

– А что случилось? – недоуменно спросил Егоров.

– Да скучно в доме, одиноко мне, вот и звоню тебе, – произнесла Семеновна. – А если сегодня приедешь, то захвати маленькую, а денежку тебе отдам.

– Пока не знаю, когда буду, но ты не скучай, зови Нэльку, – ответил Егоров и выключил мобилку.

– Во, доставучая старуха, – сказал Егоров Петровичу. – Скучно ей, говорит, и одиноко.

– Беспокойная, видать, она, а может в тебя влюбилась, – улыбнулся Петрович.

– Ну, ты такое придумаешь! – в ответ усмехнулся Егоров.

И тут Егоров подумал, что Семеновна – любопытный персонаж для рассказа, а может фельетона.

Отрывался Егоров от ноутбука только на поесть-попить и на покурить. Петрович осторожно заходил в комнату, где работал Егоров, смотрел на него отрешенного, на его скользящие пальцы по клавиатуре, и так же бесшумно уходил. И лишь по крайней необходимости он мог с юмором сказать:

– Ну, что, толстой, хватит портить глаза. Идем поедим что ли, а то отощаешь.

Две недели за ноутбуком и краткими посиделками с Петровичем пролетали незаметно. Егоров записал свой текст на походную флэшку и собрался в свое Затишье.

– Ну, чего ты заспешил? Закончил что ли свой рассказ? – спросил Петрович.

– Финал еще не дописал. И пока не знаю как. Да и в рассказе чувствую, что чего-то важного не хватает. А сейчас, извини, мне нужно срочно к себе поехать. Совсем забыл, что у меня цветы давно ждут воды, да неоплаченные счета за коммунальные услуги

– Да, понимаю тебя. Любая живая душа требует внимания и бережного отношения. А с финалами всегда сложно. Может чего и придумаешь, – произнес Петрович, провожая друга.

7

В электричке Егоров всё думал о словах Петровича, что всякая живая душа требует внимания. Зайдя в квартиру, он заглянул на кухню, ванную, всё оказалось в относительном порядке, и нет соседки. В комнате своей сначала полил сухую землю в каждом горшке, затем переоделся в домашнее и снова пошел на кухню чего-нибудь приготовить на ужин.

Вдруг он услышал звук открывающейся двери. Выглянул в темный коридор и увидел, что в проеме двери стояла какая-то пожилая женщина, закрывающая дверь.

– Кто вы и как сюда попали? – громко спросил Егоров.

– Да это я, Михалыч. Чё, не узнаешь? – услышал в ответ старушечий голос Семеновны. Она закрыла дверь, включила свет в

коридоре и повернулась к Егорову.

– Ничего себе! Ну, тебя, Семеновна, просто не узнать! – воскликнул Егоров.

Семеновна подошла ближе. Она была в элегантном черном старомодном пальто, широкополой черной шляпе и в стоптанных зимних сапожках. Егоров всё смотрел и никак не мог понять, что в облике ее произошло. И лишь присмотревшись, он увидел, что шляпа прикрывала не противные старушечьи волосы, а аккуратный парик серо-серебристого оттенка. И про себя с удовольствием отметил, что Петрович справился с реализацией идеи.

– Михалыч, да тебя давно не было, и ты, бля нестроевой, ничего не знаешь, – улыбаясь, сказала Семеновна. – Мне на днях приносит почтовый курьер бандероль. И, мать его туды-сюды, не поверишь, что бандероль из самого Парижу. А я, бля, ума не приложу, что за человек мне ее прислал, потому что у меня отродясь никогда никого не было за границей. Я и Нэльку вызвала, чтоб спросить, но она тоже про Париж ничего сказать не смогла. Ну, вот мы и открыли бандероль, а там такие красивые седые волосы. Я смотрю и ничё не пойму, а Нэлька покрутила эти волосы, похожие на зимнюю шапку, и говорит мне, что это называется парик. Ну, и натянула мне на голову и потащила меня к зеркалу.

– Я понимаю, что это тебе понравилось, – перебил Егоров старушку. – А скажи-ка мне, Семеновна, откуда у тебя шляпа?

– Да это Нэлька из театра принесла, и сказала, что парик в Париже французы носят только со шляпой.

– А ты уверена, что так носят в Париже? – спросил, улыбаясь Егоров.

– Так это Нэлька сказала. Не зря же она пьёт по-французски. Ну, что, Михалыч, парик же надо обмыть! У меня есть.

– Нет уж, Семеновна, извини, но это без меня, – ответил Егоров и удалился в свою комнату.

8

С самого утра он за дверью услышал какой-то шум и чьи-то тяжелые шаги. Выглянул и увидел открытую дверь третьей комнаты и грузного мужика.

– Вы кто? – спросил Егоров.

– Давайте познакомимся. Я Николай, отец хозяина этой комнаты. Буду вашим соседом. Вот пришел заменить окно и дверь комнаты, побелить потолок, ну и обои поклеить.

– Всё понятно. Ну, что, обменяемся номерами телефонами, – сказал Егоров.

Вдруг вышла Семеновна, глянула на Николая свирепым взглядом и ушла, хлопнув дверью.

– Вот она вышла, зло посмотрела и ушла. А ведь мой младшой, которого старуха засудила на 10 лет, не душил ее. Он мне сам во всем признавался. А она всё придумала, и ей, как бывшей конвойной, следаки поверили.

– Не буду вдаваться в ваши отношения, но желаю вам как-нибудь помириться. Жить-то нам тут вместе придется, – сказал Егоров и ушел к себе.

Сидя за монитором, он подумал и решил, что ремонт той комнаты в тесном коридоре лучше пережить либо у Петровича, или поехать к дочке, что давно просила помочь подтянуть детей по школьным предметам. Да и заниматься рассказом в таких условиях пока тут не получится. Егоров собрался, и поехал к дочке.

9

Как-то поздно вечером у Егорова, сидевшего с дочкой за чашкой чая, неожиданно зазвонил мобильник.

– Николай? Что так поздно звонишь? – удивился Егоров.

– Да вот ты уехал, а тут у нас событие, – медленно затянул явно выпивший Николай.

– Не тяни, Николай. Короче, что случилось? – перебил его Егоров.

– Да вот соседка-то померла.

– Ничего себе! И когда это произошло?

– Да вчера с утра приходила к ней племянница. А старушка того, к Богу отправилась. И племянница была удивлена, что была она в парике, на полу валялась черная шляпа, а на тумбочке рядом с початой чекушкой лежала разорванная упаковка бандероли из Парижа, – мямлил Николай.

– И когда похороны?

– Да сегодня уже и похоронили.

– Понял, – ответил Егоров и отключил телефон.

С раннего утра он собрался, попрощался с дочкой и поехал к себе.

Ремонт у Николая хоть еще продолжался, но уже была заменена дверь, и коридор был чистым. Егоров зашел в свою комнату, подошел к окну, посмотрел и вспомнил, чего не хватает в знакомом пейзаже с березой на снегу.

– Да, – с грустью про себя подумал Егоров. – Жил-был, сорвался и затем исчез навсегда тот одинокий желтый лист.

Егоров сообщил о событии Петровичу, сел к компьютеру, воткнул в него походную флэшку и понял, что нужно изменить, дополнить и как дописать финал рассказа.

Все-таки... Жизнь удивительна еще и тем, что может подарить человеку чудо, независимо от возраста и для каждого – свое. И человек наслаждается этим своим чудом, может, мгновенье, а может – всю жизнь. И оно остается для него как некий тайный знак о странном мире, лежащем на пути в непознанное.

Олег ЧЕБЫКИН

**Журналист.
После университета работал
в областных газетах.
В 1990-е – главный редактор
регионального
научно-производственного
журнала «Недра Востока».
Издавался
от золотодобывающих
объединений Восточной Сибири.
С 2001 года – учредитель,
издатель и редактор
литературно-краеведческого
альманаха
«Каменский Заводъ»,
город Каменск-Уральский.
С 2007 года – ответственный
редактор всероссийского
научно-аналитического
журнала «Вестник экономики,
управления и права».
Очарован вершинами
Тань-Шаня, Венецией,
Байкалом и мысом Крильон
на Сахалине.
Увлечен немного поэзией,
прозой и акварельной
живописью.
Фанат зимней рыбалки.
14 марта исполняется 71 год.**

ТАТАРСКАЯ ПЕСНЯ

Модернизация Байкало-Амурской магистрали – одна из приоритетных задач современности. Эта железная дорога станет важной транспортной артерией Дальнего Востока и Сибири. Сегодня хочется рассказать, кто и как в середине 70-х годов прошлого века начинал строить БАМ.

Вечерело. Солнце клонилось к рваному горизонту гор. Они далеко розовели заснеженными вершинами. А ближние отроги уже застыли в сумеречной синеве. И только высотные перистые облака горели золотом закатного светила. Тайга дышала свежестью и тишиной.

Вершинин любил в такие минуты посидеть на склоне сопки, ощутить притяжение простора. Их временный поселок из вагончиков-бытовок и нескольких буро-зеленых армейских палаток дымил внизу печками-буржуйками. На галечном берегу Кеменки светился костерок рыбаков.

Разглядывая ребят из своей бригады, Андрей чуть улыбнулся: «Вот черти! Отдыхать надо, а они тайменя караулят!» Мыслями вновь вернулся к разговору с главным инженером стройуправления Чарского участка БАМа. После обеда тот прилетел на вертушке, вызвал бригадира в прорабскую.

В прошлом майор железнодорожных войск, Соснин отличался офицерской выправкой. Всегда подтянут, энергичен, говорил коротко, четко и по делу.

Он развернул карту, жестом пригласил Вершинина к столу.

– Смотри, Андрей Викторович. Нам нужно перебросить технику вот сюда, на берег Большой Икабьи.

Главный ткнул карандашом в «миллиметровку».

– Если вдоль хребта пробивать дорогу – 20 километров, а то и больше. А синоптики выдают плохой прогноз. Скоро дожди, в горах снег.

Соснин замолчал, прошелся по бытовке. Вернувшись к столу, посмотрел на Вершинина:

– Зачем я тебе все это говорю?

Он вновь взял карандаш.

– Есть другой, более короткий маршрут. От вашего поселка по склону этого горного массива. Скалы взорвем. Бульдозеры пробьют дорогу и выйдут вот к этой безымянной речке.

Вершинин снова поймал на себе взгляд главного инженера. Тот, заметно жестко, продолжил:

– Задача твоей бригады – уложить две железобетонных трубы, сделать временный мост через эту водную преграду.

Соснин бросил карандаш на карту.

– А времени тебе неделя.

После короткой паузы добавил:

– Вопросы есть?

Андрея уже волновало главное:

– Когда трубы будут?

– Завтра. Вертолетом доставим.

* * *

В бригаде Вершинина в основном молодежь. Те, кто решил начать все с чистого листа, найти себя в большом деле. Сработались на земляных работах и лесоповале. Были такие, кто спекся. Но костяк коллектива сложился. Главным законом стало слово «надо».

Как-то на днях принесла сорока на хвосте приятную весть. В штабе ЦК ВЛКСМ на БАМе решили сформировать комсомольско-молодежную бригаду для укладки железнодорожной колеи.

Тема взбудоражила буквально всех. Ну, кто не мечтал на Всесоюзной ударной комсомольской стройке, «стройке века», как писали в газетах, участвовать непосредственно в прокладке магистрали! У вечернего костра возник бригадный митинг. Эмоций было столько же, сколько и комаров.

– Это ж, братцы, высший пилотаж, – громогласно высказался неугомонный Ильясов. Живчик, балагур, небольшого роста и всегда с горящими глазами. Он тут же пустился в пляс, напевая свою любимую татарскую песню.

– Да погоди ж ты горланить, да отплясывать! – обрушился на тракториста Иван Бородай. Его в бригаде прозвали Тяпой. Плотничал он не то, чтоб с ленцой, но как-то в раскачку. Зато все делал на все сто. Уж если опалубку под бетон, то лучше Тяпы никто.

Всех резоннее высказался свердловчанин Александр Савельев. Полноватый, угловатый, лицо скуластое с глубоким взглядом мастерового. А в деле Савельев лихой водила. Такой знает себе цену.

Его мнение по любому вопросу имело вес. Не проработав на стройке и года, Александр успел стать известной личностью. Прошлой осенью от комсомольского десанта с верховьев реки Ольхон пришла радиограмма: продовольствие на исходе. Небо низкое, вертолетам запрет. Тогда загрузили на базе ЗИЛ-130 продуктами и отправили в тот лагерь Савельева. С ним экспедитором поехала товаровед Олекминского продснаба. Она-то и поведала потом многим эту историю:

– Едем, молчим. Дорога по косогорам, поворот за поворотом. Вдруг водитель по тормозам. Смотрю, а впереди яма. Видно, размыло дождями. Все, думаю, приехали, надо назад. А он вышел из машины, посмотрел по сторонам и говорит: «Там, внизу, наша дорога продолжается. Я съеду по склону, а вы следом, пешочком пройдитесь».

Савельев достал из кузова «Дружбу», трос. Спилил пару разлохмаченных елей. Привязал их к машине и ухнул под гору по молодому подлеску. Деревья сильно тормозили. Все и получилось.

Когда поехали дальше, взволнованная, крайне удивленная товаровед спросила:

– Как же ты все это придумал?

– Да не я, – улыбнулся Александр. – В одном кино подсмотрел.

У бригадного костра, прикурив от уголька «Приму», он встал, подождал к себе внимания.

– Высший пилотаж, дорогой наш товарищ Тахир, заслужить надо. Доказать, что сможем.

Александр затянулся, разглядывая языки пламени, и уже по громче добавил:

– В штабе решат, кому рельсы доверить. Железку класть – это вам не баранки гнуть.

* * *

За полночь. Не спится бригадиру. Опыт мастера на строительстве промобъектов в Нижнем Тагиле подсказывал: успех там, где слаженный, дружный коллектив. Здесь, в непростых таежных условиях работы и жизни, эти качества на особом месте. А в бригаде не все, как надо.

Одним из первых зарекомендовал себя с самой лучшей стороны Раймон Валдорис. Любую работу: лопатой, топором, а то и ломом – делает в охотку. Высокий, спортивный, сильный парень. Да вот характер особенный. Молчун. Взгляд свысока. Чтоб хоть раз улыбнулся – никто не видел. Иной раз зашуткуют мужики, солененького поддадут, гогочут, а Валдорис подчеркнуто недовольно вставит: «Опять дурака валяете». После такого отношение к нему было не очень.

Больше всего беспокоила Андрея стычка любимца бригады Ильясова с Валдоисом. Все началось с пустяка. Както на отдыхе Тахир запел свою любимую песню. Честно сказать – петь он не умел. Татарские напевы выливались из его уст подобием вытья. Кто-то спросил:

– Тахир, о чем хоть песня?

Он тут же ответил:

– О девушке, чьи глаза, словно звезды в ночи, а волосы, как черный бархат на степном ветре.

Смысл песенки подействовал магически. Некоторые начали чуть подпевать, наверняка мечтая о своих красавицах.

А тут Раймон вдруг резанул:

– Перестань мычать. В голове от тебя звенит.

Ильясов замолк, ничего не сказал. Только посмотрел с холодным огоньком.

Подрались они в Икабье. Будущую железнодорожную станцию уже отстраивали основательно. Здесь был даже свой бульвар. Широкий тротуар из досок прорезал молодой осинник к просторной столовой. А по вечерам вспыхивали на столбах лампочки. Тени тонких деревьев замысловато гуляли под ветерком по светло-серому настилу, создавая необычное настроение. В один из таких вечеров навстречу Вершинину спешно шлепала из столовки взволнованная уборщица Глаша. Узнав бригадира, замахала руками:

– Там твои петушатся, графин разбили.

Андрей прибавил шагу. На крыльце хлопнул дверью Ильясов. По лицу – кровь из носа. Он метнулся в сторону, в осинник.

Под сердцем екнуло: неужели серьезно...

В пустом зале спиной к выходу сидел Валдорис. Руки на столе, а на полу и впрямь осколки стекла.

Вершинин покачался с пяток на носки, успокаивая себя, только и сказал:

– За графин с зарплаты вычту.

Утром вызвал обоих в прорабскую. Устраивать разборки, воспитывать не было никакого желания. Раздраженно взглянув на драчунов, выдал:

– Еще раз сцепитесь – выгоню.

* * *

Здесь, на берегу Кеменки, как-то застал латыша одного в палатке. Сел напротив. Молчаливо стали смотреть друг на друга.

Первым нарушил тишину Андрей:

– Ты вроде мужик нормальный, с тобой и в разведку можно.

– С тобой тоже, – заметно улыбнувшись, ответил Раймон.

Приметив эту самую улыбку, Вершинин засмеялся.

– Ну, надо же. Повезло. Всем расскажу – Раймон улыбаться умеет.

Уже серьезно добавил:

– Тебе бы пообтесаться немного. Попроще стать. Вон Ильясов. Совсем зеленый. Приехал из деревни счастья искать. Простой, наивный, но по сторонам поглядывает, хочет быть, как все, а то и лучше.

Вершинин замолчал, встал, направился на выход, но вдруг обернулся:

– Ты подумай об этом.

* * *

К концу четвертого дня бульдозеры наконец-то проложили дорогу к Безымянной. Много хлопот доставил скальный участок будущей трассы. Взрывники поработали профессионально. Но каменная твердь – вещь упертая. Три километра из шести, что разметили топографы, дались нелегко.

Следом припылили два самосвала, колесный экскаватор и кран-пятитонник. Началось главное – возведение переправы.

Безымянная – обычная горная река. По ее скалистым берегам еловые чащи вперемежку с высоченными лиственницами. Прорезала она себе ущелье за миллионы лет с вершинных ледников Удоканского хребта. Течет в ней талая прозрачная вода, бурлит на сливах, смеется, поет на перекатах, замедляет свой бег в редких глубоких плесах. Сработать временный мост через нее – дело не хитрое.

Обследовав отсыпанную дамбу, Вершинин дал команду укреплять ее берега. Самосвалы один за другим стали привозить груды крупных камней, а Ильясов ножом бульдозера аккуратно сталкивал их по насыпи.

К бригадиру подошел Раймон. Он тронул Вершинина за рукав куртки, рукой указал в сторону Удокана:

– Смотри.

Еще час-другой назад блистающий ледниками и снегом хребет был отчетливо виден на фоне неба. Но теперь гор не стало. В проеме ущелья Вершинин увидел угрожающе серо-фиолетовую полосу, ежесекундно светящуюся яркими всполохами молний. Уловил приглушенные, но мощные раскаты грома.

Августовская гроза на Удокане – явление обычное. Нахлынет, ветром обдаст, ударит молниями, загремит, ливанет и улетит дальше, оставив после себя промоины на склонах да шальную с полчаса речку. Нынешняя оказалась намного сильнее. Средь гранитных утесов засвистели порывы ветра, на вершинах, на высоте две с половиной тысячи метров, залютовала снежная буря, а внизу, в цирке вершин, одна за другой покатились стены ливня и града.

И такое бывает, но случилось непредвиденное.

Первые потоки большой воды в реке смыли пару – тройку разлапистых елей, склонившихся над Безымянной. В струе деревья сцепились ветвями, кучно понеслись вниз. Их корневища словно грабли стали собирать с галечных кос топляк. Вся эта мешанина на высокой волне преодолела несколько сливов. Но в самом узком месте ущелья, где скалы почти сошлись над рекой, один из стволов ударило о камни, развернуло поперек течения и через несколько метров основательно заклинило в валунах. Все остальное облепило преграду. Затор получился крепкий. Он словно сито стал процеживать воду, собирая в себя все, что плыло. Новые стволы деревьев налезали друг на друга, укрепляли и возвышали эту плотину. Вода уперлась в нее. Ей стало тесно. Здесь, у затора, зародился чудовищной мощи зверь. Он закружил водоворотами, начал неистово вспучивать воду, стараясь взломать затор.

Гроза в горах не утихала. Новые потоки воды неслись и неслись с ледников. Зверь набирал силу. И затор не выдержал. Толстые стволы елей сломались. Их сорвало с камней. Через мгновение сель понесся трехметровым валом бревен, коряг и даже камней по руслу реки в долину.

То и дело поглядывая в сторону гор, Андрей забеспокоился:

– Гроза бушует не на шутку. Значит, быть здесь большой воде.

Он принял решение вывести людей и технику из ущелья. На дамбе замешкался экскаваторщик. Наконец, колесник затарахтел и, подняв свой ковш, покатил по серпантину дороги. Последним покидал насыпь бульдозер Ильясова.

Валдорис и еще несколько человек нивелировали правый берег реки у самого моста. Они ломами двигали, выравнивали на откосе гранитные глыбы. Ребята ушли, а Раймон решил дождаться, когда последний бульдозер уползет с реки. Он стоял и смотрел то на многотонную махину, то на бурлящую рядом воду. А та заметно прибывала, показывала свой буйный нрав. И вдруг лениво, а потом все быстрее начал таять берег дамбы. Камни поползли вниз, скрываясь в пучине, грунт размывался, оседал. На глазах под гусеницей машины образовалась пустота. Бульдозер словно споткнулся и плавно стал заваливаться на бок. В следующее мгновение он опрокинулся, на полкабины ушел в воду.

Ильясов сумел быстро выбраться. Он замер на корпусе кабины. Оценив обстановку, что есть силы прыгнул в сторону берега. До него было рукой подать, но синяя широкая лямка новенького комбинезона зацепилась за спиной непонятно за что. Тахир запаниковал, забарахтался, зашлепал руками по воде. Но непонятно что не отпускало.

Селевой поток, издавая гул, набирал скорость. Вершинин бежал по склону к реке, кричал:

– Сель! Сель несет!

Валдорис смотрел на шлепающего в воде Тахира. В голове мелькнуло: «Не выберется, не сможет».

Он ступил в воду, вытянулся во весь свой рост, нырнул в поток. Поплыл боком, с силой отталкиваясь руками от основной струи, иначе подхватит, унесет в сторону.

Вскоре оказался за спиной Ильясова. Одним рывком сорвал лямку с сучка коряги, ухватил Тахира за шиворот, толкнул к берегу.

Выбраться из воды помог подоспевший Вершинин. Он вновь закричал:

– Бегом на кручу! Сейчас накроет!

Они успели. С изодранными в кровь руками вскарабкались на яр. Свалились. А под ними бушевал зверь. Бульдозер накрыла бурая масса вала.

Отдышавшись, Андрей поглядел на стоявшего на четвереньках Ильясова:

– С днем рождения тебя, Тахир!

Тот тут же ответил:

– Взаимно, бригадир.

Он встал, уселся на камень, уныло спросил:

– А что теперь делать-то будем?

– Как что? Жить будем. Строить БАМ будем.

Слова бригадира понравились. Но больше – уверенность, твердость в голосе. Тахир помотал головой, подрыгал ногами, распахнул руки и запел свою любимую.

Рядом сел Раймон. Положил руку на плечо:

– Можно, я подпою?

Не успев удивиться, Ильясов бросил:

– Ты же не знаешь по-нашему.

– Знаю, знаю. Запомнил уже, – ответил Валдорис и тихо затянул по-татарски.

Вершинин стоял сзади, смотрел на ребят. Ему казалось, что все вокруг: и тайга, и горы, и даже ветер – слушают сейчас эту песню о любви и черноволосой красавице.

Владлен КОЗИНЕЦ

Родился в 1947. Работал слесарем на заводе, бетонщиком на стройке. Член Союза журналистов СССР, России с 1975 г. Окончил факультет журналистики Уральского государственного университета (1965–69), служил офицером в Вооруженных Силах СССР (1969–71), второе образование – политолог (Свердловский социально-политический институт 1988–91). Работал на телевидении и радио: 1971–73 – Воркутинская студия телевидения, корреспондент редакции информации; 1973–2003 – Свердловское государственное телевидение и радиовещание: корреспондент, комментатор, заместитель главного редактора, главный редактор. Автор сценариев и ведущий телевизионных цикловых передач: «Стадион молодых», «Присяга», «Год до армии», «Седьмой канал», «Семнадцать мгновений», «Действующие лица»; радио: «Орбита», «Спорт за неделю», «После финального свистка». Внештатный сотрудник федеральных информационных теле- и радиопрограмм: «Время» («Первый канал»), «Вести» (ТВ «Россия»), «Сегодня» (НТВ), «Маяк» (Всесоюзное радио), «Новости» (Радио России). Лауреат журналистских премий: Свердловского отделения Союза журналистов СССР, Центрального и областного комитетов ВЛКСМ, Центрального и областного комитетов ДОСААФ, Министерства обороны СССР.

«ФРЕСКИ»*

«Фреска – разновидность живописи: роспись производится по сырой штукатурке»
Словарь Правмира

Фрашки (польск.) – мелочь, пустяки
Frasque (франц.) – шалость, проказы

От автора

Пока стена моя стоит, и штукатурка не вся высохла – читайте: картинки из жизни.

СПОРТИВИНКИ

Турецкий комментатор

Когда распадался СССР, отцы оголтелой перестройки, наверное, меньше всего думали, как будет обстоять дело со спортом. Конкретно – с футболом. Или, по русской привычке, понадеялись на авось: мол, спорторганизаторы – народ ушлый, приспособятся!

А тут такое началось! Рухнула отлаженная за десятилетия система формирования высшей, первой, второй лиг. Каждая республика, ставшая теперь суверенной страной, должна была решать эту проблему в силу своих собственных мозгов и возможностей! Да и в России не сразу сообразили, как сложится в новых условиях чемпионат страны. Ну, с ведущими московскими клубами понятно – они по определению всегда входили в элиту. С южнороссийскими командами – тоже более-менее ясно: многие так или иначе были по мастерству близки к «столичным» – какой футбол без того же Ростова, Краснодара, Сочи? А вот с остальной периферией как прикажете быть?

Волею судьбы ведущий уральский клуб, давно распростившийся с высшей лигой, оказался в главном дивизионе страны. Вместе с этим новшеством грянули и необычные для уральцев реалии. Оказалось, что в Европе существуют турниры для таких вот команд-середняков, которые сроду не претендовали на разгром «Барселоны» или «Челси», но и им есть место под европейским солнцем. Конкретно – просто как с неба свалился «Кубок Интертото»! Этот кубок проводился с середины «девяностых» для европейских клубов, не добившихся путевок в Лигу чемпионов или Кубок УЕФА, но как бы сохранивших некие амбиции: достаточно было по итогам национального чемпионата оказаться в конце «восьмерки».

А чтобы и не пробиться? – решили уральцы. При такой всеобщей неразберихе, когда все перепуталось в табеле о рангах? Или почти все – при отсутствии грандов: киевлян, тбилисцев, минчан? Тут на одном кураже можно лихо проскочить, если попрет, среди всяких прочих волжан!

Скептически настроенные болелы со стажем чудес не ждали. Ну, вкатимся мы в Европу «на пердячем пару» – надолго ли? Что там нас ждет? Как влезем, так и вылетим. (Забегая вперед, оно так и вышло – уральская дружина, даже победив в подгруппе, в полуфинале продула каким-то неизвестным датчанам). А вот о том, что придется ведь и принимать соперников у себя дома и на каких условиях, как-то особо не беспокоился никто. Практики же не было! А уральцы возьми и выиграй на выезде первую игру у мальтийского «Хиберниансa»! И по всему получилось, что следующий-то матч с турками – дома!

Первым охнул про себя директор Центрального стадиона – главной спортивной арены города. Сезон закончился, а значит – ремонт пора проводить, пока зимушка-зима не грянула. Который, соб-

* Начало цикла – в журнале «Веси» № 9 за 2023 г.

ственно, уже и начался. Строители взялись поначалу конопатить со второстепенных помещений, до раздевалок еще не дошло – и то слава богу. А то, что комментаторскую кабину уже основательно загадили, превратив во временный склад для бочек с красками... Не баре! С улицы телевизионщики повещают! Вон погоды какие прекрасные стоят в нонешнем году – прям на редкость!

Не до комментаторской кабины поначалу было и заведующему спортотделом телевидения Реброву. На него, точно гром с ясного неба, свалилось известие: по регламенту «Интертото» матч должен непременно транслироваться не только по местному ТВ, но и с подачей «картинки» по адресу гостевой команды. Такого на Урале еще не делал никто и никогда!

Бедлам покатился страшный! С какого боку проблемы решать? Что – в первую очередь? Начальство Реброва, естественно, бодро отрапортовало «наверх» – покажем, эка невидаль! Реальную помощь оказал, разве что, директор телецентра – остальные ограничились традиционными «не подведи», «мы на тебя надеемся» и прочей, принятой в таких случаях, словесной белибердой.

– Вот тебе, Роман, телефончик в министерстве связи в Москве. Есть там такой Фима – фамилию не помню за давностью лет, мы с ним на моем родном заводе пересекались, когда я был начальником цеха. Этот ухарь какой угодно спутник за хвост поймает. Он здесь когда-то бывал. Правда, по оборонным делам – сам знаешь, где я раньше вкалывал. Скажу тебе в успокоение – человек бывалый.

– Спасибо! Хоть что-то...

– Так оно. Только... С тех пор лет двадцать как прошло. Надеюсь, жив-здоров курилка. От меня привет ему большой.

– Если что, я к вам обращусь, ладно? Никто ж ни черта не поймет в этой ситуации – радостно ухватился за подмогу Ребров.

– Звони, не теряй время! Чем могу – подсоблю.

К счастью для Реброва, телефон в ответ бойко проворковал вальяжным голосом:

– На проводе!

– Ефим... Простите, отчества не знаю.

– Борисыч. Чем могу?

Ребров представился по всей форме.

– То-то ваш голосок что-то не припоминаю, уважаемый. На Урале у меня не так много знакомых, чтобы гадать. Да и годков мне набежало прилично – скоро на пенсион.

– В ближайшую неделю, очень вас прошу, не уходите. Сейчас все объясню.

Технари, в отличие от идеологов, над проблемами не рассусоливают.

– Вовремя позвонили, Роман. Факс уже отправили моему начальству? Молодцом! Успеем! Завтра же буду с помощником у вас. Успокойтесь. Дело нехитрое. Не такие задачки раскумекивали. Ну, там гостиница, транспорт, то да се – за вами.

– За это не переживайте! Уж что умеем, то сделаем.

С души у Романа малость отлегло. Будет сигнал Урал-Турция – будет и все остальное. Можно было пораскинуть мозгами, что еще осталось предусмотреть. Позвонил руководству команды. Там тоже все стояли «на ушах». Администратор только что не ревел в трубку.

– Ромка, ты себе не представляешь, что это за кабак! Оказывается, вместе с этим клубом, будь он неладен, прикатит толпа болельщиков. Их же всех мы обязаны разместить, накормить, напоить! Не фунт изюму! Когда мы этими проблемами занимались?

– Дима! Это еще не все. Я тебя сейчас оченно обрадую. Только ты со стула не падай. Нас обязали дать трансляцию на Турцию.

– Да знаю я. В райдере[1] все прописано.

– Значит, с ними должен приехать и комментатор. Кто переводить будет? Или ты сам уже по-турецки балакать научился с перепугу? Я по-английски-то малость шпрехаю, а вот другим языкам не обучен.

– А вот хрен тебе! Завод родной нам толмача выделяет – нашелся у нас тут один полиглот из яйцеголовых. Но он нам самим позарез нужен. Комментатор – на твоей совести! Он же с телевидения? Так что это твой кадр, как ни вертись! Мне своих забот – выше горла!

С этой минуты в мозгу у Реброва слово «комментатор» сидело самой острой занозой! Понятно, что коллега прибудет, скорее всего, с командой. Дай бог, и поселят его вместе со всеми. Хотя... Вдруг для турок он – как наш Озеров? Потребует особые условия – вот тут-то его и спихнут на Реброва! Может, у него еще и штат помощников объявится!

На всякий случай Роман запросил в бывшей «обкомовской», но по-прежнему «особой» (с подчинением правительству области) гостинице забронировать два люксовых номера – с предчувствием отказа, конечно: когда это фанфаронистые отельеры самого пафосного отеля легко шли на контакт? И услышал прямо противоположное.

– Да хоть всю гостиницу берите, господин Ребров! Мы же, предвидя ситуацию, приготовили номера для всех: и на команду, и на болельщиков, которых ожидалось с полсотни. А они знаете что учудили?

– Кто они?

– Да болельщики эти ваши, будь трижды неладны! – голос администратора, не первой молодости женщины с немалым обкомовским прошлым, просто звенел от возмущения! – Притащились вперед команды – ладно, мы готовы были. Однако... Первый вопрос задали, как вы думаете, о чем?

– Ясное дело – об удобствах, транспорте, питании там...

– Если бы! Они так прямо без обиняков и спросили для начала через нашего переводчика, бедный паренек чуть не поперхнулся от неожиданности: проституток в номера нам гарантируете?

[1] Райдер (от англ. Rider) – список условий и требований исполнителя (Здесь и далее – комментарии автора).

– Ничего себе! Вот это большой спорт! Международный!

– По всему они так развлекаться привыкли! И лишь потом следующий вопрос нарисовался: а буфет у вас всю ночь работает? Конечно, получили исчерпывающую информацию: ресторан – до 23 часов, посторонним в номерах вообще делать нечего. У нас не проходной двор!

– И что теперь?

– Да отправила их напрямую к Прокопчуку, знаете его. А тот и рад-радешенек! Ему лишь бы деньги текли! И в кассу, и помимо нее – знаем мы эти его шахеры-махеры. Так что вся наша гостиница теперь ваша, Роман Сергеевич! Хоть частично покроете неожиданные убытки!

Прокопчука Ребров знал неплохо и относился к нему, прямо сказать, без лишнего пиетета. Про таких говорят – «скользкий тип». Не случайным ветром занесло этого делягу в привокзальную гостиницу, где руководство менялось, как перчатки из-за, мягко говоря, неординарной ситуации. Вокзал Уральской некоронованной столицы славился на всю Россию не с самой лучшей стороны! Слава эта была отнюдь не благостной. Так уж сложилось, что стал он натуральным перевалочным пунктом для огромных масс населения, в том числе – и для лихих людишек, двигающихся с Северов после отбытия наказания за противоправные деяния, а также для местных карманников и других ухарей разного рода, перемещающихся что с запада на восток, что в обратном направлении, что на Юга. Криминальный фон – выше некуда! Крупный процент отсидентов свое первое нарушение законов после освобождения совершали именно здесь, отсюда их и этапировали по обратным адресам. Спекулянты всех мастей тоже перли именно через этот вокзал, множество сделок совершали, не теряя времени, прямо здесь. А где деньги – там и шалманы с дамами «пониженной социальной ответственности», и пьянки, порой кончавшиеся поножовщиной, и вообще творилось черт знает что.

Ясно, что такая обстановка не могла обойти стороной и привокзальную гостиницу. Официально там распорядок был – как везде. Но попробуй соблюди нормы морали и права, когда непотребства творятся каждый день, с утра до вечера и с вечера до утра – в режиме двадцать четыре часа на семь! Вот и бежали директора гостиницы, как черт от ладана, один за другим. А Прокопчук – тот задержался. Уже третий год директорствовал. Хваткий мужик громоподобного вида, в молодости также побывавший в местах, не столь отдаленных по какой-то «нетяжелой» статье (иначе не видать бы ему руководящих постов) – этому любое море было по колено! И рестораном в области поруководил, и грузчиками на этом вокзале – так и выбился на свою нынешнюю должность. Этому-то пройдохе публика из числа турецких забулдыг-болельщиков была родней родной – обеспечит потребности любого характера! Все вокзальные киоскеры будут вертеться, как заведенные, при щедром-то спросе на питье-закуски! Вне сомнения, и женский контингент быстро поймет, что к чему! Платили бы деньги! А турки приехали явно не на последние медные куруши[1].

Другой вопрос – станет ли комментатор жить в таких условиях? Турецкий клуб принадлежал пусть и провинциальному, но вполне респектабельному банку – об этом сообщалось в информации ТАСС. Вряд ли руководство команды и тем более банк поддерживали очень уж горячие отношения с болельщицкой тусовкой, что совсем не обязательно. Да и не к лицу журналисту водить дружбу с подобной публикой. Тогда почему все уже здесь, а он никак не объявляется? Кабы не случилось что...

Эти невеселые рассуждения с самим собой, любимым, прервал телефонный звонок. Неужели?

– Господин Ребров? Вас беспокоят представители фирмы «Инфоспорт». Мы уже приехали из Москвы, сами поселились было с командой турецких болельщиков в привокзальном отеле...

– Что за фирма? Впервые слышу!

– Понятно. Для многих это явление новое. Нам поручено юридическое сопровождение матчей «Интертото». Да вы не беспокойтесь! У нас все готово, подписано, заверено, проблем нет. Только разве... Это не гостиница, а кошмар! Вы не могли бы нам подыскать что-нибудь поприличнее? Тут же тараканы открыто по полу бегают. А шум! Ужас! Мы оба впервые в вашем городе. Попробовали уговорить администратора вашего футбольного клуба нам помочь – да куда там. Он очень важным делом занят – сидит на телефоне, шлюх со всего города собирает! В открытую! Аж вспотел от ударного труда!

– Сейчас я за вами заеду, отвезу в лучшую гостиницу. Взамен у меня просьба – попробуйте найти в этом бедламе комментатора футбольного матча из Турции. У меня о нем голова который день пухнет.

Поинтересовавшись у технарей, как идет «ловля» турецкого спутника, – московские связисты с кучей оборудования уже часов пять торчали на крыше телецентра, распорядившись опять же через директора телецентра, чтобы гостей не забыли покормить, Роман на своем «Жигуле» помчался за москвичами. Может, хоть они помогут? Счет-то идет, считай, уже на часы!

Они уже ждали – респектабельные московские мальчики: с иголочки одетые, тщательно причесанные, в сияющих лаком импортных туфлях на достаточно высоком для мужчин каблуке. «Голубые» – мысленно окрестил их про себя Ребров.

– Можем вас частично порадовать, – представился в качестве старшего Иннокентий, предъявив документ. – Комментатор и его менеджер дамского пола прибыли вместе с командой одним рейсом. Их тоже пытались поселить в этом, извините, гадюшнике. Но, в отличие от нас, они здесь пробыли не более получаса.

[1] Куруш – мелкая разменная монета в Турции с 1844 г.

– И где они сейчас?

– Ушли. И больше не появлялись.

– Час от часу не легче! Ладно, поехали.

«Обкомовская» москвичам очень понравилась – чистенько, респектабельно, недорого. Как ни сопротивлялся Роман, уговорили его отобедать. А он все ерзал – даже черная икра в рот не лезла: может быть, именно сейчас, в эту минуту его телефон разрывается от звонков!

Ближе к вечеру – пора было уходить домой, но Ребров никак не решался – раздался долгожданный звонок. Сбивчивый женский голос сначала на хорошем английском и тут же с переходом на ломаный русский не просил – просто умолял спасти их в безвыходной ситуации!

– Комментатор с вами? – только и выдохнул с облегчением Роман.

– Да, конечно. Я – менеджер банка, имеющий клуб «Коджаелиспор» из города Измит. Кстати, дочь владелиц банка.

– С вами все в порядке? Где сейчас находитесь?

– В какой-то гостиниц в центр ваш таун. Но здесь еще ужаснее, horror[1], чем в привокзал. Не только таракан – крысы бегать. Как в страшный турецкий тюрьма для убийц!

– Я вас сейчас заберу, не беспокойтесь! Дайте трубку кому-нибудь из персонала.

Поняв, в какую катавасию вляпались приезжие – эта гостиница состояла на ремонте, пускали туда разве что бомжей, да и то если очень попросятся, – Роман рванулся к директору телецентра.

– Михаил Алексеевич, спасибо огромное за помощь. Нашел я комментатора! Но на «Жигуле» как-то несолидно их перевозить вместе с менеджером. Она – дочь владельца банка, который содержит клуб. Уж раз взялись выручать – помогайте до конца. Некогда мне заявки писать на транспорт – завтра уже игра! А мне их еще разместить как следует нужно.

– Бери мою «Волгу». Кстати, Фима не подвел – поймали мы с ним турецкий спутник. Сигнал идет, правда, на «троечку» по качеству, но достаточно устойчиво. Так что с тебя бутылка!

– За «Волгу» ставлю литр! Если бы не вы...

– Шучу! Ты такое дело практически в одиночку проворачиваешь! А все, блин козлиный, стоят и смотрят, чем кончится. Как думаешь, обыграем мы турков этих?

– Да кто ж их знает. Они черт те откуда, я про такой город Измит и не слыхал. Увидим!

– Ладно, не теряй время! Тебя, поди, уже заждались!

Это была любопытнейшая пара. Высокий, стройный, как тростиночка мальчик – от силы четвертак, но – писаный красавец! Яркие синие глаза в опушении смоляных ресниц, не сразу и турка в нем признаешь, в курточке темно-синего вельветина со сплошными сверкающими молниями. И слегка начинающая набирать женские стати брюнеточка чуть за тридцать с точеными ножками, вполне европейским миниатюрным носиком.

– You look just great! Welcome on board![2]

– What a pack of lies![3] Это был самая ужасная ночь в мой жизнь. Давайте по-русски – я оканчиваю аспирантура в МГУ на экономика, чтобы стать вице-президент фирма мой отец. Он выдернул меня из Москвы срочно, без меня в этом деле никак! Знал бы май папа...

Она и правда была очень даже ничего в своем жаккардовом черно-белом жакете с монограммой «Elleton» над правым карманчиком, с крупными контрастного цвета перламутровыми пуговицами – пусть не от «Диора», но явно нетурецкого ширпотреба вещь. Пальцы обеих рук на восточный манер были сплошь унизаны многочисленными золотыми кольцами – буквально на каждом, да не по одному. Ребров не пожалел, что успел переодеться в любимую «клубную пару», хорошо подчеркивающую его атлетическое сложение в недалеком прошлом борца классического стиля международного класса – синий блейзер, серые брюки, светло-фиолетовая рубашка с галстуком под цвет блейзера.

О том, что гости интимная пара, можно было догадаться без особого труда, причем ведущей в тандеме была явно она. Комментатор просто молчал, пока она выговаривалась. В машине рюмашки в форме бочонков для коллекционного коньяка «Ахтамар» – во второй руке у Реброва была коробка фирменных уральских конфет «Малахит» – помогли Роману слегка успокоить гостей. Уже в более спокойном тоне менеджер повествовала, как они решили на ночь глядя двинуться в центр города в надежде, что уж там-то отели куда комфортабельнее, чем вокзальный. Как плутали и наконец-то поселились, не поужинав, в этот страшный караван-сарай и рухнули без сил. А утром первое, что увидели: здоровенная крыса деловито обшаривала их вещи – видимо, в поисках съестного. Как кинулись было по первому адресу, но окончательно заблудились и решили наконец-то поесть в ресторане. Где у них не приняли ни одной карточки ни одного банка, и ей с трудом удалось расплатиться наличными долларами США – еще неизвестно, намного ли их обсчитали? Какой, кстати, сейчас курс у вас?

Реброву наконец-то удалось вставить слово.

– В нашей стране наличные доллары не ходят. Вам еще повезло...

А менеджер, не дослушав, продолжала возмущаться: как они решили ради хотя бы телефона вернуться туда, где ночевали – иначе как бы они сумели дозвониться? И снова чуть не потерялись!

– Вот именно! Я уж устал вас искать? Кто дал вам номер моего телефона?

– Доллар! – впервые открыл рот комментатор.

– Конечно! – подхватила менеджер. – Я всунула стодолларовую купюру эта страшная дама на рецепшн, чтобы навести справки.

[1] Ужас! (англ.)

[2] Вы выглядите великолепно! Добро пожаловать на борт! (англ.)

[3] Наглое вранье! (англ).

И больше заплатила бы – ведь Али не спал ночь, а ему скоро работать. Как он соберется – не знаю! Извините, но все же Россия – варварская страна!

– Я, между прочим, тоже часть России, – нисколько не обиделся Роман. – Отчасти вы сами создали ситуацию, в которой оказались. Я с самого начала планировал поселить вас там, куда везу.

К счастью, номер вполне устроил: большая ванна, джакузи голубого цвета, две комнаты с комфортабельными кроватями, мини-бар с холодными напитками и закусками в счет оплаты за проживание – все как в лучших гостиницах Европы и Азии. Оставив гостям номер своего домашнего телефона, впервые за две последние ночи Ребров спокойно лег спать! Ему ведь тоже необходимо было выспаться перед игрой!

Утром первое, что он вспомнил – комментаторская кабина. Позвонил на стадион.

– Да мы ее просто заперли! – устало ответил директор. – А то там все в краске перепачкаются. Прогноз хороший – дождя, во всяком разе, не ждем. Протянем телефон и микрофонную линию в ложу прессы. Бог даст, обойдется!

Увидев телефон, менеджер непреклонным тоном приказала:

– Пусть он будет в моем полном распоряжении! Я должна иметь постоянный связь с Турцией! Скажите, чтобы соединили – и не отключали. За мой счет, разумеется.

Оказалось, что и программку матча отпечатать не успели. Ребров схватил в судейской какой-то не первый экземпляр составов команд, наскоро перевел прямо авторучкой фамилии на английский. Когда начался матч, он устало откинулся на стуле и наконец-то выдохнул. Все! Теперь, что бы ни произошло – от него ничего не зависит.

А уральские футболисты, как ни в чем ни бывало, вкатили гостям два безответных гола. Хоть в этом турнир «Интертото» принес радость!

Братина в мире граций

Противостояние Украина-Россия возникло отнюдь не в двадцать первом веке. Во всяком случае, в спорте оно всегда и в веке прошлом было нешутейным, особенно – в художественной гимнастике. Семидесятые ознаменовались ярчайшими звездами – за первые места на всех значимых пьедесталах на равных сражались киевлянка Ирина Дерюгина и омичка Галима Шугурова. В семьдесят восьмом обе они на первенстве страны одновременно взяли «золото», имея уже титулы чемпионок мира – судьи в многоборье никому не смогли отдать предпочтения. Подобное случается крайне редко!

В свете таких жарких схваток розыгрыш Кубка газеты «Советская культура» в Свердловске заранее приковал к себе внимание и болельщиков, и прессы: кто кого одолеет на этот раз? Интрига накалялась еще одним обстоятельством – а приедут ли вообще супертитулованные красавицы? По большому счету, этот турнир ничего не добавлял к их рейтингам – кабы не борьба за влияние республиканских федераций художественной гимнастики в сборной страны! Вот уж где интриг и накала страстей хватало с избытком! Ведь советские «художницы» на чемпионатах Европы и мира уверенно доминировали: попадешь в сборную – быть тебе международной чемпионкой. Тут ключевое понятие – «попасть»!

Гимнастика относится к субъективным видам спорта – тут тебе ни голов, ни секунд, ни килограммов. Все решают судьи, а они – тоже люди. И тоже состоят в своих федерациях. А если учесть, что это одни только женщины… Мужиков в этом виде спорта на пушечный выстрел не подпускали. Да они и не мечтали – себе дороже выйдет, никаких нервов не хватит спорить с этими амбициозными феминами! Уставшие от подметных писем, истерик, нашептываний начальники от физической культуры – вот уж где от мужиков точно не протолкнуться – решили, по опыту пожарных, гасить огонь огнем: в председатели Всесоюзной федерации двинули народную артистку СССР Элину Быстрицкую. Вот уж у кого не забалуешь! Быстрее звука разлетелась история о том, как дебютировала в этом качестве популярная звезда большого экрана и театральных подмостков.

Очередной чемпионат страны проходил в Киеве. Понятно, что здесь, на Родине, доминировала Альбина Дерюгина – не только мама Ирочки, но и ее наставник, председатель украинской федерации, заслуженный тренер СССР, одна из руководительниц в сборной страны. По окончании чемпионата (его, конечно же, выиграла Ирина), где взоры и специалистов, и болельщиков были прикованы к Быстрицкой не меньше, чем к участницам первенства, Альбина Николаевна, как бы непринужденно (а она это делала классно), пригласила «ближний круг» в свою немаленькую квартиру – отметить прошедшее событие.

– Это не банкет! Не подумайте чего! Ваня там что-то, конечно, приготовит, но вас ни к чему это не обязывает. Просто по-дружески посидим, чайку попьем.

Кто такой Ваня, объяснять никому было не нужно: титулованный муж и отец семейства Дерюгиных, олимпийский чемпион Мельбурна 1956 года по современному пятиборью, широко известный своим хлебосольством. Конечно, соратницы с радостью согласились, вопрос был в другом – а что ответит Быстрицкая? Не воспримет ли она это приглашение как замаскированный подкуп на перспективу отношений?

Элина Авраамовна отреагировала лаконично.

– Постараюсь. Правда, времени у меня в обрез. Есть еще кое-какие дела. Надо к Владимиру Васильевичу на минутку заскочить, раз еще в Москве пообещала. Мы на приеме в Кремле пересеклись в крайний раз, давно дружим.

Слушавшие восхищенно-понятливо кивали головами. Ясно, что речь шла о Щербицком, всесильном Первом секретаре ЦК

компартии Украины – о ком же еще?!

Иван Константинович, кажется, превзошел себя! Стол ломился! Глаза разбегались от полядвици[1] – хотя до Рождества было еще ох как далеко, крижавок[2], межива[3], драгалей[4]...

– Ну, дядя Ваня! – не выдержав, охнула молодая тренерша, черноокая Оксана. – Да вам бы правительство с Радою кормить!

– Та шо тут исты! – деланно засмущался хозяин. – Це так, на один зуб под хорилочку з перцем. Сам зробил. Очистка – высший пилотаж! – кивнул он в сторону возвышавшейся над всем этим великолепием запотевшей ледяной четверти[5]. – Вы ще моего баграч[6] не пробовали. То будэ на горячее. А вдруг не хватит цих закусок, у мене в заначке е гурка[7]. Та вы ще моих крученików[8] нэ бачилы! Це буде тоже на хоряченькое. Ласково просимо, гостюшки дорохие!

– Вот и попробуй тут сидеть на диете, – хохотнула Альбина Николаевна. – Теперь вы понимаете, девоньки, как нам с Иришей трудно держать вес в норме!

– Или на сборах питаться, – подхватила одна из тренерш-ветеранов. – Я бы там поварам руки поотрывала вместе с головами. Нет на них нашего Ванечки! От зависти бы сдохли, негодяи! Или – со стыда удавились!

Веселье помаленьку набирало темп, и все же, все же... У всех застыл в глазах немой вопрос: а Быстрицкая? Неужели не придет? Значит, будет держать во всем сторону России? Как же иначе оценить такой поступок? Ее как человека пригласили... Готовились, что уж там скрывать-то...

Уже и песни попели – и русские, и украинские. Уже Иван Константинович завершал печь десерт – знаменитый торт «Киевский», который ему всегда удавался на славу. Надежда на визит высокой гостьи почти истаяла, как раздался переливчатый напев звонка – его привезли из Японии Ирина с мамой, когда дочка после чемпионата мира выступала с показательными гастролями в Стране Восходящего Солнца: будто соловьи в роще запели по-особому, по-японски.

Элина Авраамовна, наглухо затянутая в строгий черный костюм со Знаком «Народный артист СССР» (хотя еще пару часов назад была в вишневого тона вельветовой кокетливой паре с алой блузкой в темно-бордовую полосочку) размашистым шагом прошествовала к столу, ослепительно улыбнулась с шалой грацией киношной Аксиньи:

– Извините, что заставила себя ждать. Так получилось – не все от меня зависит. И – не всегда! – многозначительно оглядела она всех присутствующих. Выбрав внушительной емкости фужер, повернула очаровательную головку, причесанную волосок к волоску, забранную в ее фирменный римский гребень, к хозяину застолья.

– Иван Константинович, водка в доме водится?

– А то ж! Чистейшая, рижский «Кристалл». Одну секунду!

Конечно же, «Кристалл» был прямо из морозилки. А то Ваня не знал, каковы вкусы блистательной дивы!

Она сама открыла, сама налила себе до краев.

– Извините, что все так бегом. Машина ждет, самолет задерживать негоже. В следующий раз, надеюсь, выкрою времени побольше. Разрешите тост. «За советскую художественную гимнастику!»

И, не дожидаясь никого, выпила залпом все до капельки, закусила услужливо поданным бутербродиком и таким же решительным шагом направилась на выход!

...В Свердловск Быстрицкая не собиралась – не тот уровень мероприятия. Организаторы, узнав об этом, облегченно вздохнули. Осталось дождаться других звезд. Которые, как и положено, тянули до последнего. Наконец-то накануне открытия Кубка прилетели Дерюгины – мама с дочкой.

– Не беспокойтесь, Альбина Николаевна, мы вам приготовили отдельную дачку за городом: лес, прекрасный воздух, отличная кухня. Как и положено почетным гостям! – услужливо-радостно суетился инструктор Отдела физкультуры и спорта Облсовпрофа. – Останетесь довольны, уверяю вас!

– А где будут жить остальные участницы турнира?

– В гостинице «Свердловск». Ну, там условия на порядок...

– Вот туда и везите. Мы – как все! Вам ясно?

– Ну, как скажете. Правда, надо предварительно проверить, свободны ли там люксовые номера...

– Кто говорит про «люксы»? Я же понятно объяснила – мы на равных с остальными! Две кровати, душ – и этого достаточно.

– Что, и во Дворец спорта поедете в общем автобусе для спортсменов?

– Естественно! Какой вы, право, непонятливый. Давайте лучше о деле. Пресс-конференция предусмотрена перед открытием?

– Да, конечно, – заметно потускнел инструктор. – Сегодня в два часа в Облспорткомитете. Я за вами заеду. Это-то можно?

– Нужно. Я в этом городе впервой. Времени у нас еще пара часов есть. Ирина будет отдыхать, а я все же душ с дороги приму и переоденусь.

На пресс-конференции всех ждали два сюрприза. Первым была награда для победительницы в многоборье от газеты «Советская культура», ее доставил корреспондент столичного издания. Это была продолговатая деревянная братина в форме старинного русского челна емкостью примерно с литр, раскрашенная черно-красными узорами «под хохлому»; вместо весел по бортам свисали деревянные ложки, вместимостью каждая на глаз грамм на 15–20, не более – по каждому борту шесть.

---

[1] Полядвица – говяжья вырезка.

[2] Крижавки – маринованная в уксусе капуста со свеклой.

[3] Меживо – овощное рагу из кабачков, моркови, тыквы, баклажана и помидоров.

[4] Дргааль – холодец.

[5] Четверть – трехлитровая бутылка для спиртного.

[6] Баграч – говяжий гуляж.

[7] Гурка – домашняя колбаса из свиной крови с рисом и кукурузной крупой.

[8] Крученики – аппетитные тушеные мясные рулетики.

– Какая прелесть! – не удержалась от восхищения Альбина Николаевна. – Если Ирочка победит, наливаю до краев коньяком и угощаю всех журналистов, кто освещает турнир.

– Считайте, что приз ваш! – прямолинейно ляпнул председатель Облспорткомитета. – Только что получили телеграмму – Шугурова не приедет.

Сохацкая[1], одна из лидеров свердловской гимнастики, стрельнула взглядом в сторону Вавич[2] и Батаен[3], но наставники сборной РСФСР недоуменно пожали плечами. Не было старейшины тренерского цеха страны Облыгиной[4] – уж она-то точно проехалась бы по этой ситуации на все сто! Но не в правилах Елизаветы Алексеевны было посещать подобные мероприятия.

– Почему? – задал вопрос настырный корреспондент газеты «Советский спорт» Михаил Азерный. – Уход от борьбы? Так это прикажете понимать?

– Да нет, Михаил Лазаревич. Все значительно проще – беременна чемпионка, третий месяц пошел.

– Да, Галима недавно вышла замуж, – невозмутимо подтвердила Дерюгина. – Но вот о том, что она решила завести ребенка, слышу впервые. Нормально! Пока молодая, сильная... Мне Горенкова [5]рассказывала – свадьбу Галочки в Омске праздновали как городской праздник!

И решительно поднялась со стула.

– Спасибо за внимание, товарищи! Мне пора откланяться. Увидимся на соревнованиях!

Конечно, у прессы вопросы были, но... И тут всех опередил заведующий спортотделом.

Свердловского телерадиокомитета Роман Ребров.

– Альбина Николаевна! Разрешите мне доставить вас до гостиницы. Мне бы минут пять для сегодняшнего выпуска новостей на радио, больше времени не понадобится, – и чтобы не нарваться на отказ, добавил, – моя новенькая «Тойота» – к вашим услугам!

– Знаете, как увлечь женщину, – озорно сверкнула глазами Дерюгина. – После Токио,

Осаки, Иокогамы обожаю все японское.

– Заодно и про свадьбу Галимы по пути расскажете. Для обогащения материала!

Белоснежная праворульная «ласточка» Романа лучезарно сверкала на осеннем солнце.

– На таком авто можно и в императорский кортеж пристроиться по пути к Фудзияме! – восхищенно улыбнулась гостья. – Как все же мы отстали со своим автопромом. Я уговорила мужа избавиться от «Волги». Корыто корытом! То ли дело – такая вот японочка. Любо-дорого и взглянуть, и промчаться с ветерком. Обещал Иван Константинович, ищет варианты.

– Уж вам-то найдут! – поддержал ее Роман. – Раз я на Урале разжился этим чудом, в Киеве-то уж подавно получится. Вы на свадьбе сами не были, раз судите по чужому описанию? Неужели не пригласили?

– Попробовали бы только! Увы, не удалось – как раз с Ириной путешествовали по Японии. Ничего отменить было невозможно – правительственный уровень договоренностей. Ну и, само собой, в Омске тоже менять ничего не стали.

Свадьба, как ее описала Дерюгина, действительно была грандиозной! Замуж Галима выходила тоже за знаменитого спортсмена, тоже коренного омича Рената Шарафулина – серебряного призера чемпионата мира по велогонкам 1971 г. Свадьбы было подряд две – общая, для всех – и вторая, отдельно – татарская. Про национальную мало что известно. А вот в первый день! Присутствовало областное начальство из обкома, облисполкома. По лестнице, ведущей в зал, с одной стороны стояли девочки-гимнастки с обручами, с другой – мальчики-велосипедисты с колесами от гоночных машин. А уж про подарки, угощения и говорить нечего – отдельная тема! Одни только ключи молодой семье от новенькой квартиры чего стоили!

...На Дерюгину народ пошел – Дворец спорта, рассчитанный на хоккей, заполнили чуть ли не под завязку. Конечно, судьи во всех видах программы ставили Ирине высшие баллы, хоть и отмечали специалисты шепотом между собой, что красавица явно набрала лишние килограммы, что является сигналом понимающим – уж не заканчивать ли решила? Все уже выиграно! Зато мужики! Как завороженно следили они за каждым антраша чемпионки, как цокали языками, закатывая глаза! Все остальные против лидерши выглядели просто малолетними худышками! Хотя чемпионке всего-то исполнилось двадцать лет. Ах, как коротка спортивная жизнь!

За суетой последнего дня как-то подзабылось об обещании Дерюгиной. Но надо знать железную Альбину! Она буквально за рукав поймала Реброва.

– Ромочка! Помогайте. Где будем праздновать, в судейской?

Пока Роман скликал коллег, Альбина Николаевна споро, как и обещала, наполнила братину до краев – вошло как раз две бутылки трехзвездочного молдавского коньяка «Белый аист». И – ни грамма закуски. Вовремя заглянувший директор Дворца спорта распорядился – из буфета принесли поднос бутербродов с копченой колбасой.

– Мальчики, поторапливайтесь! – подгоняла Дерюгина. – Мы с Ирочкой еще вещи не собирали. А самолет ждать не будет!

Конечно, журналистская братва навалилась! Но попробуйте быстро выхлебать литр такими микроскопическими «веслами»! Один за другим коллеги Реброва отваливались на стулья, а в братине будто и не убывало!

– Ну что же вы, мужчины! – не унималась титулованная тренер-

---

[1] Сохацкая Виолетта Евгеньевна – заслуженный тренер СССР, наставница сборной Свердловской области.

[2] Вавич Татьяна Григорьевна – Заслуженный работник культуры РСФСР.

[3] Батаен Валентина Григорьевна – заслуженный тренер СССР, судья международной категории.

[4] Облыгина Елизавета Алексеевна – заслуженный тренер СССР, главный тренер Свердловской области.

[5] Горенкова Галина Павловна – заслуженный тренер СССР.

ша. – Тут пить-то нечего. Неужели на Урале такие слабаки?

«А ведь это – отголосок демарша Быстрицкой!» – подумалось Роману. – Так просто эти «звезды» ничего не делают!»

Вместо мышц – одни нервы!

– Это ты хорошо зашел! – председатель спортклуба университета Викентий Павлович, высоченный дядила, в прошлом прыгун с шестом, с удовлетворением листал квалификационную книжку Мэлора. – Чемпион Воркуты, да не один раз. Чемпион Коми АССР – и тоже не единожды. И по «классике», и по вольной. Силен бродяга! Однако это все – юношеские турниры. А по мужикам уже выступал?

– В последний год, как только стали допускать. Мне восемнадцать-то всего как полгода исполнилось.

– И что наборол? Какой, в смысле, разряд?

– Первый. Там в конце отметка есть о присвоении квалификации.

– Вот это очень даже замечательно! Вовремя ты к нам попал. Ох как вовремя!

– То есть? Что значит это «вовремя»?

– А то и значит, что с нынешнего года в Универсиаду – это у нас такая спартакиада есть между университетами всея СССР – включена твоя любимая классическая борьба. И допуск – только с первого разряда. А у нас – ни одного борца. Было. Теперь, считая с тобой, уже два. На философский поступает кандидат в мастера спорта. Лиха беда начало!

– Ну, нам еще попасть надо, все экзамены впереди. Я ведь случайно увидел табличку «Спортклуб», когда на консультацию шел. Дай, думаю, загляну на всякий случай.

– Да чтоб такие парни – и опростоволосились? В основном же к нам идут домашние детки – не горный, не политех, и уж тем более не сельхоз с лесотехом. А вы – на ковре закаленные, битые-перебитые, не чета всяким хризантемам комнатным. Которые больше по читалкам да филармониям шляются с утра до ночи, неженки. Пройдете!

– Вот только где я буду бороться? У вас же секции нет, я узнавал.

– А ты в окно выгляни. Видишь красное кирпичное здание? Это корпус горного института, на самом верху – спортзал для борьбы. Я позвоню, тебя включат – и будешь тренироваться. Пойдет все ладом – сделаем освобождение от физкультуры в университете, зачет будешь получать «автоматом». Зачем тебе, квалифицированному бойцу, тратить время на пустое дрыганье руками-ногами? Это – затея для неумех – уж во всяком разе не для целого перворазрядника. А в зимние каникулы покатим в Новосибирск, в Академгородок – на Универсиаду. Как ты сам понимаешь, отбора в данном случае не будет, место тебе гарантировано. Так что набирайся и знаний, и формы. Считай, вы с тем философом, Толей Ивкиным, закладываете основы классической борьбы в Уральском госуниверситете. Основоположники!

– Попробую. Во всяком случае, спорт бросать не собираюсь. Провалюсь на вступительных – в армии буду продолжать бороться.

– Я те провалюсь, Козин! И думать не смей! Мы на тебя надеемся. Вперед, к новым победам! А захочешь в армии послужить – она от тебя не убежит никуда. В этом году в универ вернули военную кафедру. Будут из вас делать лейтенантов. Все лучше, чем оставаться рядовым необученным! Везун ты, парень – все само тебе навстречу катит!

В горном обошлось без проблем. Завкафедрой физкультуры бодро заметил:

– Сможете, студент, выступать за наш институт. У вас еще не скоро команда появится, если будет когда-нибудь вообще – традиционно не университетский вид спорта. От ваших абитуриентов справок о здоровье ведь не требуется. Откуда борцам взяться? Правда, у нас парни сильные, еще пробиться в команду надо, чтобы наш вуз представлять. Но это не проблема. В ДСО «Буревестник» с этим вообще не строго, кто за кого выступает: позовут за сельхоз – за них боритесь. Нам не жалко. А освобождение от физры вам дадут после первых же соревнований – когда подтвердите, что всерьез занимаетесь физическим совершенствованием. «Буревестник» и даст – это в их компетенции.

На первенстве города среди студентов и Мэлор, и Толик Ивкин, с которым они быстро стали друзьями, заняли призовые места. И вот она, Универсиада! Команды по игровым видам, легкоатлеты, штангисты и представители других видов спорта приехали с тренерами и сразу после расселения в общежитии отправились на тренировки. Борцы же оказались предоставлены сами себе. Пошли спрашивать, где и у кого зарегистрироваться.

– Вас что, только двое? – удивилась девушка со спорткафедры. – А где остальные? Соберитесь все вместе, тогда и оформим заявку.

– То есть? – переглянулись между собой уральцы.

– Что, еще не все приехали? Время есть. Пусть поторопятся.

Подошел главный судья соревнований из Москвы.

– Что-то не так, парни? Ваше начальство должно знать, что к турниру допускается не менее пяти человек от вуза. Не наберется нужное количество, вас не допустят. Будете, если что, судить. Судить-то, надеюсь, умеете? Должны уметь – при вашей-то квалификации.

Пошли искать председателя спортклуба. Викентий был пьян в дымину. Больше в аспирантском общежитии Академгородка в этот час не было никого.

– Вы че приперлись? Проблемы строить? Зачем приехали? Бороться? Вот и боритесь! А то отправлю домой за свой счет! Мигом из универа вылетите, дармоеды! Проблемы они мне тут будут строить, мастера недорезанные!

Пошли в свою комнату, стали обсуждать, что делать. Судить – так судить. А потом свалить все на Викентия? А тот скажет, что

это мы нажрались, и нас поэтому и не допустили. Свидетелей-то нет! Неприятностей все равно не оберешься. И так прикидывали, и эдак, пока не родилась авантюрная идейка.

В спортивной делегации, кроме участников и тренерско-педагогического состава, было как раз еще три человека: журналист с кинооператором из любительской киностудии университета и секретарь комитета комсомола. Нашли всех троих без труда – в картишки резались под пивко, пока снимать нечего. В «преферанс». Не сразу и врубились, что от них требуется. Пришлось обоим борцам растолковывать по второму кругу проблему и придуманный способ ее преодоления. Пока съемочная группа взяла тайм-аут на раздумья, забросала борцов вопросами «как» да «что», комсомольский секретарь Мишка принял решение за всех.

– Тут и толковать не о чем. Будем выручать атлетов. Надеюсь, пацаны, бороться нас не заставите? Вам ведь всего-то и надо, чтобы заявиться, я правильно понимаю?

– Конечно! – подтвердил Мэлор. – Выступать будем мы с Толей – надо, чтобы нас допустили. Ну и еще один этап придется преодолеть. Взвешивание. Там же – медосмотр. Завтра в восемь утра!

Конечно, волноваться основания были. Если «комсомолец» и журналист на вид были вполне себе спортивные ребята, то оператор... Тощенький. Сутулый. Очки с такими диоптриями – мама не горюй. Кабы не забраковали этого Новикова! А больше брать некого!

На взвешивание пошли в самом конце процедуры, чтобы не оставалось времени на разборки. Для начала вставали на весы Мэлор с Анатолием – тютелька в тютельку уложились в свои весовые категории: 80 кг у журналиста и 57 у философа, грамм в грамм. Врач мельком смотрела в заявку и ставила «галочки». Для проформы задала вопрос:

– Вас всего пятеро? А где остальные?

– Больше не будет, – вдохновенно врал Козин. – В нашем университете борьба только открылась, не успели новички вырасти до перворазрядников за семестр. Мы двое готовыми уже пришли, остальных вот подтянули насколько успели. Но набрать десять человек оказалось не под силу.

– А тренер ваш где?

– Заболел перед самым отъездом, – включился в авантюру Ивкин. – Загрипповал. По Свердловску какой-то гонконгский, что ли, ходит. Косит всех подряд. Все поручил нашему капитану, вот ему, – кивнул он на Козина.

– Да – подхватила врач. – У нас в Новосибе та же картина, и Академгородок не минуло. Конечно, выходить на ковер в марлевых повязках спортсмены не смогут, но судей обязали прикрывать рот и нос, чтобы эпидемия не разрасталась.

«А ведь это подсказка!» – мелькнуло в мозгу у Мэлора.

«Комсомолец» встал на весы, взвешивала медсестра. Уткнувшись в заявку, привычно спросила:

– Сколько весите?

– 62-64 – бодро ответил Михаил.

– Шутник! – улыбнулась девушка. – А то борцы свой вес до грамма не знают. Так! У вас, юноша, 63 200. Успеете согнать? А то придется выступать в следующей весовой. Там вам семидесятикилограммовые бока так намнут!

– Успеет! – уверенно заверил Козин. – Говорил тебе, дурила – зачем в поезде пиво пили? Думаете, я не видел? Смотри у меня!

На весы встал журналист.

– Да что вы творите, уральцы! – удивилась уже всерьез медсестра. – 64 килограмма. Выхода нет, мальчики, а то еще друг против друга по жеребьевке попадете! Пальто, шерстяной костюм – и круги по залу, красавчик! – строго наказала она «комсомольцу». Через час, так и быть, придете перевзвеситься! Сделаю исключение, раз такое дело.

Настал черед Новикова. Этот упрямец наотрез отказался взвешиваться, как все, голышом.

– Чтоб я при женщинах! Да еще незнакомых! – громко возмущался он. Медички переглянулись. Лица их посерьезнели.

– На весы! – толкнул в спину историка Мэлор. – Пошуми тут еще! Людям некогда! Отвлекаешь!

Медсестра на этот раз резко повысила голос:

– А у этого – 66. Вы что творите, товарищи? Что это за команда такая приехала?

Врач же обратила внимание на очки оператора.

– Подойдите сюда, молодой человек. У вас какое зрение?

– Минус семь, – ничего не соображая, ответил бедолага.

– Вы хоть соперника-то на ковре увидите? Давно проверяли глазное дно?

– Да! – обрадовался знакомой теме этот недотепа. – Мне сейчас выписали...

Мэлор понял, что они горят со своей затеей синем пламенем.

– Так, команда! Вышли все, оставьте меня с медиками наедине. Есть разговор не для лишних ушей.

Подойдя вплотную к врачу, Козин взял ее за руку.

– Поймите меня правильно. Я этого Новикова и не собирался выпускать на ковер. Но вчетвером нас не допустят до соревнований. Что грозит отчислением из университета. Кто ж виноват, что из-за гриппа не удалось собрать полноценный состав? Если бы, например, ваш сын попал в такой переплет? У нас очень строгое начальство на Урале. Меня и слушать не будут, вытолкают взашей. И тренер пострадает по полной! А у него большая семья! Вы ж этого не допустите?

Врач на секунду задумалась, потом, прищурив взгляд, спросила:

– На журфаке учитесь? Или это тоже мистификация?

– Со мной все верно. Первый курс. Как и первый разряд.

– Умеете убеждать! Специалист из вас получится. Посмотрим, как будете бороться. Но имейте в виду, Новикова на ковре быть не должно! Я прослежу!

– Обещаю! Железно!

Турнир борцов стартовал, как и ожидалось, с сюрприза. Судья-информатор объявил:

– На ковер вызываются: красный угол – Тинынсиитов, Казахский университет; синий угол – Новиков, Уральский университет.

Время шло, синий угол пустовал. Через три минуты последовал вердикт судейской коллегии:

– Ввиду неявки спортсмена Уральского университета техническая победа присуждается борцу из Казахстана. Следующими на ковер вызываются... Последовала пауза... В микрофон проскочила фраза «вот это да!»

– Красный угол – Рафиков, Уральский университет; синий угол – Перельштейн, тоже Уральский университет.

Ковер на этот раз оставался без участников значительно дольше.

– Представителю Уральской команды просьба подойти к судейскому столу.

– Что случилось! – строго вонзился взором в Мэлора главный судья. – Где ваши спортсмены?

– А где полАкадемгородка? Вы не в курсе, что здесь грипп свирепствует? В соплях лежат в общаге. Как бы «скорую» не пришлось вызывать! Я могу идти разминаться? Мне пора на схватку настраиваться.

Козин с Ивкиным отборолись нормально – оба взошли на пьедестал почета: Ивкин устроился вторым в легчайшей весовой категории, Козин в споре полутяжей – третьим. Чемпионами стали стажированные мастера спорта – в основном аспиранты, зеленых первокурсников среди победителей не наблюдалось.

Друзья решили «обмыть» грамоты, а потом пойти на концерт Кобзона – он как раз гастролировал в Академгородке. В баре, взяв по бокалу шампанского, наткнулись на главного судью.

– Дуйте сюда, гвардейцы, – в руке арбитра плескался внушительный фужер с коньяком. – А вы герои – вдвоем за весь Урал отдувались. Скажу честно, на ковре вы мне понравились. Спасибо за «бедра»[1], полутяж. Катят они у тебя отлично. И слева, и справа. У тебя, мухач, «суплесики»[2] хорошо идут. К выступлению на турнире вопросов нет. Заслужили свои бокальчики, можно и расслабиться. Хотя... Ну, вы даете, парни! Дело прошлое – где-то я вас почеловечески понимаю, потому и бузу решил не устраивать. Я еще в Москве на оргкомитете пытался оспорить требование допускать только с первого разряда. Почитали бы вы заявочные листы! Студентов – раз-два и обчелся. Все какие-то лаборанты, ассистенты, разве что не дворники. Ясное дело – подстава за подставой. Ну не университетский это вид спорта, такие ж вещи надо понимать! Да и эти «подснежники» – тоже кое-как бодались. Те еще перворазрядники! Пусть бы студенты боролись как есть – хоть с третьим разрядом, хоть с юношеским. Теперь липовых мастеров с кандидатами будем оформлять. Парни поопытнее наполучали побед, о которых им мечтать еще рано. Вот в чем беда!

– Это ж видно было сразу, – усмешливо поддержал Ивкин. – С таким интеллектом на рожах выходили кое-кто на ковер! Три класса и коридор на всю семью!

– Но вы тоже хороши. Что, нельзя было по-умному все обставить? Ну, вышли новички, ну легли на лопатки по-тихому – и все, вопрос закрыт!

– Наш разговор неофициальный? – вопросом на вопрос ответил Мэлор.

– Да конечно! Кому лишний кипеж нужен?

– Вот вы на боксерский ринг без подготовки выйдете?

– Совсем без подготовки? Вы что, вовсе не борцов заявили?

– Группа поддержки за просчеты организаторов отдувалась. Они ковра-то в глаза не видели!

– Вот это да! Слушайте, я в борьбе век прожил! – ахнул главный, – и мастера спорта, и заслуженного тренера, и Всесоюзную судейскую категорию выслужил, но такого еще нигде и никогда не случалось!

...Скандала избежать удалось, а вот огласки... В университетской газете вышел фельетон – постарался тренер легкоатлетов. Была там такая хлесткая фраза: «Больше всех поразили болельщиков уральские борцы. «Смотрите, братва, – раздалось с трибуны, – вы когда-нибудь таких атлетов видели? Мышц нет – одни нервы!»

Понятно, что и автора публикации в зале не было. Какие нервы? Да железные!

ПРОФСОЮЗИНКИ

Друзья!

– Друзья! Сегодня я с вами прощаюсь! Увы, пришла пора выхода на пенсию! Мне вас будет очень не хватать!

По рядам пробежал недоуменно-веселый шепоток. «Кто это? Ты ее знаешь?»

А дама на сцене в грубо намалеванном макияже, в безвкусной кофте с люрексом на бесформенном теле, в плохо почищенных сапогах продолжала развивать в микрофон тему: сколько интересных задумок было спланировано, сколь запоминающихся теле- и радиопередач о трудящихся намечено, какие интересные встречи ожидали нас с вами!

– Но вы не кручиньтесь! Я передаю вас в надежные руки. Знакомьтесь! – и она представила женщину, годами младше ее разве что лет на пяток. Вызывающую никак не больше симпатий, чем выступающая.

Вообще-то профсоюзных конференций на телевидении не созывали лет сто. Не было нужды. Все отношения с Обкомом профсоюза работников культуры были поручены вечному неосвобожденному профоргу, тишайшей Иде Георгиевне, чья непыльная должность на радио, название которой тоже никто толком не знал: она принимала папки с радиосценариями, фиксировала их в журнале, аккуратно

[1] «Бедро» – бросок скручиванием с захватом руки и туловища соперника (борцовский термин).

[2] «Суплес» – бросок соперника через «мост» с захватыванием корпуса (борцовский термин).

выдавала редакторам для оформления гонорара после прохождения передач в эфире – статист, учетчик? Всегда на одном и том же месте, крайне редко болела, аккуратно оформляла взносы, которые перечисляла ей за членов профсоюза бухгалтерия. Ей же поручили собирать и партийные взносы. Удобно, беспроблемно, бесперебойно. Какой смысл ее переизбирать? Профком собирали тоже крайне редко – по необходимости: чаще всего выдать кому-либо матпомощь на рождение ребенка, на похороны родственников и т.п. Без бюрократии, в общем, обходились много лет.

Но в этот раз поступила директива – провести отчетно-выборное собрание по всем правилам. Будет присутствовать председатель Обкома профсоюза, еще ряд ответственных лиц. Так что явку нужно обеспечить. Ну и набился актовый зал чуть ли не под завязку. После первых шепотков никто откровенно не слушал говоривших со сцены, разве что отчетный доклад профорга неизвестно за сколько лет, что называется, дотерпели. А уж когда пошли прения... Кто-то разгадывал кроссворд, кто-то вытащил благополучно припасенную книгу. И все откровенно зевали.

– Представляешь! – шушукались две закадычные подружки, режиссер Вета и старший редактор Нина. – Вот она много лет делала вид, что курирует телевидение. Сидела себе, толстела. Отчеты сочиняла, какие-то справки писала своему начальству, те отсылали их выше. И ни разу! Ни разу не удосужилась хотя бы дойти до этого самого телевидения. Они, видно, и другие объекты культуры также ведут. А зарплата идет! Поди, и премиальные перепадают.

– Что им эти премиальные. Они ради чего туда идут? – ехидно улыбнулась режиссер. – Путевочки в местные санатории и за границу – раз. Жильем обеспечивают – два. Проколов по работе нет и не предвидятся – три: ничего не делаешь – откуда ошибки возьмутся? А ведь это – система! Сколько таких профорганов в целом? Обкомы, горкомы, райкомы. Есть ведь еще и ЦК! По всей стране сосчитать – с ума сойдешь, государственные средства на их содержание рекой текут – и всем хоть бы что!

– Не только государственные. Наши с тобой взносы к ним же попадают. Ты сколько раз по путевке ездила отдыхать?

– Ни разу. Муж на работе у себя брал однажды на всю семью в Югославию – за полную стоимость. Да нам никто никогда ничего и не выделял. Я ж член профкома уже лет пять – и что?

– А я и не знала.

– Когда-то выбрали – и навсегда: автоматически переизбирали – хотя выборов-то как таковых и не было. Член – и член себе. Кому это интересно?

Зал оживился, когда на трибуне появился председатель обкома профсоюза. Пожилой человек в пиджаке не по размеру – руки из рукавов еле видно, с толстенными очками на носатом лице. Говорил он тихо, приходилось прислушиваться. Собственно говоря, лба он от бумажки не отрывал, и только в самом конце заготовленной речи поднял глаза.

– Друзья! Мы ждем от вас новых свершений. Берите пример с коллег из Москвы. Ведь смогли же они снять такой замечательный фильм, как «Семнадцать мгновений весны»! Чем вы хуже?

Сначала повисла пауза. Потом грохнул такой смех – стекла звенели! Попробуй этому долдону растолковать, что по ТВ знаменитый сериал просто показали! И все! А сняли на киностудии имени Горького! Этот напыщенный туз даже не удосужился поинтересоваться, снимает ли местное телевидение игровые картины в принципе? Да и зачем ему? Раз взобрался на трибуну – нужно обозначить какую-нито проблему. Другой, видать, не нашлось.

Мы! Сормовские рабочие!

Профсоюзная Зимняя Спартакиада страны взбудоражила весь Урал. Размах был воистину олимпийский: были задействованы все арены, пригодные для стартов высокого класса, переполнены самые приличные гостиницы, транспорта выделили с огромным запасом – и для участников, и для болельщиков. Лидеры профсоюзных спортивных обществ ДСО «Труд», «Спартак», «Зенит», «Трудовые резервы», «Локомотив», «Урожай», «Буревестник» в отсутствие армейцев и динамовцев из кожи вон лезли доказать, что они-то, как раз, и есть спортивный цвет нации. В общем, накал стоял наивысший.

Досталось забот и прессе – газетных площадей журналистам давали, сколько попросят. Спортотделу телевидения и радио пришлось по максимуму мобилизовать авторский актив, привлечь в помощь кое-кого из коллег, пригодных для выполнения вспомогательной части работы. Заведующего отделом Реброва начальство выловило буквально в коридоре – он спешил на выезд съемочной группы на биатлонный стадион.

– Роман Сергеевич, погодите минутку! – остановил его заместитель председателя телерадиокомитета. – Только что позвонили из обкома – прилетел секретарь ВЦСПС Богатиков. Собственной персоной! Надо бы взять у него интервью для «Дневника Спартакиады». А может, он захочет выступить в прямом эфире в «Теленовостях»? Вы уж постарайтесь!

– Само собой, спасибо за новость. Куда гостя сейчас повезли, на какой объект – не в курсе?

– Да кто ж его знает? Может объявиться хоть на Центральном стадионе, хоть на «Юности», хоть на том же биатлоне – ориентируйтесь по обстановке. Думаю, что Виктор Федорович захочет побывать в самых разных точках. Ловите! Вы ж у нас мастер репортажа!

Биатлон так биатлон. Но на специализированном стадионе «Динамо», известном на всю страну и за рубежом, Богатикова не оказалось. Благо, что в этот день бежали спринт, все закончилось за час с небольшим, несмотря на внушительное количество участ-

ников – на чемпионате СССР столько не всегда бывало. Отправив оператора сдавать в проявку пленку, Ребров решил первым делом начать поиски с «Юности», где шли соревнования конькобежцев. И не ошибся: титулованный гость стоял на трибуне в окружении местного начальства, где были руководители и из обкома КПСС, и облисполкома, и, естественно, из Облсовпрофа – эти кучковались по максимуму, даже инструкторов спортотдела мобилизовали.

Не просто было пробиться сквозь это плотное окружение, но Ребров решил не церемониться – больше пары дней большие начальники из Москвы на периферии обычно не задерживаются, так что тут не до сантиментов. Об интервью на месте речи быть не могло – оператора с ним не было, и Роман, проворно втиснувшись в кольцо почтительно внимающих речам высокой персоны, с ходу предложил:

– Виктор Федорович, телезрителей очень интересует ваш приезд. Сможете найти минуты четыре для выступления в «Теленовостях»? Скажем, завтра? Можно в записи, можно в прямом эфире в 19 часов.

Богатиков выдержал паузу, улыбнулся, внимательно оглядев журналиста.

– В принципе, мысль хорошая. Но...

И тут последовала новая пауза, почтительно сопровождаемая понимающими улыбочками окружения.

– Давайте сделаем так. Интервью вам даст Николай Иванович[1], вы определенно с ним знакомы. Передайте, что я ему это поручаю. Он сюда прибыл на весь период Спартакиады. Мы что-то никак не встретимся – видимо, забот навалилось предостаточно. Желаю успеха, молодой человек. Судя по вашей энергетике, все получится!

Кто же не знал Николая Ивановича! С первых же дней Спартакиады этот властный, высоченного роста мужик наводил страх на всех, кто попадался ему под руку. Понятно: полномочий хоть отбавляй – заведующий отделом спорта и физической культуры всех профсоюзов страны. Мог казнить, мог и миловать! Только вот что-то за последние пару дней не попадался он на глаза Реброву, хотя в первую неделю без этого начальника практически ни одно важное мероприятие не проходило – открытия, награждения. «Что-то тут не так», – почувствовал Роман, но времени на выяснение уже не оставалось: пленка вот-вот выйдет из проявки, пора на монтаж.

С утра Ребров начал методично проверять все спортсооружения. Ну нет нигде этого НИ, хоть тресни. Когда уже во второй раз он в своих поисках заехал на конькобежный стадион «Юность», один из руководителей Облсовпрофа, почему-то осторожно оглянувшись по сторонам, поманил его пальцем.

– Мне жалко ваших усилий, Ребров. Поэтому подскажу. Но – вы это узнали не от меня. Договорились?

– Слушаю. Мне важен результат.

– Гостиница «Большой Урал». Люкс на втором этаже. И ничему не удивляйтесь!

Дверь в номер оказалась приоткрытой. Роман на всякий случай решил постучать. В ответ – тишина. Постоялец сидел в простом тренике и майке-«алкоголичке» на кровати, на столе лежал развернутый большой блокнот с крупно написанной от руки фразой, видной издалека: «Эстонец и две бл.. ди». Вскинув помутненный взгляд, НИ с минуту рассматривал корреспондента.

– Ты кто?

Ребров представился. Собеседник молча указал на стул. Явственный запашок красноречиво говорил о его состоянии.

– Пить будешь?

«Скажу нет – выпрет! Как пить дать!»

– Можно. Если для дела.

– Доставай! – кивком головы хозяин указал на раскрытый портфель, из которого рядами торчали головки бутылок.

– Грузины подарили. Чача! Они ее умеют делать классно. Наливай.

Роман разлил по полстакана. Из закуски на столе были только остатки батона и кусок полукопченой колбасы. Выпили не чокаясь.

– Говори!

Ребров как можно деликатней объяснил, зачем явился.

– Богатиков велел? Сегодня?

– Так это, Николай Иванович, только вечером. Сейчас еще утро.

– Отменить нельзя?

– Боюсь, что не получится. Все запланировано.

– Надо – значит надо. Историю знаешь? «Кто сказал «царя не надо»? Мы – сормовские рабочие!» А я – потомок тех героев. Мы никогда ни перед чем не отступаем! Значит, так. Звони в штаб Спартакиады, дашь мне трубку.

И, как ни в чем ни бывало, поставил задачу – подготовить выступление для телевидения на четыре минуты – две машинописные страницы. В виде вопросов и ответов. Доставить к 17 часам в номер.

– Наливай! Продолжим!

– Николай Иванович! – взмолился Роман. – Нам же сегодня в эфир. Давайте закажем обед в номер.

– Заказывай. Кто не дает?

Пока ждали официанта, Роман решился задать вопрос.

– А что это за запись у вас в блокноте? Если не секрет, конечно...

– Да каждый день какая-нибудь херня! Никто ж эту сторону Спартакиады не видит. Все думают – тишь да гладь да божья благодать. Нервы уже не выдерживают! Этот вот случай... Эстонский лыжник, проиграв все в пух и прах, заперся в номере с двумя бля..ми, нажрались вусмерть и взялись втроем трахаться. Кому-то из них резко похужало, одна из них вызвала «скорую». Медики, долбаки стоеросовые, остальных двоих погрузили как были нагишом на носилки и потащили по лестнице вниз с третьего этажа. Одеяло свалилось... Шум, гам, тарарам. Мне такое ЧП наруку? Еле замял, чтоб

[1] Из соображений тактичности автор решил фамилию не упоминать.

никуда дальше не пошло. А вчера тоже какой-то прибалт, пьяный, украл из номера радиоприемник, его застукали – так он этот приемник об пол грохнул, только осколки полетели. А я за все отвечай! Сдохнуть проще, чем разруливать этот бардак!

Роман слушал это все и чем дальше, тем больше понимал, что выход намечается один – упоить до конца «интервьюируемое лицо», уложить спать, а потом, как только возможно поставить на ноги.

Замысел удался. Уже скоро НИ, так и не притронувшись к закуске, отвалился на подушку и заснул праведным сном. Роман заодно и сам часок покемарил – усталость от недели Спартакиады давала о себе знать – к восьми, а то и раньше, на работу, которая затягивалась порой разве что к полуночи. Тот еще темп!

Привезли текст интервью. Роман надиктовал по телефону стенографистке, чтобы материал заслали в сценарную папку выпуска «Теленовостей». В полшестого решил – пора!

НИ спросонья ничего не мог понять.

– Ты кто? Че надо!

Роман чуть ли не за шкирку втащил его в ванну, окунул в прохладную воду. Затем уложил на койку, сделал легкий массаж. В начале седьмого пришла машина.

Интервью прошло без сучка и задоринки. Текст собеседник видеть не мог: глаза были как у вареного рака – цвета кумача, поэтому он спокойно, с достоинством отвечал на вопросы. Уложились ровно в четыре минуты.

Выйдя из студии, НИ вопросительно посмотрел на Романа?

– Считаешь – нормально прошло?

– Вполне, Николай Иванович! Вы держались молодцом!

– Набирай Богатикова!

Он вытянулся перед трубкой как на докладе: ровная спина, развернутые плечи. С минуту слушал, затем, прикрыв трубку ладонью, спросил:

– Мы в записи шли или в прямом эфире?

– Конечно, в прямом.

Окончив разговор, НИ с минуту помолчал. Потом, улыбнувшись – наверное, первый раз за этот день, удовлетворенно крякнул:

– По-хва-лил! Вот что значит мы – сормовские рабочие! Поехали в гостиницу. Там бухла еще до хрена осталось! Обмыть надо успех. Как принято у рабочего класса!

ВОЕНИНКИ

Эрудит

Шухер по полку летел – мама не горюй! О визите министра обороны, конечно, знали загодя – так себе военная тайна, быстрее звука просвистела. Но вот что Сам намерен проверять именно этот полк!

...Полковник Иван Лыжов по первости перепугался до икоты, рефлекторно схватился за папаху. Некстати всплыла в чертыхающемся мозгу старая шутка: «Зачем сдирать шкуру с одного барана, чтобы натянуть ее на другого?» Три дня ходил трезвый, как стеклышко, и оттого злой, как зараза, на подчиненных косил бешеным глазом – будто пытался понять, от кого может исходить угроза или подлость какая.

Ох, нелегко ему папаха досталась. Ой как нелегко! Так-то по службе Лыжов двигался споро. Танковое училище окончил в родном Омске не отличником, но и без «троек». Конечно, далеко было им, родившимся в конце «двадцатых», до фронтовиков: у тех и опыт, и медали с орденами в два, а то и в три ряда. Да и преподаватели к ним явно радели – многие сами понюхали пороху не на учебном полигоне. Хотя, если подумать, в чем его, Лыжова, вина? Не прятался, не уклонялся, с пацанов мечтал о погонах. Просто его двадцать девятый вообще уже не призывали! Поздно!

Неглупый деревенский Ваня своевременно понял, что одного усердия маловато для построения успешной карьеры. Как-то само по себе получилось научиться преданно «есть глазами» начальство – все равно какое, пусть хоть на одну лычку у того больше. Женился на выпускном курсе на генеральской дочке – это во все времена у военных вообще почиталось за карт-бланш! Хотя и в этом вопросе его заслуг было – меньше малого: подзагуляла было генеральская девчушка по юности лет, вот и сплавил папаша замуж за первого попавшегося на глаза курсанта – им-то Ванюшка как раз и оказался. А чего ему было кочевряжиться? В родную дыру назад? В земле ковыряться, как червяк? Вот уж – черта с два! Поищите дураков в другом месте!

Малость послужил по заграницам, особенно нигде не задерживаясь – не цеплялся за забугорные прелести жизни. Очень осторожничал всегда по месту службы, чтоб там с местными немцами-поляками панибратствовать, как некоторые себе позволяли – ни-ни. Или шнапсу лишку перебрать – ни боже мой! Отправили после Венгрии в Сибирь – тоже не спорил: надо – значит надо. Вот и допрыгал до комполка вовремя, в тридцать шесть – без всяких там академий. Через год на этой должности стал уже подполковником. И вот тут-то... началось.

Присылают как-то ему на должность начштаба тоже подпола, а тот на год младше и уже академию окончил. Тревожный звоночек прозвенел в душе Ивана: а ну как этот академик по его душу прибыл? Мало ли что? Запросто местами поменяют! Может, взять да самому попробовать сунуться в ту же академию? А вдруг не пройдет? Тогда точно труба дело! В его года да с такими погонами пора бы уже в Академию Генштаба метить – да кто ж туда пустит с училищным дипломом? И потом: полк – он вот, здесь – выслуженный, намоленный, можно сказать. Его бы не потерять – такая задача стоит!

К счастью, был у этого засланного казачка Миши Димитруковича один явный дефектик – бедолага фамилию-то свою толком выговорить не мог. Многие, улы-

баясь, переспрашивали: как, не понял? Ну не мог академик букву «р» осилить, хоть лопни! Лыжов сразу усек – это шанс. И дождался, что называется, момента. В присутствии ражего генерала из Риги Алабяна, из штаба округа – крутого что на милости, что на расправу, поручил Иван своему начальнику штаба командовать в понедельник полковым разводом. Вот вышла потеха на славу! Там же все команды через звучное «р»!

Академик старался как мог.

– Полк, явняйсь! Смийно! Явнение на-паво!

Солдатики, не стесняясь, держались за животы от ржачки. Офицеры их не сдерживали – самим бы не обхохотаться – когда такое было?

А Димитрукович еще напоследок выдал тираду:

– Ойкестл! Почему баабан не стучит?!

Музыкальный слух, стало быть, проявил. Лыжов, внутренне довольный – получился эффект, получился! – для порядка посуровел лицом и краем глаза почти что даже и не косил на генерала – ну разве что самую малость. Тот тоже как бы виду не подавал, но... Очень скоро в полку появился другой начштаба. Взамен прислали... Что ты будешь делать! Майора! 32 года от роду, и тоже уже с академическим значком. Стройный, высокий, красивый! На целых шесть лет моложе! Этот точно подсидит! Сколько страха натерпелся Иван, пока не грянул 1968 год![1] Начштаба – паренек явно не из простых – исчез тогда так же быстро, как и приехал – Москва отозвала в свое распоряжение.

Зато нынешний его НШ – совсем другое дело. Свой до мозга костей! Полояна Лыжов приметил еще во времена того в командирах роты. Капитан был уже, что называется, битый – лишние годы во взводных да в ротных командирах прослужил. Если б не Иван... Выдвинул сперва на комбата, а затем – и на образовавшуюся вакансию. И наверняка был уверен – ему этот Марк станет благодарен по гроб жизни: на батальоне-то выдвиженец пробыл меньше года, иные в этом качестве зависали лет на пять, а то и больше. Да что там говорить: для большинства карьера на этом и заканчивалась. А у Марка сейчас, что всего-то на пару годками моложе Ивана – второй чин в полковой иерархии! И без всяких там академиев, что очень-очень существенно!

Не, этот не предаст и не обскачет – понимает, что кусать руку дающую – себе вредить!

Последние пара лет прошли спокойно, но потом... Портила Лыжову кровь другая «заноза» – где же ты бродишь, третья звезда на погон? Год прошел – молчок. Второй пошел – тоже. А уж – сороковник. И только за два дня до некруглого юбилея, под самый Новый Год, пришел-таки приказ о присвоении. Будто гора с плеч! А то уж, что греха таить, было попивать начал. От нервов – от чего же еще. Полковник – это вам не фунт изюму! Далеко не каждому суждено судьбою в генералах ходить. И, опять же, не всем удается пощеголять в папахе. Вот она здесь, родимая! Теперь визит министра обороны пережить – и жизнь наладится, все как у людей будет! Хотя и подстраховаться, на всякий пожарный, не помешает. Была одна задумка... Правда, очень боялся проколоться, если честно. Пусть бы кто другой инициативу проявил – а уж он-то подхватит, не зазевается!

Вокруг все било и плясало! Чистили, мыли, заменяли, подправляли все что можно и даже нельзя. Например, усердно красили траву изумрудной краской – осень прусская кругом, дожди за дождями, все пожухло. Ну как можно встречать самого министра полинялым ландшафтом?! В столовую срочно завезли ножи и вилки – не дело солдатикам при высоком госте одной ложкой по привычке управляться. Даже салфеточки на столах появились – как в ресторане, е-мое! Бедняги шугались, не зная, что с этим добром делать, так и сидели поначалу деревянными истуканами!

Дошла инициатива и до личного состава. Гауптвахту по-быстрому зачистили от нарушителей, затеяв там для вида косметический ремонт. Мол, глядите сколько влезет – нет у нас беспорядков! Потому и благоустраиваемся! Законченных алкоголиков – командиров рот майоров Синилова и Стрюкова – отправили от греха подальше в принудительные отпуска. Еще на глаза попадутся в непотребном виде! Устанешь объяснять, что двухпросветные погоны достались этим исключительно как ветеранам войны к четвертьвековому юбилею Победы. В Кенигсберге войну окончили, так и остались здесь служить. Им бы, по-честному, и роты не доверить, но приходилось терпеливо ждать, когда настанет и для них пенсионная пора. И чтоб духу их не было в войсках! Задолбали всех, алкаши!

– Еще б этих, «пиджаков»[2]... сплавить от греха подальше. Ни выправки, ни шага строевого! – осторожненько размечтался на заседании штаба полка Иван. – Через одного пузатые!

– А вот об этом вы и попросите министра, – озорно взглянул на комполка начштаба.

К Полояну, надо сказать, прислушивались. Даже Иван, который сильно не уважал, когда ему под руку что-то советуют. Марк – особый случай. Особенно – после чешского похода в позапрошлом году: именно там майору поручили разработать операцию по окружению вероятного противника, если рыпнется. Всей дивизией обложили перепуганное подразделение чехов – наставили столько стволов из танков и артиллерии, что те сразу сложили оружие! Вот и вышло Полояну досрочное звание подпола и скорое обещание дать под начало полк – ждали этой весточки со дня на день.

– Дело говоришь, Марк Павлович! – одобрил Иван. – Заодно и попрошу разрешения побороться нам за звание «отличного». С «пиджаками» этого никак не достичь! А в остальном мы вполне готовы! Правильно я понимаю, товарищи?

[1] 1968 г. – ввод советских войск в Чехословакию.

[2] «Пиджак» – презрительная кличка кадровых офицеров в адрес «двухгодичников».

Визит министра прошел без сучка и задоринки, Сам, как и ожидалось, в столовой пообедал рядом с ополоумевшими солдатиками, воочию увидавшими живого маршала. Инициатива насчет отличного полка получила полную поддержку

...Лейтенант Мэлор Козин указание «шуровать служить в соседний полк» получил устно. Начальник строевой части[1], бравый усатый старлей, был краток:

– Там все знают!

– Так приказ же требуется! Что я предъявлю?

– Дуй давай! Не морочь голову. Может, еще путевку в санаторий выписать? По дивизии приказ вышел!

Коллега начстроя соседнего полка, пожилой капитан, явно переслуживший все сроки в своем звании, вылупил глаза:

– С чего это баня-то упала?

– Может, вы меня просто уволите в запас? – угрюмо парировал «пиджак». – И голову ломать не нужно! Я что, по-вашему, к вам просился?

– Да ладно, ладно, гвардеец, не шуми! Найдем тебе применение. Посиди пока. Или сходи покури.

– Не смолю. Здоровье берегу.

– Ну, так водухом подыши, раз весь из себя правильный. Как же тебя такого – и к нам?

Капитан куда-то сходил, вернулся чуть смущенный, велел зайти через часок. И уже вскоре Мэлор прибыл в расположение третьего мотострелкового батальона на должность комвзвода – как и в прежнем полку. Доложился комбату, тот слегка удивился и отправил к ротному. Ротный тоже было повел плечами, но, похоже, даже обрадовался.

– А что? У меня как раз некомплект – двумя взводами сержанты срочной службы командуют – с приставкой врио. Год уже отслужил? Да еще в передовом полку? Это хорошо.

Построили взвод, представили нового командира. Ротный со значением подчеркнул:

– Лейтенант Козин хоть и не кончал военного училища, зато по гражданскому профилю – журналист! Редкая, творческая специальность! Цените это! Много интересного такие люди знают. Да и целый год в «семерке» взводом командовал. Как комплексную проверку прошли, товарищ лейтенант?

– На «отлично».

– Вот видите? Повезло вам, парни!

И многозначительно взглянул на личный состав. Солдатики реагировали индифферентно. Пусть журналист. Все равно с ним не детей крестить.

Мэлор едва успел познакомиться с командирами отделений, уточнил по журналу данные о личном составе, как уже на третий день взвод отправили на полигон. С заданием – достроить спальное помещение. Ну что ж, пригодится студенческий стройотрядовский опыт!

Гражданский руководитель работ снисходительно заметил – от взвода требуется только рабсила. Самая мелочовка осталась.

– Значит, говоришь, третий взвод третьей роты третьего батальона? – почему-то с ехидной улыбочкой уточнил прораб. – Рабочие лошадки? Добро пожаловать!

– Не понял?

– Что не понял, комвзвод?

– Как вы узнали? Что мы кругом «третьи»? И почему сразу... лошади?

– Придется растолковать, раз ты еще такой... зеленый. Это – вековая традиция. Так всегда поступают с вашим номером. Ниже сортом – только хозвзвод. Но туда берут, однако, при наличии специальности – строительной, снабженческой, еще какой. А когда «бери больше – кидай дальше» – это как раз для вас, бедолаг «третьесортных».

– И что, везде так?

– Во всяком случае, в вашем 69-м полку. Ты здесь ведь недавно? То-то. Только призвали из запаса?

– Да уж год отслужил, в 67-й полку.

– Ну, 67-й – показной. А 69-й, куда тебя сослали, уж не знаю за что, во всей дивизии считают самым отстойным.

– Вот те раз! Да уж, открыли глаза. Еще на прошлой неделе назад командовал вторым взводом второго батальона.

– Мне дак все понятно. Наслышаны: Лыжов давно мечтал от «двухгодовалых» избавиться. Добился-таки своего, алкаш! Ты, это, лейтенант, лишнего не думай, и, главное, не вмешивайся. Тут от тебя никто инициатив ждать не будет. Мусор таскать, подбеливать – без тебя обойдутся. Твое дело бдить, чтобы солдатня в деревню за самогоном не бегала. И лишку не сачковали. А в остальном – отдыхай. Считай, на курорт попал.

– Что, совсем без боевой подготовки придется обходиться? Хоть кроссы-то побегать можно будет? Как проверку сдавать прикажете?

– Да вас во время очередной проверки куда-нибудь отправят с глаз долой. С «трешек» какой спрос? Я тебе, если хочешь, кой на что еще глаза открою.

– Да спешить некуда. Дождина вон льет – головы не поднять.

– Потому сегодняшний день и сактирую. По невозможности вести строительные работы. А ты слушай и на ус мотай. Я ведь в армии свое оттрубил в стройбате сверхсрочником в старшинском звании, недавно только погоны снял. Так вот. В каждой дивизии есть один передовой полк – как твоя бывшая «семерка». Ему – повышенное внимание: все укомплектовано по штату, новое вооружение – в первую очередь, офицеров за границу служить – опять же оттуда вперед других, ну и многое другое. Понятно, что и спрос соответствующий. Вот и носятся передовые, как навздрюченные. А «девятка», куда тебя перебросили, хоть и стоит на той же улице Емельянова – совсем другой коленкор. Говорю же – отстой. Если какой солдатик провинился и неохота с ним возиться – наказывать по серьезному – в «девятку» его. Вот твой взвод взять. Наслышаны про кой-кого. У тебя трое – судимые по малолетке.

[1] Строевая часть – аналог гражданского «Отдела кадров».

Ты фамилии-то запиши – за ними глаз да глаз понадобится. Зарубов, Агапеев и Сырцов. Все местные, первые двое – цыгане, даром что русскими пишутся. Семейства их живут на соседней с полком улице. Сам понимаешь – домой шастают через забор, когда вздумается. И хрен их застукаешь. А Сырцов сбежал со службы, когда служил в твоей же бывшей «семерке», и отсутствовал аж три месяца, в Москве отыскали – с другом гулеванил. Поначалу трам-тарарам, судить! Вот его Иван и сплавил от греха в «девятку». Кому надо пятно на полк?!

– Да я пока толком ничего и знать не знаю. Три дня покомандовал – и сюда.

– Вот и слушай. Есть еще парочка – Грымко и Волосюк. Этих давно пора бы в дисбат – бандиты-бандитами. Только скрытные да ловкие, поди застукай. Тоже местные. У нас тут по бывшему Кенигсбергу такой породы ухарей знаешь сколько?! Сам подумай: со всей страны ломанулись темные личности, когда область заселяли после войны. Кому дома не жилось. Да еще и порт. Сам знаешь: где порт – там криминал. Таких же отморозков и нарожали. Эти двое явно мутными делишками промышляли, только ведут себя осторожно, ждут с нетерпением, когда им дембель выйдет. Им же всем в море охота – значит, нужна будет характеристика. Этим их и держи. Тебе ж ее и писать. Они у тебя в зависимости. Ты кто по специальности, инженер?

– Журналист. Журфак на Урале закончил.

– Тогда в партию вступай. На гражданке у интеллигенции с этим проблемы. А тут, если все у тебя гладко прокатит, примут. Для карьеры пригодится. И в дела строительные не лезь. Не твоего ума затея. Я тут для этого поставлен. Чтобы построили то, что задумано.

Пара дней прошли серые, как прибалтийская погода. И тут нежданно-негаданно прикатил ротный командир. Совсем другими глазами смотрел теперь на него Мэлор. В тридцать два года – всего лишь старлей. Значит, тоже неперспективный. Да еще этот его взгляд исподтишка – будто насквозь сверлящий.

– Товарищ старший лейтенант, взвод построить?

– Зачем. Пусть работают. Мне вот с тобой побеседовать хочется. Последние пару дней пытался узнать, за что тебя к нам. Ничего интересного не накопал. Может, сам расскажешь?

– Нечем вас порадовать. На гарнизонной гауптвахте не сидел, от службы не бегал.

– Проверку взвод действительно сдал на «отлично»?

– Можно сказать – повезло. Тогда были почти что все старослужащие, мне особо стараться не пришлось.

– Честный. Это – хорошо. Другой бы... Ладно, проехали. В армии оставаться желания нет?

– Зачем? У меня специальность имеется, и неплохая.

– Я как раз и решил у тебя проконсультироваться по одному вопросу, если ты не против. Тут вот какое дело. Жена у меня в агентстве «Союзпечать» работает. Возникла возможность подписаться на серию «Всемирная литература». Книг там – не меряно. А как узнать – то ли издают, что надо? Денег стоит немалых – запросто подсунут фуфло. Вот ты бы смог отличить, что стоящее, а что так, проходной номер?

– Ну, тут дело вкуса.

– Ты, лейтенант, не юли. Скажем, был бы у тебя выбор – брать или нет?

– Я бы ориентировался на то, что сам читал. Или что хотел прочитать, но еще не успел.

– Вот мы и подобрались к решению вопроса. Мне надо для себя лично решить, что я должен прочесть, чтобы считаться культурным человеком. Хотя бы в собственных глазах. Кто меня сможет надоумить, как не журналист?

– Мне не трудно. Что вспомню – подскажу.

– Я знал, что мы договоримся. И тетрадку толстую приготовил.

– Вам тут дня может не хватить.

– А я и не спешу никуда. На службе. С какого раздела начнем?

– С начала. Пишите заголовок – «Античная литература». Только вынужден предупредить – мои воспоминания не могут носить исчерпывающий характер. У меня ж никаких первоисточников под рукой.

– Ничего. Никто с тебя и не спросит. Мне бы канву ухватить. Дальше я сам.

– Оно, конечно, Александр Иванович, филолог бы вам больше подошел. Они и читали больше нас, и с датами у них получше.

– Было б у меня время. Моей сказали – три дня на все про все, а то подписку отдадим. Из рук рвут книгочеи. Так что давай, не тяни. Даты тут ни при чем. Мне авторов знать надо.

– Значит, так. Первыми были древние греки и древние римляне. До них, считайте, литературы и не было. Это еще до новой эры. Первым номером – Гомер. У него поэмы «Илиада» и «Одиссея». «Илиада» – про Троянскую войну из-за Елены Прекрасной.

– Это я в курсе. Она от мужа сбежала, а тот напал на Трою – использовал это как повод, чтобы пограбить. Все войны из-за экономических причин начинаются, бабы тут ни при чем. А почему такое название, не помнишь?

– Город Троя назывался еще Илион.

– Понятно. А «Одиссея»?

– Среди войска, осадившего Трою, был царь государства Итака Одиссей. Греции как таковой тогда еще не было. Что ни город, ни остров – отдельное государство. Благодаря хитрости Одиссея и удалось взять Трою: как бы в дар городу соорудили гигантского деревянного коня, внутрь посадили лучших воинов, а флот отвели подальше за острова, для видимости – будто раздумали осаду производить.

– Дальше я знаю. Ночью войско вылезло из брюха коня и всех порезали.

– Именно так. После Троянской войны Одиссей очень долго добирался домой со множеством при-

ключений и за малым не опоздал – вожди Итаки решили, что негоже им жить без царя и нужно жену Одиссея Пенелопу выдать замуж. Дальше рассказывать не буду, а то не интересно будет читать.

– Это-то понятно. Я, пожалуй, с «Одиссеи» начну. Мне вообще про путешествия интересно. Журнал «Вокруг света» до дыр зачитываю. Я ведь и в армию пошел, чтобы по свету поездить. Да так, чтобы не на день-три или на месяц. Пожить годик-другой, хорошенько разобраться, как люди обустраиваются, чем живут, как питаются.

– И получилось?

– А сам посуди. Год в офицерах после военного училища прослужил – я сам из Арзамаса, но в Москве учился, в училище имени Верховного Совета – подал рапорт на Кубу. Там, правда, мне не поклиматило, не все приживаются – по болезни отправили досрочно домой. Но успел «Москвича» купить. А через год запросился в Польшу – тоже пожалуйста. Два года под Варшавой прослужил, в Легнице. Когда вернулся, уже через полгода появилась возможность в Монголию податься. Многие носы воротили, а я – с радостью. Два года как день пролетели, почти всю страну их проехал вдоль и поперек. Я и на Кубе успел в пяти провинциях побывать, и в Польше на месте не сидел, многое удалось повидать.

– Я здесь тоже как бы время зря не терял. Мастера спорта по борьбе выполнил. Давно об этом мечтал.

– Осуществил – значит, молодец! Что еще сказать!

– Раз такой разговор пошел... Я слышал, за границей в должности не повышают...

– Ну и ладно. Не все же ради звездочек служат. Зато после Монголии я успел еще Чехословакию захватить...

– Поход 68-го?

– Не только. Многие, как там все закончилось, домой рвались как очумелые – походная жизнь полна ограничений, дискомфорт. А я еще годик с удовольствием пробыл. Теперь вот в Венгрию намереваюсь сквозануть. Думаю, выгорит. Жаль, в капстраны советским людям путь заказан. Ну там – кроме артистов, спортсменов, дипломатов.

– И еще можно через комсомол. Мне разок удалось.

– И? Давай, рассказывай. Дюже интересно.

– После первого курса поехал в стройотряд летом. Там мы отличились, грамоту обкома комсомола получили. Осенью кое-кого отправили в международный советско-французский лагерь «Волга» под Казанью. Завязались контакты. Я французский не знаю – это они изучают русский язык, за этим к нам и приехали. Их там было полслагеря из трех молодежных союзов Франции. Один из руководителей предложил посетить их страну на будущий год. Кто бы спорил? Поболтали и забыли. Я особого значения не придал. А француз оказался деловым. Ближе к лету вызвали в обком комсомола, предложили за недорого туда путевку. Я не успел еще все деньги стройотрядовские потратить. Так что увидел и Париж, и Версаль, еще несколько городов.

– Сколько вы там пробыли?

– Десять дней. Нормально.

– Меня еще что в зарубежных странах интересует, знаешь? Кухня. Чего они такого едят, чего у нас нет. В той же Франции точно захотелось бы похлебать черепашьего супа. Тебе удалось?

– В первый же день. Он называется «a la tortue». Мы сперва удивились – чего это хозяева нам на первое собираются торт подать? А пока официант принимал заказ, переводчик из посольства объяснил, что это только такое название: там нет черепашьего мяса, варят из говядины с телятиной и курицей, такое сочетание дает вкус, близкий к черепашьему.

– Интересно.

– А в Чехии, говорят, пива – хоть залейся?

– Даже чересчур. Многие так пристрастились, что в гимнастерку перестали влазить. А вот закусывают чехи достаточно однообразно – бигус, мясо, картофель. Нет бы там к пивку рыбку, икорку. Не видят интереса. Ну, это их дела. Мне так выпивка в целом по барабану – из формы выводит, да и пример плохой подчиненным. Раз ты профессионал – будь добр соответствовать!

– Я еще в «семерке» слышал – есть в соседнем полку такой старший лейтенант Зиновьев, который быстрее всех офицеров и солдат кроссы бегает, лучше всех оружие новое пристреливает. Но – неуживчивый! Потому и не растет в званиях.

– А кто ни черта не умеет, вечно злобствует. И что, буду я им в рот заглядывать? Перетопчутся. Чинодрал на чинодрале, очковтиратели. В Чехии вон как очковали! Это ж не перед проверяющими выеживаться. Тому нальешь стакан, огурчиком закусит – и все в ажуре. Реальная обстановка все на свои места ставит! Я в сороковник вполне могу погоны снять – как неперспективный. Хоть электриком, хоть плотником запросто устроюсь – рабочие руки всегда нужны. Или в школу военруком – ребят к армии готовить. Пока возможность есть – мир посмотрю.

Незаметно за разговорами настало время ужина. Вернулись в казарму – у них с командиром был отдельный кубрик. Комроты – опять за свое.

– Не устал? Тогда продолжим.

– Еще в «античке» заметное место занимают басни Эзопа. Отсюда выражение – «эзопов язык». То есть – иносказательный.

– Закамуфлированный, то есть. Вроде как и мысль выразил, и никого не обидел. Правильно я понимаю?

– Совершенно верно. У него там в действующих лицах, в основном, животный мир. На памяти «Муравей и кузнечик», «Осел и свинья», «Голубь и муравей», «Лиса и ворона».

– Так это не дедушка Крылов написал, получается?

– В литературе так называемые «заимствования» зачастую трудно доказуемы. На полпути от Эзопа к тому же Крылову нам попадается в семнадцатом веке Жан

де Лафонтен, француз. У того множество повторений в названиях с древнегреческим автором. Например, басня «Лисица и виноград». У Крылова это тоже есть, как вы знаете. Пойди разбери, у кого тот же Крылов взаймы взял. Или басня «Мальчик, который кричал «Волк». У Эзопа есть тоже такое произведение.

– Но есть же литературоведы, критики? Как они оценивают такое?

– Вот это уже – к филологам. Мы особо в такие тонкости не вдавались. Филологи вообще считают, что журналисты – это недообразованные литераторы. Зато мы, в отличие от них, еще и экономику изучали, и основы юриспруденции – да много чего. Никогда же заранее не ясно, на какой теме остановишься в процессе работы. Скажем, попал ты в отдел информации – там жизнь каждый день будет такие повороты подбрасывать – не до Эзопов станет в большинстве случаев!

– Выходит, писателям можно так вот без совести воровать друг у друга? И гонорар за это получать?

– Да не скажите! Есть такое понятие – плагиат. Журналиста за него могут крепенько взгреть – вплоть до увольнения. У нас на первом курсе одного такого ухаря отчислили. Правда, он потом восстановился – да впредь поосторожней был. Что до нашего классика Крылова... Кто-то из маститых критиков заявил, что если сравнить тексты, получится, что Крылов позаимствовал разве что сюжет. А их в мировой литературе всего-то четырнадцать.

– Только то? Негусто!

– Значит, не всегда в фабуле дело.

– А это что за зверь?

– Тот же сюжет, но только если по порядку. Без инверсий.

– То есть когда по времени туда-сюда не скачут. Запишу. Первый раз такой термин слышу.

– Тот же Шекспир смело брал известные сюжеты и наполнял их своим содержанием.

– Иди ты!

– «Отелло», «Ромео и Джульетта» – все это было уже до него. А попробуй напиши, как Шекспир! У того же Крылова герои произведений носят черты истинно русского национального характера – такой вердикт вынесли, кажется, критики. Мол, у Лафонтена медведь – типичный француз, у которого сумерки – это «entre et chien» – «час между волком и собакой», а у Крылова мишка – истинно русский человек.

– Да, занятное это дело – литература. А ты, лейтенант, прибедняешься. Да твоих знаний на десятерых хватит. И ведь как все это безумно интересно!

– Да уж занятнее, чем казармы строить.

– Поди, дни считаешь, когда в запас уволят?

– Ну, дембельского календаря не завел. Не солдат все-таки. Но не скрою, хотелось бы поскорее любимым делом заняться. Не зря же учился.

– Ну, а я хоть малость отщипну от твоей учености. Мне военное дело нравится, с детства мечтал. Вот если бы не самодуры начальники... Ладно, это – другая тема. Вернемся к литературе, если я тебя не сильно утомил. Что там еще в «античке», кроме басен, интересного?

– В Древней Греции очень развит был театр. Значит, и драматурги сильные были. Очень любили греки трагедии. Тут выделялись Эсхил, Софокл, Еврипид. У Эсхила я читал только «Прометей прикованный». Честно говоря, усваивается тяжеловато.

– Это который людям огонь подарил, а его за это дело к скале приковали и послали орла печень клевать, чтоб мучился подольше? Знакомая картина. Давай драматургов лучше пропустим. Пьесы я читать не люблю – пусть по ним спектакли ставят. Смотреть будет любопытнее. Но авторов запомню.

– Читать интереснее комедии. Все читают «Лисистрату» Аристофана.

– Это там, где бабы не давали мужикам, чтобы те кончали воевать? Слыхал об этом.

– Да вы, Александр Иванович, хорошо подкованы, как я погляжу.

– Ты это, Мэлор, не подкалывай. Мои познания в литературе равны почти что нулю. Особенно по сравнению с твоими. Потому и стремлюсь побольше информации набрать.

– Да мне не жалко. Тему вы уловили верно. Имя главной героини переводится как «Разрушительница войны». Но поскольку сюжет, прямо скажем, пикантный, многие последователи Аристофана именно на этом делали акцент. Может, поэтому до сих пор идут на сценах скорее не спектакли по самому Аристофану, а вольные сочинения на эту тему. Ну, и возможность красивых актрис подраздеть под это дело, раз тема позволяет, чтоб зритель валом валил. А вообще всерьез первым, или одним из первых произведений на тему любви многие считают «Дафнис и Хлоя». Автор – Лонг. Ну, это пересказывать бесполезно. Вот если все это вы освоите – считайте, что вкратце с Древней Грецией ознакомились.

– А Древний Рим позже был?

– Да. Во всяком случае, так принято считать.

– Вижу, Россией в те времена и не пахло.

– Да мы в шкурах еще ходили, не до письменности было.

– Римом с утра займемся. Строй взвод, проводи вечернюю поверку,

– Вы поучаствуете?

– Зачем? Ты командир – ты и командуй. А то еще подумают, что я не доверяю. Кстати, солдатики, понятно, смекают – а зачем я сюда припожаловал? Вот пусть головушки и ломают. Про наши с тобой занятия им – ни-ни! Понял?

– Так точно!

С утра ждали подвоз кирпича, и Козин решил, что неплохо бы заняться военной подготовкой. Поэтому до подъема объявил тревогу и прогнал личный состав через кросс. Пробежали нормально, никто не сачковал. Это взводного обрадовало – не стройбат же, в конце концов! Хотел еще провести политзанятия по текущей международной обстановке, но привезли

стройматериалы, и эту затею пришлось отложить. Опять засели с ротным за приятным занятием.

– Так что там Древний Рим? Готов записывать.

– Поехали. Цицерона вы читать не станете – его речи пронизаны политикой, потому что он был членом Сената. Дипломат по-современному. У Цезаря был любимый поэт Вергилий. Он его обласкал, но пришлось потакать императору: писать «Георгики», «Буколики» – всякие пастушеские стишки. Заказуха, одним словом. Малоинтересно. А в историю литературы Вергилий вошел значительным трудом – мифологической поэмой «Энеида». Ее себе пометьте на всякий случай. У Овидия любопытны «Метаморфозы». То есть – преобразования, изменения. Но любители литературы обязательно должны прочесть «Золотой осел» Апулея. Обычно родители эту книжку от детей прячут по понятным причинам.

– Ты меня за совсем серого не держи. И «Золотой осел», и «Декамерон» Бокаччо я еще старшеклассником прочитал.

– Мое дело ничего не пропустить. Древнего Рима на этом хватит.

Со стороны посмотреть – интересная получилась у них мизансцена. Крутоплечий, высокий Козин с буйной шевелюрой и низкорослый, жилистый, будто сжатая пружина, по-военному коротко постриженный Зиновьев. Полные противоположности! А по сути – несмотря на разницу в возрасте и количество звездочек на погонах, – Учитель и Ученик, Мэтр и алчущий знаний Подмастерье.

– А про Данте что скажешь? Я его во «Всемирке» первым отметил. Загадочная для меня фигура, и название «Божественная комедия» придумал классно, на все времена!

– Тоже итальянец. Это позже, уже не Древний Рим – четырнадцатый век. Когда наступил период Средневековья. Тогда главенствовала народная литература да церковные книги. Другим церковники ходу не давали, поэтому Средневековье и считается мрачным периодом. По сути, только Данте Алигьери и пробился по-настоящему в историю литературы. Его «Божественная комедия» точно должна быть в каждой приличной библиотеке. Если хотите, по памяти кое-что процитирую.

– Шуруй. Интересно.

– Подумайте о том, Чьи вы сыны:

Вы созданы не для животной доли,

Но к доблести и к знанью рождены.

– Сильно!

– Эта строфа из двадцать шестой Песни «Ада» в современном переводе Лозинского. Говорят, в оригинале все проще – «Задумайтесь о вашем происхождении». Я латынь не знаю – ее в университете только филологи учили.

– А вообще как с языками? Дружишь?

– Больше английский. Поменьше – французский. Некогда было всерьез заняться. Наверстаю.

– По твоему уровню интеллекта, конечно, надо бы. Ладно, отвлеклись. Поехали дальше.

– Вообще вокруг этой книги столько трудов наворочено, столько диссертаций написано! Автор вряд ли предполагал, что многие на нем на хлебушек серьезно зарабатывать будут, когда трудился над этим произведением полтора десятка лет. Да еще с маслицем! Сколько доцентов, профессоров на Данте взошло – не сосчитать!

– Ну а ты чего теряешься? Вон сколько всего в памяти накопил! Пропадет же добро. Не жалко?

– Я в современности жить хочу, а не в пыльных манускриптах копаться.

– Мне-то что. Твои дела.

– За мрачным Средневековьем последовало, как и полагается по логике вещей, эпоха Возрождения.

– Понятно – так оно по жизни. За черной полосой – белая.

– Считается, что началось оно тоже в Италии с четырнадцатого века. Тут имя на имени: Петрарка, Рабле, Шекспир, Сервантес.

– Ты меня, профессор, так легко запутаешь. Давай по порядку.

– Хорошо. Многие считают началом Возрождения эпическую поэму Франческо Петрарки «Африка». Он был священником при папском дворе, за эту поэму получил лавровый венок. Очень был популярный человек по всей Европе. Вершина французского Возрождения – Франсуа Рабле. Это пятнадцатый век.

– У меня давно уже есть его роман «Гаргантюа и Пантагрюэль». Между прочим, очень детям нравится. Я им на ночь его читаю и сам получаю удовольствие.

– По профессии он был врач, хирург. Якобы первым сделал операцию на животе, но я точно это не утверждаю, надо проверять. Вроде как был такой факт. И еще он был великим путешественником. Интересная, многогранная личность. А вот жизнь лучшего писателя испанского Возрождения Сервантеса...

– Кто ж не знает «Дон Кихота»? Эта книга у меня тоже есть. А ты помнишь все его имя? Длинное-предлинное.

– Конечно. Мигель де Сервантес Сааведро. Кстати, «Дон Кихот» вышел уже в начале семнадцатого века. Но не все в курсе, что жизнь этого писателя, поэта, драматурга – сама по себе авантюрный роман. Студентом он сбежал в Италию – его хотели посадить за драку. Но ему и этого показалось мало. Пошел на войну, получил тяжелое ранение – левая рука так и не восстановилась. Попал в алжирский плен на пять лет, четырежды бежал, потом семь месяцев в тюрьме отсидел. В общем, это – отдельная тема. А какой замечательный символ создал – «Рыцарь печального образа». В Англии до XVI века ничего интересного нет – то есть, до Шекспира. С ним сами разберетесь – что ни произведение, то классика.

– А вот говорят, что не все он сам написал.

– Бредятина! На Шолохова тоже тянут – мол, украл свои произведения у какого-то дворянина. Пусть попробуют написать, как

Шекспир или как тот же Шолохов! Кто не дает? Завистники злобствуют, как я считаю!

– А самому что у Шекспира больше нравится?

– «Гамлет». На все времена вещь. Потому что ситуация будет повторяться и повторяться. Борьба за власть, ложь, обман, предательство и – как результат – наказание за эти пороки.

– Про Гамлета я много слышал. Да и читал – правда, давненько, еще в школе. А вот сколько ему лет, как думаешь? В пьесе точно про это не сказано, насколько помню.

– Лет тридцать, явно не мальчишка. Хотя есть разные мнения. Сами прикиньте, товарищ старший лейтенант: шпагой владеет отменно, мозги развиты как следует, по-взрослому. Вон как всю интригу распутал!

– А сколько было Смоктуновскому, когда он его сыграл, не в курсе?

– Явно за сорок – он же в войне участвовал. Это и правда просто почитать интересно – не то что большинство пьес, обычно это занятие утомляет быстро. Наиболее мощно литература стартанула в девятнадцатом веке. Взять ту же Англию. Вальтер Скотт написал «Айвенго», с него фактически началась мода на «рыцарские романы», но до уровня мастера никто не дотянул, хотя подражателей было море! Диккенс создал значительную вещь «История Дэвида Копперфильда». Большой популярностью пользовались «Посмертные записки Пиквикского клуба». Уильям Теккерей. Джером Джером создал книгу тоже на все времена – «Трое в лодке, не считая собаки». Редьярд Киплинг – у него можно читать все, если стихи любите.

– Конечно, люблю. Пушкина, например.

– Кто ж Пушкина не любит? До русской литературы мы еще дойдем. Из англичан еще, на мой взгляд, заметен Льюис Кэррол с его дилогией «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

– Это как бы для детей?

– А вы почитайте. Не все так однозначно.

– Ну ты и шпаришь! Неужели ты все это на самом деле прочитал? И как это может уместиться в голове?

– Сами удивляемся, как говорится. Видимо, полтора кило мозга достаточно. Смотря чем его забивать.

– У всех, что ли, по полтора? Поровну? Никогда не задумывался.

– Не больше двух. Он, кстати, развивается где-то до тридцатчика.

– А потом?

– Начинает терять помаленьку, по граммульке. Вот почему его лучше наполнить смолоду, потом может быть бесполезно. Перейдем к французам?

– Давай, если не устал.

– Да мне не напряжно. Никогда такой задачи перед собой не ставил – переворошить черепушку на предмет накопленного. Итак, Франция. Стендаль – «Красное и черное». О любви. Очень занимательно. У Виктора Гюго – «Собор Парижской Богоматери», «Отверженные». У Бальзака побольше классики наберется – «Шагреневая кожа», «Евгения Гранде», «Утраченные иллюзии», «Блеск и нищета куртизанок». И еще обязательно «Монахиня» Дидро. Я и правда устал. На сегодня хватит.

– Я записывать-то вспотел. Ну и умище у тебя, лейтенант!

– Скорее, память.

– Толку от памяти, если мозгов мало. Это ж все осмыслить надо! Да лишнее повыкидывать из головы, чтоб не засорять.

Утром, сразу после завтрака, только развод солдатикам провели, по местам расставили, задачи обозначили – командир тоже озадачил Мэлора.

– Вот ты мне про многое рассказал, а про Клеопатру мы не упустили? Я что про нее слышал: будто каждого, кто с ней провел ночь, наутро казнили. Ну и что красавица из красавиц была эта египетская царица.

– Про нее скорее из драматургии можно узнать. На этот сюжет еще будут писать и писать. Начал Шекспир – пьеса «Антоний и Клеопатра», подхватил тему Бернард Шоу, он ирландец, классик британской культуры – им написана вещь «Цезарь и Клеопатра», это уже конец девятнадцатого века. Бернард Шоу скорее драматург века двадцатого, больше всего прославился своим «Пигмалионом». Это тоже очень популярный сюжет – как можно путем воспитания из простой торговки сделать великосветскую леди. Клеопатру еще Пушкин упоминал в сборнике «Египетские ночи». А насчет казни любовников царицы – это просто один из мифов. И вроде как у них интересно получалось: мужики знали, что их ждет, и сами на это шли, не по ее капризу им головы рубили.

– Знать-то стоила она того, раз сами.

– Мы с вами, Александр Иванович, с этой Клеопатрой целый век проскочили. А ведь с Пушкина в девятнадцатом началась, собственно, русская литература. Все, что было до него – ерунда.

– Ну, про Пушкина можешь мне не рассказывать, как и про Тургенева, Некрасова, Достоевского. В этом сам разберусь. Как и со Львом Толстым. Это уже проще.

– Про Чехова не забудьте. Еще приплюсуйте Вересаева. Оба – врачи, люди весьма образованные. Бунина не забудьте – веха в истории литературы. Это уже – наш век.

– Ну, в нашем веке я тоже кое-что понимаю – Куприн, Короленко, советские писатели там. В школе проходили, и в училище. Я и так целую тетрадку исписал. Если что вспомню – спрошу. Да, и в часть пора. Бывай!

Вернулся комроты на следующий день.

– Все, сворачиваемся. Меняют нас – из другого батальона взвод отправляют.

– А что ваша жена сказала насчет нашего с вами списка?

– Велела тебя на ужин пригласить, во как! Впервой такое с ней. Она, если честно, военных не очень жалует – ну, чтоб дружбу водить,

домой звать. За дубаков держит, хоть и замужем за офицером. Я, как только приехал – мы с ней давай сверять, что там в этой серии. Она, не поверишь – как ошалелая была. Не могла понять, как так возможно – прямо из головы составить список выдающихся произведений мировой литературы. Там же редакционная коллегия – вся из академиков, с десяток человек. А тут... простой взводный! Ох, не по делу мы тебя используем – в караулы ходить, казармы строить. Не с таким интеллектом! Оставайся в армии – в военной газете, например. Далеко пойдешь!

– Если какой-нибудь Иван Лыжов не остановит! Ему мои знания – до одного места! Как говорили те, кто до нас с вами тут жили: «maul halten und weiter dienen» – «держи язык за зубами и служи»!

– А умные люди им отвечали: «not macht erfinder erisch» – «нужда сделает изобретательным!» Не вы один в немецком шарите.

– Мы уже на «вы»?

– С интеллектуалом – только на равных. Особенно при подчиненных. И все же – подумайте. Не свет же клином сошелся на таком Иване!

– Да что тут думать! Все давно продумано.

– Ой, все ли? На гражданке, что ли, все как надо устроено? Я ведь с работяг начинал, на оборонном заводе. Такой бедлам! Рабочие и начальство только и думают, как друг друга обдурить. Жилье люди ждут десятилетиями – в амии такого нет. Никогда семью на улице не оставят.

– И как? Удается? В смысле – дурить?

– У кого как. Получает, скажем, хитрован-станочник задание, и тут же начинает реветь: как я за три часа это выточу? Если убедительно стонет, мастер ставит коэффициент два. А этот часа не за три, так за четыре все сделает, а в остальное время халтурку какую-нибудь налево варганит. Около завода вечно бабки, тетки вертятся. Кому деталь для пылесоса, кому еще что. Так и живут в обмане. А горлопанов рангом повыше на предприятии – пруд пруди. Правды не добьешься. Вот меня и потянуло в офицеры. Раз такая хрень во всем, я хоть деньги нормальные получать буду. Ведь те же трудяги, как бы они ни пыхтели, до офицерских окладов все равно не дотягивают.

– Да, мы переписываемся с однокурсниками. Кому восемьдесят, кому сотню положили. Поскольку – молодые специалисты. Одна надежда на гонорары. И их непросто заработать.

– А у тебя – все двести. И это – только начало. Так что есть, о чем покумекать все же. Ну, мы здесь без посторонних... У тебя с головой все в порядке, не пропадешь. Я вот еще о ком хотел спросить, пока не забыл. Мы ж с тобой находимся на родине Иммануила Канта, великого немецкого философа. Чисто местный – родился в Кенигсберге, всю жизнь здесь работал.

– Вы не поверите...

– Давай на ты.

– Ладно. Я в первый же день, как сюда прибыл, поехал на остров Канта – поклониться его могиле. С моей точки зрения – выдающийся ученый, хотя конкурентов у него было хоть отбавляй, девятнадцатый век был богат в этом отношении: Гегель, Мор, те же Маркс с Энгельсом. Хотя, по большому счету, конкретных предложений, кроме Маркса, никто не выдвигал. Утописты, мечтатели. Предлагали, как надо бы поступать, а вот как достичь результата...

– Давай о Канте. Если коротко – в чем его величие?

– Кант считал, что человеку нужен правовой строй, тогда личность сможет свободно развиваться, а жизнь приобретет истинный смысл.

– И как этого добиться?

– Придерживаться принципов человечности.

– А что есть человечность?

– Способность придерживаться правильных принципов. Например, разумная осторожность, направленная на максимальную эффективность. Свобода в выборе действий с предвидением последствий этих действий с постановкой дальних целей при преодолении роковых соблазнов. Выполнять нравственные законы, даже если это человеку невыгодно с материальной точки зрения и даже опасно для жизни. Стремление понять законы мироустройства и действовать соответственно им. Сохранить в себе искру добра – значит жить не зря. Ну и много чего другого. Я ж не философ, примитивно все объясняю.

– Да уж. Не философ он! Заслушаешься! А теперь я тебя удивлю. Знакома фраза «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»?

– Элементарно. Просьба славян к Рюрику.

– А кто он был таков, тот Рюрик? Нигде не найду объяснение, хоть тресни.

– Это обнаружили историки-литераторы в старинных русских летописях «Повести временных лет» периода конца десятого – начала одиннадцатого веков. Рюрик был правителем Северо-Западной Руси, предводителем одного из отрядов викингов, или иначе – варягов. Словом «рериг» поморы Ладожско-Ильменского региона обозначали сокола. А стал Рюрик родоначальником русской княжеской, потом ставшей царской, власти.

– Ну прям как из энциклопедии прочитал.

– Рад был помочь.

– Ты не только помог. Сам того не ведая, все мозги мне переворошил. В общем, в субботу вечером ждем на ужин.

– Так точно, товарищ старший лейтенант! Буду с удовольствием!

– Да ладно тебе. Я ж не приказываю. Прошу! Даже не знаю, как теперь приказы тебе отдавать. После всего...

– Да мне не в тягость.

– Я не о том. Я ведь по привычке как то, это... тыкаю. Поверь – не от недостатка мозгов. Хорошо, что мы оба перешли на ты. А то какая-то внутренняя неловкость возникает.

– Да я не против. Как скажете... То есть, как скажешь...

– Саша я теперь для тебя, лейтенант. Просто Саша!

И первым протянул руку. Чего никогда не делал при общении с подчиненными за все годы службы!

Товарищ лейтенант!

Противней, чем раннее утро понедельника зимой в бывшей Восточной Пруссии, придумать невозможно! Как правило, уже успело не только слегка поморосить, но и основательно подморозить – будто специально гнилой природой все подстроено: а не хотите ли пройтись по покатушкам, офицеры бравые?

Улица Емельянова в Калининграде по насыщенности войск могла дать, пожалуй, фору всякой не только на пространствах СССР, но и любого другого государства. Два мотострелковых полка, развернутых почти что по полному штатному расписанию, плюс три отдельных батальона – чем не мощнейшая группировка по мирному-то времени? И каждый понедельник, как издревле завелось и неукоснительно исполнялось, рабочая неделя начиналась с полкового (батальонного) развода. Первое командное лицо в каждой из всех пяти воинских частей ровно в восемь тридцать принимало доклад начальника штаба о готовности подразделений к прохождению маршем: нетрудно себе представить, во сколько начиналась утренняя маета офицерского корпуса – успеть проверить-перепроверить готовность личного состава, кого-то вздрючить за упущения в форме одежды и успеть эти упущения исправить, принять доклад от всех командиров, начиная с сержантов, что «за время вашего отсутствия в подразделении происшествий не произошло», и опять же убедиться, что никто не врет, ничего не скрывают... Да еще успеть доложить вышестоящему начальнику по той же схеме. В общем, забот, как ни крути, полон рот, где каждый зуб только и ждет, чтобы выкинуть какой-нито фортель.

По этой причине уже в семь, а то и пораньше, Емельянова отзвучивала нестройной мелкой дробью начищенных до сумасшедшего блеска хромачей – в других на развод попробуй выйди! Это потом, после развода, наступит очередная головная боль младших офицеров, если предстоял полевой выход: во что обуть взвод? Если морозец так и не отступит – лучше в валенки, а ну как подлая погодка снова сырость разведет? Полвзвода начнут хлюпать носами, протопав по холодным лужам. Прикажешь надеть кирзачи – жди тот же эффект, если не круче! Но это будет потом. А пока...

Улица, переполненная серыми шинелями, угрюмо топала исключительно по одной стороне – все военчасти расположились, как назло, в линейку, при этом каждый участник движения, боясь опоздать, еще и держал в уме одну злую задачу – не приведи господь, растянуться и посшибать, как кегли, таких же бедолаг, как сам. И бока отшибешь, и позора не оберешься!

Лейтенант Козин, как и все, был частью этого броуновского движения[1], будь оно неладно! И не сразу сообразил, что истошные одиночные окрики фальцетом сзади относятся конкретно к нему.

– Товарищ лейтенант!.. Товарищ лейтенант, стойте!.. Товарищ лейтенант, я к вам обращаюсь!

Лейтенантов вокруг было – пруд пруди, не сосчитать. Да и кому он мог понадобиться? Знакомый окликнул бы по имени, или фамилии, а вот так, официально? Вряд ли! Но когда до КПП полка оставалось совсем чуть-чуть, а количество суетящихся оставалось явно все меньше и меньше, он все же решил оглянуться, а вдруг, чем черт не шутит, именно к нему обращено это непрерывное завывание? И не ошибся. Мелкой семенящей походкой, размахивая для равновесия маленькими ручонками, приближался... незнакомый майор. Мэлор мог с уверенностью сказать – раньше они никогда не встречались, ни при каких обстоятельствах. Уверенности в правоте своего вывода придавали черные петлицы на шинели торопыги – технические войска, у Козина и его сослуживцев они были красные.

– Слушаю вас, товарищ майор! Чем могу помочь?

– Ну вот! Опять!

– Что опять-то? Никак не могу сообразить!

– Вы почему мне честь не отдали?!

– Виноват! – приложил к виску правую ладонь Козин. – Тороплюсь на службу. А догоняли меня вы зачем? Что случилось-то?

– То и случилось! Мы же с вами пересеклись еще минут пятнадцать назад, а вы меня не поприветствовали!

«Так это он что, меня от самого рембатальона догонял? Это ж почти с километр будет!» – молнией пронеслось в голове. Как же стало жалко этого служаку: низкорослый, седой, в годах! Вспотевший, ушанка на бок съехала. Из-за такого пустяка?! Кто вообще в толпище честь отдавал? Не грохнуться бы – одна задача на всех. А этот... И вдруг такая злость вдруг нахлынула! На что же человек жизнь свою разменял? Может, даже воевал в Отечественную – и из-за такой ерунды!

Козин вытянулся во весь свой немалый рост и трижды вскинул руку к голове.

– Довольны, товарищ майор! Это вам – авансом! Вдруг опять недостача выйдет! Не из-за меня, так из-за другого лейтенанта. Будьте здоровы, живите богато!

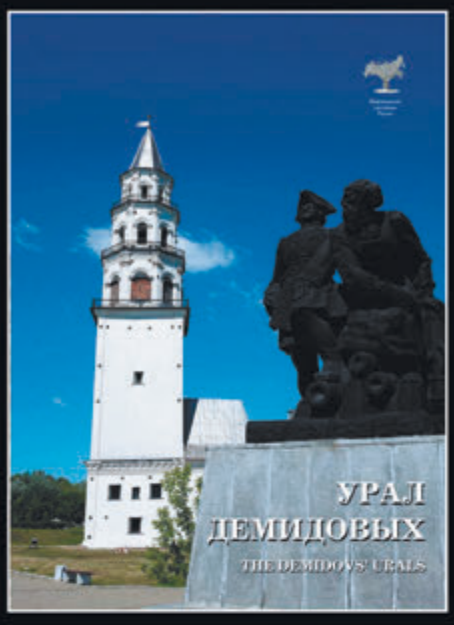
Развернувшись кругом, Мэлор попробовал изобразить строевой шаг – и, конечно же, грохнулся! Да так, что шапка отлетела и в локте противно засаднило. Пропади оно все пропадом!

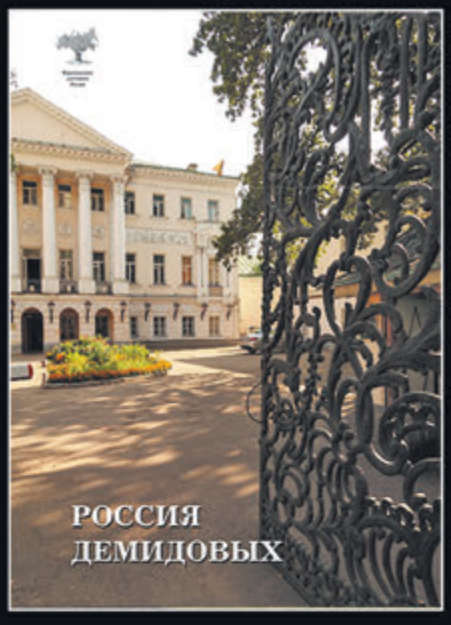
[1] Броуновское – в данном случае беспорядочное.

СЕРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОЕ ДОСТОЯНИЕ РОССИИ – ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ УРАЛА»

ukbkin@gmail.ru

Серия

Национальное достояние России

